

...КНИГА О ТОМ, ЧТО НЕТ НИЧЕГО
ОБМАНЧИВЕЕ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ...

АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ,
автор романа
«Петровы в гриппе и вокруг него»

ДЖОН ИРВИНГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНОСТРАНКА»

18+

Большой роман

Джон Ирвинг

Покуда я тебя не обрету

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Ирвинг Д.

Покуда я тебя не обрету / Д. Ирвинг — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-21639-6

Трагикомическая сага от знаменитого автора «Мира глазами Гарпа» и «Отеля „Нью-Гэмпшир“», «Правил виноделов» и «Мужчин не ее жизни», «Последней ночи у Извилистой реки» и «Сына цирка», панорамный бурлеск, сходный по размаху с «Бойней номер пять» Курта Воннегута или «Уловкой-22» Джозефа Хеллера. «Покуда я тебя не обрету» – самая автобиографическая, по его собственному признанию, книга знаменитого американского классика. Герой романа, голливудский актер Джек Бернс, рос, как и автор, не зная своего биологического отца. Мать окружила его образ молчанием и мистификациями. Поиски отца, которыми начинается и завершается эта эпопея, определяют всю жизнь Джека. Красавец, любимец женщин, талантливый артист, все свои роли он играет для одного-единственного зрителя.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21639-6

© Ирвинг Д., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Часть первая. По Северному морю и Балтике	6
Глава 1. Под крылом богомольцев и старинных подруг	6
Глава 2. Самый маленький солдат	15
Глава 3. Шведский бухгалтер	28
Глава 4. Неудача в Норвегии	37
Глава 5. Фиаско в Финляндии	49
Глава 6. Священный шум Господень	59
Глава 7. Еще один пункт, не значащийся в маршруте	68
Часть вторая. Океан девиц	86
Глава 8. С девочками хорошо	86
Глава 9. Мал еще	98
Глава 10. Единственный зритель	107
Глава 11. Папа, который сидит внутри	121
Глава 12. Еще одна иерихонская роза, но необычная	129
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Джон Ирвинг

Покуда я тебя не обрету

Тому, кто дал мне шанс снова пережить молодость, – моему младшему сыну Эверетту в пылкой надежде, что, когда ты подрастешь и прочитаешь эту книгу, у тебя за плечами будет прожитое (а может, еще и не до конца прожитое) идеальное детство, совершенно не похожее на то, о котором тут рассказывается.

John Irving
UNTIL I FIND YOU
Copyright © Garp Enterprises 2005
All rights reserved

© И. В. Свердлов, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

То, что мы, во всяком случае я, называем «твердой памятью» – памятью о событии, о некоей сцене или факте, которые каким-то образом затвердели в нас и тем самым спаслись от забвения, – на самом деле есть нескончаемый пересказ одной и той же истории, которая в процессе пересказа все время меняется. Человек – арена борьбы множества эмоциональных корыстей, подчас противоположных, несовместимых, поэтому невозможно принять свою жизнь целиком и сохранить душевный покой. Я думаю, в этом и заключается одна из задач рассказчика – подлатав тут и там, добиться эмоциональной целостности истории. Как бы то ни было, когда мы говорим о прошлом, каждое наше слово – ложь.

Уильям Максвелл. Пока, увидимся завтра¹

¹ Уильям Киперс Максвелл-младший (1908–2000) – американский романист. Его роман «Пока, увидимся завтра» (1980) удостоен Национальной книжной премии США. (Здесь и далее примеч. перев.)

Часть первая. По Северному морю и Балтике

Глава 1. Под крылом богомольцев и старинных подруг

Мама Джека Бернса всегда говорила, что ее сын начал актерскую карьеру с пеленок. Джеку же из детства запомнились ярче других те моменты, когда ему остро хотелось взять маму за руку. Никакого притворства – ему правда очень хотелось.

Конечно, человек начинает запоминать события по-настоящему только лет с четырех-пяти – да и то с тех времен остаются лишь обрывки воспоминаний, а часто и попросту вещи, которых на самом деле не было. Джек хорошо помнил, как ему впервые захотелось взять маму за руку, – но можно ручаться, что на самом деле это было не в первый, а в сто первый или даже двести первый раз.

Когда Джека определили в детский сад и он проходил тестирование, выяснилось, что его словарь значительно богаче, чем у сверстников. Ничего удивительного: он был единственным ребенком у матери-одиночки и его основными собеседниками были взрослые. Педагоги отметили в первую очередь другое – необыкновенные способности к запоминанию последовательности событий: в три года он демонстрировал уровень девятилетних. А в четыре выяснилось, что по вниманию к мелким деталям – например, кто во что одет, как называются улицы, где он гуляет, и многое другое – и пониманию линейности времени Джек сравнялся с одиннадцатилетними.

Для Алисы, мамы Джека, все эти результаты оказались полной неожиданностью – она-то считала его рассеянным, даже недоразвитым, не живет, а спит на ходу да все мечтает.

Осенью 1969 года, когда Джеку исполнилось четыре и в детсад ему еще было рано, мама пошла с ним гулять по Форест-Хиллу, довольно уютному району Торонто. Дойдя до угла улиц Пиктол и Хатчингс-Хилл-роуд, она показала ему школу. Оттуда, сказала Алиса, сейчас будут выходить девочки.

Учебное заведение – «церковная школа для девочек» – называлось школа Святой Хильды, обучались там дети с детсадовского возраста и вплоть до тринадцатого класса (его еще не отменили в Канаде в те времена). Алиса решила, что именно здесь Джек начнет учиться, несмотря на то что он мальчик. Она дождалась, пока школьные двери откроются и оттуда вывалит толпа девчонок – одни опрятные, другие не очень, одни со светящимися глазами, другие мрачные и обиженные на весь свет, одни хорошенькие, другие так себе, – и тогда объявила Джеку новость:

– На следующий год здесь будут учить и мальчиков – но только до пятого класса.

Джек стоял как вкопанный. Это же надо! Мимо него слева и справа шли девочки, иные даже большие и голосистые. Все до единой в школьной форме – потом Джеку не раз думалось, что ему ходить в ней всю жизнь до гроба, – серые свитеры, малиновые жакеты, белые блузки матросского покроя.

– Набор очень маленький. Но тебя возьмут, – сказала мама Джеку. – Я об этом позабочусь.

– Как? – спросил Джек.

– Я еще не придумала, – ответила Алиса.

Девочки носили серые плиссированные юбки и серые гольфы, «доколенки», как их называли в Канаде. Джек впервые видел столько девчачьих голых ног. Он еще не понимал, какой внутренний моторчик заставлял девчонок скатывать гольфы если не до щиколоток, то, во всяком случае, ниже икры, – и это делали все, несмотря на школьное правило, согласно которому «доколенки» надо подтягивать до колен.

Кроме того, Джек Бернс заметил, что девочки его не видят, смотрят сквозь него, словно его тут и нет. Но одна не прошла мимо – постарше других, уже есть бедра и даже грудь, и полные губы, точь-в-точь как у Алисы. Она посмотрела Джеку прямо в глаза, словно не в силах отвести взгляд.

Джеку было всего четыре, и он не мог разобрать – то ли это он не может отвести от нее взгляд, то ли она попала в капкан и не может смотреть в другую сторону. Как бы то ни было, по ее лицу немедленно стало ясно, что она что-то такое поняла, что-то такое узнала и углядела, – и Джек испугался. Может быть, ей привиделось, как он будет выглядеть, когда станет постарше или когда совсем вырастет и будет взрослым мужчиной, и от этого видения она исполнилась страстью и отчаянным желанием увидеть это побыстрее наяву. А может, думал Джек, ее переполнили ужас и отвращение – ведь в конце концов она отвернулась.

Джек с мамой не двигались с места, омываемые потоками девочек, пока потоки эти не иссякли: от шума и топота не осталось ни звука, а смех, то радостный, то угрожающий, стих вдали. Теплый воздух ранней осени сохранил их запах; Джек вдохнул и подумал, что это духи. Однако в школе Святой Хильды почти никто не душился; этот новый запах был их собственным, настоящим запахом этих девчонок. Джек так и не смог к нему привыкнуть, не научился воспринимать его равнодушно. Даже перейдя в пятый класс, он его не забыл.

– А почему я буду ходить именно в эту школу? – спросил маму Джек, когда девочки ушли.

На улице не было никого, только шелестели опавшие листья.

– Потому что это хорошая школа, – ответила Алиса и добавила: – Кроме того, в обществе девочек тебе ничто не грозит.

Джек был совсем другого мнения и тут же схватил маму за руку.

Той осенью мама заготовила для Джека массу сюрпризов. Помимо обещания отдать его на будущий год в школу Святой Хильды и той прогулки по Форест-Хиллу, когда она показала ему девочек в школьной форме (которые вскоре сыграют в его жизни такую важную роль), Алиса объявила, что проедет с ним по Северной Европе в поисках его беглого папаши. Она знала, в каких городах тот может от них прятаться (она так и говорила – «мы с тобой проработаем эти города»), и вот они с Джеком отыщут его и напомнят о долге перед сыном и женой. Джек частенько слышал, как мама говорит: «Он в ответе за нас обоих, мы еще вернем его». Но к четырем годам Джек пришел к выводу, что папа оставил их навсегда; лично его, Джека, так и вовсе еще до рождения.

Джек сразу понял, что мама имеет в виду под «проработаем». Он уже знал, кем работает его мама. Ее отец был татуировщиком, и Алиса унаследовала от него эту профессию; больше она ничего делать не умела.

Алиса сказала, что в Европе ей дадут работу коллеги; они как раз живут в нужных городах. Всем известно, что Алиса училась искусству татуировки у отца, а он был знаменитый эдинбургский татуировщик (он работал в портовом пригороде столицы Шотландии, Лите). Там-то, в Эдинбурге, Алисе и выпало несчастье познакомиться с отцом Джека. Там он сделал ей Джека и там же бросил ее.

По словам Алисы, отец Джека уплыл прочь в Новую Шотландию, в город Галифакс. Он обещал ей забрать ее туда, как только найдет хорошую работу. Но новостей от него Алиса не дождалась – зато новостей о нем до нее дошло предостаточно. Прежде чем покинуть Галифакс, Джеков папаша оставил там заметный след.

При рождении отца Джека называли Каллум, но потом, еще студентом, он сменил имя на Уильям и стал Уильям Бернс. Его отца звали Аласдейр, и Уильям считал, что одного кельтского имени на семью вполне достаточно. В Эдинбурге Уильям – пока не сбежал позорно в Канаду – числился членом Королевского колледжа органистов, то есть был не просто бака-

лавром музыки, но еще и имел диплом органиста. Так Уильям и познакомился с Алисой – в Южной приходской церкви Лита: он играл там на органе, а она пела в хоре.

Казалось бы, мальчик с хорошим образованием – до университета Уильям учился в Хэриоте², – рассчитывавший пробиться в высшие слои общества, должен был скривиться, получив в качестве первой работы место органиста в каком-то Лите, да еще в труппном районе. Но Джеков папаша любил в шутку говорить, что это ничего – ведь Церковь Шотландии платит лучше, чем Шотландская епископальная³. Сам Уильям принадлежал к Епископальной церкви, но не имел ничего против Южной приходской церкви, на кладбище которой, по преданию, дремлют одиннадцать тысяч душ, хотя надгробных камней там не более трехсот.

Бедным запрещалось ставить каменные памятники. Но мама рассказывала Джеку, что по ночам люди приносили на кладбище прах своих усопших и разбрасывали его по могилам сквозь кладбищенскую решетку. Джеку потом снились по ночам кошмары – еще бы, столько душ носится по воздуху во тьме! – но церковь была очень популярна у местных, возможно, как раз из-за этой легенды; а Алиса считала, что она сама там умерла и вознеслась на небо – когда пела в хоре, пела для Уильяма.

В Южной приходской церкви Лита орган и хор располагались за спиной у прихожан. Для хористов было всего лишь двадцать мест, в два ряда – мужчины сидели во втором, женщины в первом. Когда служили, Уильям просил Алису выдвигаться немного вперед и чуть наклоняться, чтобы он видел ее целиком. Она носила голубое платье – «как оперенье у голубой сойки», говорила мама Джеку – с белым воротником. Она влюбилась в Джекова папашу в апреле 1964 года, когда тот впервые сел за мануал.

– Мы пели гимны в честь Воскресения, – рассказывала Алиса, – а на кладбище цвели крокусы и нарциссы.

Судя по всему, незахороненный пепел благотворно сказывался на кладбищенской флоре.

Алиса познакомил юного органиста, который заодно выполнял обязанности хормейстера, со своим отцом. У того был тату-салон под названием «Не сдавайся» – по девизу Лита – то ли на Мандерстон-стрит, то ли на Джейн-стрит: в те времена через Лит-уок⁴ был перекинут железнодорожный мост, один его конец стоял на Джейн-стрит, а другой на Мандерстон-стрит, и хотя мама говорила, на какой стороне моста был салон, Джек забыл. В тот раз Уильям впервые попал в такое заведение.

Джек помнил из маминых рассказов, что они там и жили с отцом, прямо в салоне; аккомпанементом всей их жизни служил стук колес проезжающих поездов. Мама называла это «спать на иголках» – когда времена были трудные, а между войнами так и было, жить было негде, и приходилось ночевать в тату-салоне. А еще «уснуть на иголках» означало, что хозяин салона умер – и умер прямо там; так случилось и с Алисиным отцом. Он «спал на иголках» во всех смыслах слова.

Мать Алисы умерла при родах, и отец – Джек никогда его не видел – вырастил ее в мире татуировок. Джек считал, что другой такой, как его мама, больше на свете нет – потому что у нее самой не было ни единой татуировки. Отец сказал ей, чтобы она не татуировала себя, пока не повзрослеет как следует и кое-что про себя не поймет; скорее всего, он имел в виду – не осознает, что в ней есть прочного, такого, что не меняется со временем.

– Так что раньше шестидесяти-семидесяти мне татуировка не светит, – говорила мама Джеку, когда ей не было еще и тридцати. – И пока я жива, ты тоже татуировок себе не делай.

² *Хэриот* – школа в Эдинбурге, названная в честь Джорджа Хэриота (1563–1624), золотых дел мастера, завещавшего 25 тысяч шотландских фунтов на основание образовательного заведения «для бедных детей, оставшихся без отцов». До сих пор, будучи частной и получая от большинства учеников плату за обучение, бесплатно учит сирот.

³ Церковь Шотландии относится к пресвитерианской ветви кальвинизма и имеет статус национальной церкви Шотландии. Шотландская епископальная церковь – одна из автокефальных англиканских церквей.

⁴ *Лит-уок* – улица в Эдинбурге, главная дорога из центра города в Лит.

Этим она хотела сказать, что запрещает Джеку татуироваться на веки вечные.

Алисин папа сразу же невзлюбил Уильяма Бернса – тот сделал себе первую татуировку в их первую встречу. Это были ноты пасхального гимна, который Уильям репетировал с Алисой, «Христос воскрес»; они опоясывали правую ляжку органиста – так что Уильям мог читать их, сидя на унитазах. На коже были только ноты, и тот, кто хотел узнать музыку, должен был их прочесть – для чего ему пришлось бы, вероятно, сесть на соседний унитаз.

Нанеся юному органисту его первую татуировку, отец Алисы сразу сказал ей, что Уильям, он это точно знает, «подсядет на чернила», станет «коллекционером» – так называли людей, которые, сделав первую татуировку или даже первую пару дюжин татуировок, не могут остановиться. Уильям, сказал Алисе отец, будет покрывать себя татуировками, пока все его тело не превратится в нотный стан, пока не останется ни кусочка кожи, где не стояла бы нота. Жуткое предсказание – но Алиса пропустила его мимо ушей: ее сердце уже принадлежало будущему тату-маньяку.

К четырем годам Джек Бернс знал эту историю наизусть. Но его ждал еще один сюрприз – мама, объявив о поездке в Европу, добавила:

– Если по прошествии года, когда тебе будет пора в школу, мы не найдем твоего папашу, то забудем про него навсегда и заживем своей жизнью.

Это был жуткий удар. С тех пор как Джек понял, что отца рядом нет – хуже того, что он его бросил, – они с мамой приложили довольно много усилий, чтобы папу найти, и Джек думал, что они будут искать его всю жизнь. Мысль, что папу можно «забыть навсегда», не умещалась у него в голове – там едва хватило места для мысли о поездке в далекую неведомую Европу; не понимал Джек и того, как важно было для мамы отдать его в школу.

Дело в том, что сама-то она школу не окончила. На фоне Уильяма с его университетским образованием Алиса всегда чувствовала себя неполноценной. Родители Уильяма преподавали в начальной школе и давали частные уроки игры на фортепьяно соседским детям, но считали, что профессиональное музыкальное образование ничем заменить нельзя. С их точки зрения, играть на органе в какой-то Южной приходской церкви унижительно для их сына, и вовсе не только по причине классовых различий между Эдинбургом и Литом, особенно очевидных в те времена. Различия между Шотландской епископальной церковью и Церковью Шотландии тоже играли немалую роль.

Отец Алисы в церковь не ходил. Он послал ее в церковный хор, чтобы она посмотрела, какова жизнь за пределами тату-салона; он и думать не мог, что в церкви, и уж тем более в церковном хоре, дочка встретит свою судьбу – и не только потеряет честь, но еще и приведет своего бесстыжего соблазнителя к нему в салон делать татуировку!

Родители Уильяма настояли, чтобы тот, будучи главным органистом Южной приходской церкви, согласился стать еще и помощником органиста в Старом соборе Святого Павла. Главным тут было то, что Старый собор относился к Шотландской епископальной церкви и находился не в Лите, а в Эдинбурге.

Уильяма же в соборе привлекал орган. Мальчик сел за пианино в шесть лет и до девяти настоящего органного мануала даже не касался, но уже в семь он приклеил над клавишами пианино кусочки бумаги, чтобы было похоже на органные регистры. Он стал мечтать о том, как будет играть на органе – и не просто на органе, а на Старике Уиллисе⁵, большом органе в Старом соборе Святого Павла.

Родителей Уильяма волновал вопрос престижа – с их точки зрения, куда лучше быть помощником органиста в Старом соборе, чем главным органистом в Лите. Уильяму же до

⁵ *Старик Уиллис* – прозвище Генри Уиллиса (1821–1901), британского органиста и основателя компании по строительству органов. Его органы стоят во многих церквях и мэриях Великобритании и других стран.

этого не было никакого дела – его привлекал Старик Уиллис. Это был знаменитый орган и еще более знаменитый собор; его акустика, как объясняла Джеку мама, обеспечила львиную долю их общей славы. Джек потом не раз думал, не хотела ли мама сказать, что в соборе фантастически звучал бы любой орган – а все потому, что время реверберации, то есть время, за которое громкость звука падает на шестьдесят децибелов, играет более важную роль, чем качество самого инструмента.

Алиса рассказывала сыну, как однажды слушала «органный марафон» в Старом соборе. Это был круглосуточный концерт, судя по всему благотворительный; каждый час или полчаса за мануал садился новый органист. Порядок исполнителей, разумеется, определялся корпоративной иерархией – лучшие исполнители играли в лучшее время, когда слушателей было больше всего, а другие – когда в соборе и вовсе могло никого не быть. Юному Уильяму Бернсу мануал достался за полчаса до полуночи.

Собор был заполнен едва наполовину. Самым внимательным слушателем была мама Уильяма, где-то в зале сидел и следующий по очереди исполнитель, которому предстояло заступать на вахту в полночь.

Уильям, конечно, не собирался упустить шанс сыграть на уникальной реверберации в соборе – и поэтому выбрал пьесу погромче. Если Джек правильно понял, к чему клонит Алиса, то Уильям непременно хотел, чтобы его слышали, и чем больше народу, тем лучше; поэтому он выбрал Боэльманову токкату⁶. По словам Алисы, лучшее определение для этой музыки – «воодушевленный вселенский грохот».

Рядом со Старым собором идет узкая улочка, с нее в собор есть вход. В ту ночь у стены собора на этой улочке лежал, пытаясь как-то укрыться от дождя, местный пьянчуга, каких в Эдинбурге множество. То ли его ноги уже не держали, то ли специально туда улегся поспать – его частенько там видали. Но нет на свете пьяного, который уснет под Боэльманову токкату – даже за пределами собора.

Алиса обожала изображать реакцию пьянчуги.

– А ну прекратите это блядское черт знает что! Я тут, блядь, прилег на ночь, поспать, блядь, что твой ангел, понимаешь, а тут какая-то сука уселась за свой блядский орган! Этот блядский грохот перебудит, блядь, всех покойников!

Будь Алисина воля, пьянчугу на месте разразило бы громом за такие слова, произнесенные рядом с церковью, но прежде, чем Господь успел нанести свой удар, по клавишам снова ударил Уильям – да пуще прежнего. Он играл так громко, что народу пришлось спасаться бегством; в Старом соборе не осталось ни одного человека. Гости дослушивали музыку снаружи под дождем, рядом с Алисой стоял полуночный сменщик Уильяма. Пьяного матерщинника и след простыл, рассказывала Алиса сыну:

– Видать, пошел искать место, куда не доносятся чарующие звуки Боэльмановой токкаты!

Успех был в буквальном смысле оглушительный, но Уильям Бернс остался органом недоумен. Построили его в 1888 году, и он был бы неплох, если бы дошел до наших дней в изначальном виде. Но, как сказал Уильям, с ним «плохо обращались»: к тому времени, когда ему выдался шанс сесть за мануал, орган пережил реставрацию и электрификацию антивикторианских шестидесятых.

Но какое было Алисе дело до органа! Она была в отчаянии – Уильям ушел с поста органиста в Лите, и последовать за ним в Старый собор она не могла: в те времена там был исключительно мужской хор. А сидя вместе с прихожанами, Алиса видела лишь спину Уильяма.

Как же она завидовала хористам! Мало того что перед службой они торжественной процессией проходили перед паствой – они еще и сидели перед ней, лицом ко всем, а не сзади,

⁶ *Леон Боэльман* (1862–1897) – французский композитор и органист. Имеется в виду токката до минор из его «Готической сюиты» (1895).

никем не видимые, как в Лите. Дальше – хуже: Алиса узнала, что, кроме нее, в Джекова папашу влюбились и другие хористки, но из них всех забеременела лишь она одна.

Помощник органиста в Старом соборе подчинился и главному органисту, и настоятелю; разумеется, тот факт, что от столь важного сотрудника забеременела какая-то девчонка, дочь какого-то татуировщика из Лита, означенные лица не могли оставить без внимания, равно как и Шотландская епископальная церковь в целом вместе с амбициозными родителями Уильяма. Кому пришла в голову мысль «дать ему улизнуть в Новую Шотландию» – как это называла Алиса, – Джек так никогда и не узнал, но, скорее всего, к этому руку приложили и Церковь, и родители.

Из Старого собора Святого Павла в Эдинбурге в Шотландии Уильям переместился в просто собор Святого Павла в Галифаксе в Канаде. Тот принадлежал Канадской англиканской церкви, и там не было Старика Уиллиса. Лучший орган в Галифаксе стоял в Первой баптистской церкви, на Оксфорд-стрит. Судя по всему, выбирать Уильяму не пришлось – музыка для него была главным, он не имел ничего против того, чтобы играть у баптистов, но там место было занято, а органист в соборе Святого Павла как раз уходил на пенсию.

«След», который, по утверждению Алисы, Уильям оставил в Галифаксе, представлял собой еще один роман с хористкой, а то и с двумя; ходили слухи, что была у него и еще какая-то дама постарше. Прошло немного времени, и у англикан поубавилось желания видеть Уильяма у себя; Алиса говорила, что потенциальная карьера Уильяма у баптистов тоже не могла бы быть продолжительной.

Родители Уильяма говорили ей, будто не посылали сыну денег, а из его местонахождения тайны не делали, так она рассказывала. Первое, скорее всего, правда – у них было не так много денег. Но Алиса была не в силах поверить, что они не пытались спрятать его от нее. А когда Уильяму пришлось бежать из Галифакса – незадолго до того, как туда приехала Алиса, – ему точно нужны были деньги. Он сделал себе новую татуировку – Алиса узнала это, когда принялась искать его в Галифаксе, от Чарли Сноу, хозяина салона (электрические татуировочные машины там работали от батарей), куда заходил Уильям. Там же она узнала, что некоторое время спустя Уильям нашел работу в Торонто, но быстро ее потерял.

Алиса никогда не винила Старый собор и Епископальную церковь в том, что они, как ей думалось, помогли Уильяму бежать в Новую Шотландию: к ее удивлению, деньги на ее переезд через океан в поисках органиста собрали именно прихожане собора, а вовсе не ее родная община в Лите.

Англикане в Галифаксе тоже оказали ей радушный прием и помощь. Более того, они дали Алисе жилье в приходском приюте при соборе, что на углу Арджайл-стрит и Принс-стрит: ей пришла пора рожать.

Рожала она Джека Бернса в муках. «Кесарево», – говорила мама Джеку, когда они приплыли в Европу. Четырехлетний Джек думал, что это название отделения в больнице в Галифаксе, где проходят тяжелые роды. Позднее – возможно, во время их поездки по Европе, возможно, по возвращении в Канаду – он узнал, что такое кесарево сечение. Тогда же ему объяснили, почему он не может мыться с мамой в душе и видеть ее без одежды. Алиса так ему и сказала:

– Не хочу, чтобы ты видел шрам от кесарева.

Итак, Джек Бернс родился в Галифаксе, окруженный заботами богомольцев из собора Святого Павла – не эдинбургского, а другого. Алиса с теплотой вспоминала их сочувствие к сбившейся с пути истинного хористке; а вот к ее развратному соблазнителю, который к тому же успел побывать членом их общины, они испытывали глубочайшее презрение. Видать, Шотландская епископальная и Канадская англиканская церкви дышат одним и тем же воздухом.

Судя по всему, именно англикане приложили усилия к тому, чтобы Уильям не задержался надолго в Торонто.

– Церковь преследовала его, как ангел с карающим мечом, – любила говорить Алиса.

После рождения Джека Алиса устроилась работать к Чарли Сноу. Чарли был родом из Англии, служил в Первую мировую матросом на британском торговом флоте. Рассказывали, будто он сбежал с корабля в Монреале и научился татуировать у Фредди Болдуина, тоже англичанина, ветерана Англо-бурской войны.

И тот и другой были приятелями Большого Оми. Оми наезжал в Галифакс с цирком; чтобы увидеть его полностью покрытое татуировками лицо, люди платили деньги. Когда же Оми уходил с арены, то надевал маску.

– За бесплатно его так никто и не увидел, – говорила мама Джеку, и ему снились новые кошмары: жуткие татуировки на лице Большого Оми.

У Чарли Сноу Алиса научилась мыть татуировочные машины этиловым спиртом; шланги она чистила ершиками для курительных трубок, вымоченными в водке, и каждую ночь кипятила иголки.

– В кастрюле, в каких варят омаров, – говорила Алиса.

Чарли Сноу был также известен тем, что сам делал из льняной ткани бинты.

– Про гепатит тогда никто не слышал, – объясняла Алиса.

От нее Джек узнал, что самая красивая татуировка на теле Чарли Сноу – работа Фредди Болдуина. На грудь, там, где сердце, Фредди поместил Сидящего Быка, на правую сторону – генерала Кастера⁷ анфас, а прямо посередине, над грудиной, пустил плавать корабль под всеми парусами. Одна из мачт заканчивалась на ключице, и там развевался вымпел «Возвращаюсь домой».

Домой Чарли вернулся только в 1969 году, восьмидесятилетним, и вскоре умер от язвы. Алиса многому научилась у Чарли, но вот как татуировать японского карпа, ей показал Джерри Своллоу, известный в тату-мире как Матросик Джерри. Он поступил к Чарли подмастерьем в 1962 году. Алиса любила говорить, что они с Джерри одновременно были у Чарли подмастерьями, но на самом-то деле она научилась искусству куда раньше, от отца, в Лите.

Джекова мама умела наносить татуировки задолго до того, как ее прибило к берегам Новой Шотландии.

Джек Бернс совсем не помнил город, в котором родился; до четырех лет для него существовал лишь один город – Торонто. Он был совсем еще маленький, когда его мама прослышала, что беглый папа объявился в столице Онтарио, и они полетели вслед за ним. Но хитрец опять успел сбежать из города до их приезда, – впрочем, они не удивились. Когда же Джек чуть подрос и начал понимать, что папы нет, до Алисы дошли слухи, что Уильям еще раз пересек Атлантику и живет в Европе.

Всю свою юность Джек гадал, не оттого ли он оказался в школе Святой Хильды, что прежде там побывал его папаша. Алиса и узнала про нее только потому, что искала Уильяма, – оказалось, школа, ничего не ведая о его репутации, наняла его хормейстером для хора старшеклассниц (с девятого по тринадцатый класс). Мало того, Уильям давал школьницам еще и частные уроки фортепиано; благодаря значительным успехам на этих двух музыкальных поприщах он получил еще и место органиста в церкви при школе. Можно только вообразить, что думал Джек о похождениях своего папы в школе для девочек!

⁷ *Сидящий Бык* (1831–1890) – вождь индейцев-сиу, в битве при реке Литл-Бигхорн победил генерала Кастера; *Джордж Армстронг Кастер* (1839–1876) – американский военный, прославился в Гражданскую войну и во время войн с индейцами. Погиб в битве при реке Литл-Бигхорн.

Однако, как ни велики были успехи музыкальные, успехи другого рода не дали карьере Уильяма продлиться сколько-нибудь долго. Первой в его сети попала девочка из одиннадцатого класса – она как раз брала у него уроки фортепиано, ну а уже девочка из последнего класса забеременела. Говорили, Уильям сам отвез ее в Буффало сделать нелегальный аборт. Когда в Торонто прибыла Алиса с незаконнорожденным сыном под мышкой, Уильяма уже и след простыл, зато ее и ребенка радушно приняли очередные богомолыцы.

Школа Святой Хильды была англиканской, и ее церковь, где венчались большинство выпускниц, играла в Торонто роль влиятельного центра Канадской англиканской церкви. В шестидесятые годы школа, будучи платной, стала предоставлять небольшое количество стипендий ученикам; оплачивала их Ассоциация старинных подруг, могущественная организация, объединявшая бывших выпускниц. В первую очередь стипендии получали дети священников; оставшиеся не востребованными стипендии присуждались более или менее как бог на душу положит. А про Алису и ее «положение» (так называли Джека) прослышали не только англикане, администрация и педагоги школы, но и старинные подруги. Поэтому Джек, узнав от мамы, что та пытается устроить его в школу, решил, что тут не обошлось без «подружкой» помощи.

Впрочем, Джеку с мамой и без того уже крупно повезло – они нашли себе жилье в доме миссис Уикстид, не просто старинной подруги, а источника энергии для всей организации. Что еще любопытнее, после смерти мужа она встала на защиту матерей-одиночек. Она не просто боролась за их права и помогала им – она брала их к себе жить.

На момент появления Алисы про то, что миссис Уикстид когда-то была замужем, не помнили даже близкие ее знакомые; она была вдовой «всегда». Жила она в солидном, но не помпезном доме на углу Спадайны и Лаутер-авеню, фактически одна; там-то и поселились Джек с мамой. Им выделили две комнаты, небольшие, но чистые, уютные, с высокими потолками; туалет и ванную им приходилось делить с другими постояльцами, среди которых, в частности, была домработница, хромоножка Лотти, уроженка острова Принца Эдуарда. Пока Алиса искала работу – то есть место в тату-салоне, больше она ничего делать не умела, – Лотти служила Джеку няней.

В шестидесятые годы Торонто было далеко до звания татуировальной мекки Северной Америки. У отца в «Не сдавайся» и у Чарли Сноу с Матросиком Джерри в Галифаксе Алиса научилась такому количеству всего, что специалистов ее уровня в Торонто еще не видели – там не водились покамест достаточно взыскательные клиенты. Она была куда искуснее и чем Тихоокеанец Билл, который не согласился взять ее на работу (Джек так и не узнал почему), и чем его конкурент по прозвищу Китаец. На самом деле он был никакой не китаец, а человек вполне европейской внешности по имени Пол Харпер; он сразу понял, что перед ним стоит лучший тату-мастер Торонто 1965 года, и немедленно нанял Алису.

Заведение Китайца располагалось на пересечении Дандас-стрит и Джарвис-стрит, на северо-западном углу. Там стоял старинный отель «Уорик», а рядом с ним – дом в викторианском стиле; у дома был подвал, туда прямо с тротуара вели ступеньки. В подвале и располагался тату-салон; окна его всегда были занавешены.

В детстве Джек, когда молился, старался молиться и о Поле Харпере – именно он помог Алисе начать свою карьеру в Торонто. В итоге город навсегда овладел сердцем Алисы – поймать же в свои сети Джека ему было не суждено.

Однако не перед любым человеком приятно быть в долгу; иные требуют эти долги возвращать. Китаец никогда не позволял себе намекнуть Алисе, что она чем-то ему обязана; совсем другое дело – миссис Уикстид. Спору нет, вдова относилась к Джеку и маме хорошо и желала им добра, но ее разведенная дочь осуществляла подлинное надругательство над смыслом слов человеческого языка, когда утверждала, будто те живут у нее «за бесплатно на всем готовом».

После первого же разговора с мамой Джека миссис Уикстид решила, что акцент Алисы негативно скажется на ее социальном статусе – куда негативнее, чем экзотическая (чтобы не сказать мерзкая) профессия художницы-татуировщицы. Насколько понимал Джек, миссис Уикстид была твердо уверена, что Алисино раскатистое шотландское «р» не просто оскорбительно для английского языка (во всяком случае, для той его версии, на которой говорила сама миссис Уикстид), но является сущим проклятием – с такой речью девушка неизбежно окажется на дне общества, таком глубоком дне, какое не снилось даже нищим бродягам в портовом Лите, а уж оттуда никому нет спасения.

У старинной подруги имелись не только карманы, полные денег, но и большая любовь к школе Святой Хильды, и поэтому частым гостем в ее доме вскоре стала мисс Каролина Вурц, учительница английского из означенной школы. Задачей гостыи было победить Алисин возмутительный акцент. Миссис Уикстид знала: мисс Вурц отличается не только великолепным произношением и манерой говорить, но и отсутствием излишней мечтательности, в силу чего никак не может найти в раскатистом шотландском «р» ничего привлекательного. Возможно, однако, что мисс Вурц просто относилась к Алисе презрительно и полагала, что акцент юной татуировщицы – лишь самый незначительный из сонма ее грехов.

Каролина Вурц, великолепный педагог родом из Германии, прежде чем попасть в Торонто, жила в Эдмонтоне. Она кого угодно умела излечить от «иностранный» акцента – она само слово «иностранный» произносила так, будто намеревалась его уничтожить. Но если на Алису она смотрела откровенно косо, то в Джеке просто души не чаяла, глаз от него оторвать не могла, – казалось, в чертах лица мальчишки она провидит его будущее.

Алиса быстро избавилась от своей привязанности к Шотландии; она склонилась перед властью мисс Вурц с такой готовностью, словно ни в грош не ставила ни родину, ни ее язык. Освоены были и произношение, и манера говорить. Видимо, смерть отца – тот умер еще до рождения Джека, когда Алиса была в Галифаксе, – и побег Уильяма надломил ее, и сил противостоять мисс Вурц у нее не осталось.

Невинность она утратила на одном берегу Атлантики, а шотландский акцент – на другом.

– Впрочем, если подумать, не такая уж это большая потеря, – призналась она однажды Джеку.

Тот решил, что мама имеет в виду акцент. Алиса не держала зла ни на миссис Уикстид, ни на мисс Вурц. Джекова мама, хотя и не имела образования, говорила изящно, и миссис Уикстид была к ней добра – а к Джеку и подавно.

Сам же Джек обожал и Лотти, и ее хромоту. Она всегда протягивала ему руку, даже брала его за руку, прежде чем тот успевал протянуть свою. А когда Лотти его обнимала, Джек чувствовал, что тут не только ее желание показать малышу, что его любят, – нет, ей и самой этого хотелось.

– Давай ты вдохнешь и удержишь дыхание, и я вслед за тобой, – говорила она ему; вдохнув, они оба чувствовали, как бьются их сердца. – Ну видишь, значит, ты живой! – говорила Лотти.

– Я думаю, ты тоже живая, Лотти, – отвечал задыхающийся мальчик.

Позднее Джек узнал, что Лотти покинула остров Принца Эдуарда в том же самом положении, что Алиса – Эдинбург; разница была лишь та, что в Торонто Лотти прибыла одна: ребенок родился мертвым. Миссис Уикстид и прочие старинные подруги приняли ее, как потом Алису, с распростертыми объятиями. Это была прочная организация, старинные подруги, настоящая сеть; учитывая, что Джек и его мама в Новом Свете были совсем никому не нужны, забота старинных подруг была им очень кстати. Одним словом, им повезло.

Глава 2. Самый маленький солдат

Билла Стронаха, отца Алисы, в тату-мире звали Билл из Абердина. Стронах – абердинширская фамилия, но родился Билл в Лите, и толком с Абердином его ничто не связывало. Однажды, рассказывала его единственная дочь, Билл Стронах попал в Абердин, надрался как последний сапожник, и застрял там на целые выходные; видимо, все это сопровождалось длинной чередой пьяных приключений, отчего к нему и приклеилось прозвище Билл из Абердина. До рождения Алисы Билл разъезжал по Шотландии с цирками и по ночам татуировал в палатках циркачей при свете масляной лампы. Так он и выучился смешивать свои уникальные черные чернила – на основе копоти с масляной лампы и патоки.

Осенью 1969 года Алиса и Джек собрались в Европу. Перед этим Алиса разослала по городам, куда собиралась заехать, письма; адресатами были известные ей тату-мастера, а говорилось в них, что Алиса выучилась искусству в салоне «Не сдавайся» в Лите. Получатели, впрочем, дальше слов «я дочь Билла из Абердина» не читали – в Европе каждый уважающий себя тату-художник знал, кто такой Билл.

Первым делом Алиса и Джек направились в Копенгаген. Там, в доме 17 по Нюхавн, находился салон Оле Хансена; хозяин получил письмо и ожидал их. Как и к Биллу из Абердина, Татуоле – такое у него было прозвище – в основном ходили матросы. Тату-художником он себя не называл, предпочитая именоваться просто татуировщиком. Как и Билл, Татуоле изображал прежде всего сердца, русалок, змеев, корабли, флаги, цветы, бабочек и обнаженных женщин. Алиса застала его еще молодым – ему едва перевалило за сорок.

Татуоле тут же придумал ей тату-прозвище. Под стук бьющихся о набережную лодок и плеск волн – в конце ноября с Балтики дует сильный ветер – Алиса и Джек вошли в его салон на Нюхавн. Оле был занят – татуировал на широкой мужской спине обнаженную женщину. Подняв глаза от клиента, он сказал:

– Ага, а вот и дочурка Алиса.

Собственный салон у Алисы появится еще не скоро – когда родившемуся в тот день ее прозвищу исполнится много лет.

Татуоле сразу же дал ей работу. Первую неделю датчанин доверял Алисе только закрашивать татуировки, а контуры наносил сам; на второй неделе он понял, с кем имеет дело, и разрешил ей делать всю работу от начала до конца.

Дочурка Алиса пришлась в популярном у матросов салоне весьма кстати: она сформировалась как художник, экспериментируя на собственном отце, специалисте по труженикам моря. Первые татуировки она делала руками, а потом отец научил ее пользоваться тату-машиной.

Даже шаблоны на ацетатной ткани, какие были в ходу у Татуоле, были ей знакомы. В ее репертуаре числились сердца – разбитые и истекающие кровью в терновом венке или венке из роз; страшные черепа с перекрещенными костями, огнедышащие драконы, Христы на кресте, от одного вида которых бросало в дрожь, изысканного вида Девы Марии с зеленой слезой на щеке и еще какая-то неведомая богиня со змеей, которой она отрубает мечом голову. Она изображала корабли в море, разнообразные якоря, русалку верхом на дельфине, а также и собственного изготовления обнаженных дев – тут шаблоны Оле ей не подходили.

Обнаженные девы Оле не нравились Алисе вот чем – лобковые волосы у них походили на ресницы, а то, что располагалось под ними, выглядело этаким вертикальной улыбкой. Обязательно также полагались в больших количествах волосы под мышками. Впрочем, когда Оле спрашивал Алису, а что не так с его шаблонами, она отвечала только, что предпочитает обнаженных дев «со спины».

У Оле был и другой подмастерье, Ларс Мадсен по прозвищу Бабник Ларс или же Бабник Мадсен, неуверенный в себе молодой человек. По поводу обнаженных дев он сказал Алисе, что предпочитает их в любом виде, лишь бы они были не прочь.

– Сзади хорошо, но и спереди тоже!

Алиса на это отвечала, если отвечала, так:

– Не надо при Джеке.

Мальчику Бабник Ларс понравился. В Торонто мама почти никогда не водила его в салон к Китайцу, и хотя Джек был прекрасно осведомлен о ее способностях и блестящем тату-образовании, до сих пор ни разу не видел ни маму за работой, ни ее татуировки. Но Лотти осталась в Торонто, и в Копенгагене присматривать за Джеком было некому, да и комнаты в корпусе для горничных при отеле «Англетер» Татуоле им нашел не сразу, так что первое время мама с Джеком жили прямо в салоне, на Нюхавн, 17.

– Вот, снова сплю на иголках, – говорила Алиса таким тоном, словно имела что-то против.

Она и раньше нехотя позволяла Джеку играть с тату-машиной. На взгляд Джека, машина представляла собой пистолет, хотя звук он издавал не пистолетный, а как у бормашины. Еще он знал, что пистолет умеет наносить две тысячи уколов в минуту, если не больше.

До Копенгагена Джеку доводилось татуировать только апельсины и грейпфруты, а однажды мама разрешила ему попробовать машину на камбале (но только один раз, так как свежая рыба, сказала она, штука дорогая). Фактура у свежей камбалы, объяснял ей отец, почти такая же, как у человеческой кожи. Бабник же Ларс разрешил Джеку поупражняться на нем самом.

Ларс был немного младше Джековой мамы, но как подмастерью ему было до нее очень далеко; возможно, именно поэтому он так и баловал мальчика. После того как Татуоле посмотрел на работу Алисы, Бабник был навечно отстранен от нанесения контуров, ему лишь изредка позволялось контуры раскрашивать. Джеку Бабник разрешил проделать всю работу от начала до конца.

Это, конечно, была со стороны Бабника большая смелость, если не безрассудство – доверить такое дело четырехлетнему мальчишке. Правда, чтобы особо не рисковать, Ларс разрешил ему работать только на икрах – там когда-то один «мясник» (так называли татуировщиков, плохо знавших свое дело) вывел имена двух подружек Ларса; Бабник считал, что из-за этих-то имен его амурная жизнь теперь и не клеится. Джек получил задание закрыть старую татуировку новой.

Двадцать процентов всех татуировок как раз для этого и делаются, и в половине случаев новая татуировка закрывает чье-то имя. Бабник Мадсен, голубоглазый блондин, щербатый и со сломанным в давнишней драке носом, носил на левой икре зеленую терновую ветвь, оплетенную со всех сторон маленькими сердцами, а на правой – цепь. На ветви было вытатуировано имя «Кирстен», на цепи – «Элиза».

Мальчик взял своей крошечной ручкой пистолет и, видимо, прижал его к коже слишком сильно – все-таки это был его первый контакт с настоящей человеческой кожей. При аккуратной работе с тату-машиной кровь не течет – иголки проникают в кожу всего лишь на глубину в одну шестьдесят четвертую дюйма; единственное исключение – если клиент пьян, но Мадсен не пил ничего крепче кофе. Когда Джек занялся Ларсом, он явно превысил нужный предел. Ларс все перевел в шутку, однако убирать пришлось как следует – на полу образовалась значительная чернильно-красная лужа, голень Ларса была в таком же виде. Скорее всего, тот не стал сердиться по молодости лет – а еще потому, что, видимо, влюбился в Алису и думал завоевать ее сердце, принеся свои икры в жертву Джеку.

Но в таком возрасте – Алисе уже за двадцать, а Ларсу еще нет и девятнадцати – разница даже в пару лет очень велика. Шансов завлечь Алису у Ларса не было – особенно тут мешала его тонюсенькая эспаньолка; хозяйину она казалась изящной, а со стороны выглядела недосмотром при бритве.

Семья Мадсена занималась рыбой – продавала ее, конечно, не татуировала. Но Ларс не хотел становиться рыбороторгом. Талант татуировщика у него был, откровенно говоря, небольшой, но в тату-мире он нашел известную долю независимости и от своей семьи, и от рыбного бизнеса. Голову он мыл смесью шампуня со свежесжатым лимонным соком, полагая, что в его амурных неудачах виноваты не только Кирстен и Элиза, но и семейный бизнес – запах рыбы, мол, впитался в его тело до корней волос.

Сначала Джек закрыл имя «Кирстен» на терновом кусте. Татуоле посмотрел на его работу и сказал, что даже Герберт Гофман из Гамбурга не сумел бы его, Джека, превзойти. То, что при этом клиент истекал кровью, на оценке не сказалось.

У Алисы был свой способ закрывать имена – она превращала буквы в листья и ягоды, а иногда в лепестки цветов. Если в букве есть круглый элемент, ее легче превратить в ягоду, если же буква угловатая, то из нее лучше сделать лист. А лепесток можно сделать и круглым, и остроугольным, говорила она Джеку.

Из «Кирстен» получилось больше листьев, чем ягод, плюс одинокий лепесток. В результате на икре у Ларса расцвел довольно странный букет; иной наблюдатель сказал бы, что видит неухоженный сад, по которому какой-то мясник разбросал вырванные у каких-то маленьких зверюшек сердца.

Джек думал, что закрыть «Элизу» у него получится лучше, но решил, что на фоне черных звеньев цепи листья и ягоды будут смотреться странно. Поэтому «Элиза» превратилась в ветку падуба – острые листья и ярко-красные ягоды показались мальчику идеальным вариантом. Впрочем, получилось скорее сорванное с елки новогоднее украшение, которое кто-то привязал к цепи.

Татуоле, однако, сказал, что даже легендарный Лес Скьюз из Бристоля гордился бы такой работой. Высокая оценка, без дураков, – более лестным в устах Оле стало бы только: «Сам Билл из Абердина вышел бы из гроба посмотреть на такое». Впрочем, Оле знал – Алиса не любит, когда слова «Билл из Абердина» и «гроб» встречаются в одном предложении.

Когда отец умер, она была в Галифаксе, так что не могла разбросать его пепел над могилами на кладбище при Южной церкви; папин пепел разбросал над Северным морем один рыбак. К тому же все татуировщики Северного моря и Балтики знали, от чего умер Билл: от пьянства; Оле позволил себе упомянуть этот печальный факт лишь единственный раз.

Отчего Алисин отец спился? Оттого ли, что дочь родила вне брака и сбежала в Галифакс? Или же он вообще был пьяницей? Учитывая знаменитые выходные в Абердине, можно полагать, что отъезд дочери лишь немного усугубил застарелую болезнь.

Дочурка Алиса сама об этом никогда не говорила, и Татуоле больше не поднимал эту тему. Джек Бернс рос на питательном бульоне из слухов и молвы, каковой в избытке подавали в доме 17 по Ньюавн.

Как и полагается четырехлетнему мальчишке, вымыть пол и перебинтовать икры Ларса Джек предоставил маме. Нанесенная татуировка обычно заживает сама, ее нужно лишь несколько часов подержать под бинтом, а затем промыть с простым мылом, без запаха, но не водой, а влажной марлей. Оле сказал Джеку, что боль от новой татуировки такая же, как когда немного сгоришь на солнце.

Если даже работа четырехлетки Джека с эстетической точки зрения и не была шедевром, цели своей он достиг – имена «Кирстен» и «Элиза» уже никто больше не мог прочитать. Другое, конечно, дело, что на ногах у Ларса теперь красовалась, по словам Оле, какая-то мясная

лавка и «антирождественская пропаганда», – но уж в этом Ларсу было некого винить, кроме самого себя.

Бедняга Ларс! Оле нарек его Бабником, но никто не видел, чтобы за Ларсом толпой ходили девушки. Джек ни разу не встречал его в женском обществе, ни разу не слышал, чтобы тот говорил о женщинах. Конечно, Кирстен и Элиза тоже ни разу не попались Джеку на глаза – если не считать их имен на Ларсовых икрах.

Как любой нормальный ребенок четырех лет, Джек не прислушивался к разговорам взрослых. Линейное время, возможно, он и в самом деле воспринимал как одиннадцатилетний, но всю информацию об отце черпал из бесед с мамой, а не из случайно подслушанных ее разговоров с другими взрослыми. Когда она такие разговоры вела, Джек слушал невнимательно – послушает немного и забудет; настоящий одиннадцатилетний ребенок, конечно, постарался бы не отвлекаться.

А ведь с Уильямом Бернсом виделся даже Бабник Ларс, хотя татуировал его Оле – ноты не нужно было закрашивать. Все татуировки на Уильяме были черные и контурные. Оле так говорил:

– Чернота сплошная, вот как у него все.

Если бы Джек слушал Оле внимательно, он, наверное, решил бы, что папа предпочитает черную одежду. А для Алисы, наверное, слова Оле (который питал к ней нежные чувства) о черноте скорее относились к душе органиста.

Оле всем придумывал прозвища и папу Джека назвал Партитурщик. Это его словечко Джек запомнил.

Оле нанес на левое плечо Уильяма какую-то рождественскую музыку Баха – Алиса, зная репертуар органиста, предположила, что это либо «Рождественская оратория», либо «Канонические вариации на тему рождественской службы»; казалось, к его плечу приклеился вырванный из книги кусок нотной бумаги. Еще он вывел у Уильяма над почками – татуировки в этой области особенно болезненны – длинную и довольно сложную фразу из Генделя.

– Тоже что-то рождественское, – отмахнулся Оле, когда попросили вспомнить поточнее; Алиса решила, что ноты – из рождественской части генделевского «Мессии».

Татуоле критически отнесся к качеству двух предыдущих татуировок Уильяма – сделанных, конечно, не Биллом из Абердина: его работу Оле уважал, а пасхальный гимн на правой ляжке Джекова папы так даже приводил его в восхищение. Была и еще одна – фрагмент какого-то другого гимна, который опоясывал щиколотку на левой ноге, словно носок, у которого отрезали нижнюю часть. Там, кроме нот, были еще и слова; татуировка произвела на Ларса Мадсена такое впечатление, что он запомнил их. Эти слова пели англикане по всей планете – «Приди ко мне, дыхание Господне».

Алиса знала этот гимн наизусть – и настаивала, что это именно гимн, хотя на самом деле это просто молитва, положенная на музыку. Мама когда-то репетировала ее с Уильямом и частенько пела Джеку. Из восторженных отзывов Оле и Ларса она заключила, что татуировка – работа Чарли Сноу или Матросика Джерри; те не стали ей рассказывать, что выводили на коже у Уильяма.

Ларс не столь критически отнесся к двум «некачественным» татуировкам Уильяма, но признал, что работа «так себе»: ноты располагались на левом бедре и мастер совершенно упустил из виду, что при движении некоторые из них налезают друг на друга.

Из этого Алиса сделала вывод, что в Торонто Уильям успел забежать к Тихоокеанцу Биллу, но позднее согласилась, что Китаец тоже мог так напортачить. А вторую ошибку на другой татуировке – когда ноты залезли Уильяму под мышку – мог допустить любой из них.

Так Джек с мамой узнали от Оле и Ларса, как продвигаются телесно-татуировочные дела у папы-Партитурищика. Как и предсказал Билл из Абердина, он в самом деле «подсел на чернила».

– А как насчет настоящей музыки? – спросила Алиса.

– Какой такой настоящей? – не понял Оле.

– Он должен где-то играть на органе, – пояснила Алиса. – Не может же он быть без работы.

Джек Бернс хорошо запомнил тишину после этой фразы, куда лучше, чем продолжение разговора. Впрочем, у Татуоле никогда не бывало по-настоящему тихо. Для начала там круглые сутки играло радио, настроенное на какую-то поп-волну; а когда мама стала расспрашивать Оле, где ей найти Уильяма – уже в четыре года Джек понял, что сей вопрос ни больше ни меньше краеугольный камень маминой жизни, – в салоне одновременно жужжали три тату-машины.

Татуоле изображал очередную обнаженную деву – на этот раз русалку, без «ресниц», которые так не нравились Алисе. Клиент, пожилой моряк, то ли спал, то ли притворялся мертвым, лежа без движения, в то время как Оле наносил ему на кожу контуры русалочьей чешуи на хвосте – который был не просто хвост, а синтез хвоста и женских бедер (впрочем, это Алисе тоже не нравилось).

Бабник Мадсен трудился над закраской морского змея, выведенного Оле на коже другого клиента, шведа. Змей, судя по всему, был морской удав – он душил сердце, которое грозило лопнуть.

Сама же Алиса завершала свою фирменную татуировку – иерихонскую розу. Это была неземной красоты работа, и преобладающая – закрывала всю левую сторону груди юного клиента. На Алисин взгляд, тот был слишком молод, чтобы знать, что такое на самом деле иерихонская роза. Джек, разумеется, был совсем еще ребенок, и ему просто нельзя было про это рассказывать. Мама объяснила ему, что это особая роза – в ней кое-что спрятано в лепестках.

– В этой розе кроется тайна, – сказала Джеку Алиса.

Кроется в этом цветке другой цветок – женский; если внимательно смотреть на иерихонскую розу и знать, что ищешь, в лепестках обнаружится влагалище. Как Джек узнал позднее, чем качественнее сделана работа, тем тяжелее влагалище заметить, – но если работа на самом деле мастерская, то как только ты влагалище нашел, оторвать от него взгляд совершенно невозможно.

Стало быть, одновременно жужжали три тату-машины, так что в салоне было довольно шумно – добавим сюда радио и стоны юноши, на котором расцветала роза. Алиса его предупредила, что татуировка на ребрах – болезненная, боль пронизывает весь бок и плечо.

Но когда мама произнесла: «Не может же он быть без работы», Джеку показалось, что электричество выключилось; даже радио замолчало.

Как так получилось, что три татуировщика, не подав друг другу никакого сигнала, отпустили педали своих машин? Так или иначе, машины заглохли, ток чернил остановился, боль развеялась. Старик-матрос вышел из комы и стал разглядывать незаконченную русалку у себя на бицепсе. Швед, которому раскрашивали змея, душащего сердце – которое, конечно, располагалось прямо над его настоящим сердцем, – вопросительно глянул на Ларса. Стонущий юноша задержал дыхание – как там, скоро ли конец его мучениям, скоро ли расцветет иерихонская роза?

Тут снова заиграло радио. Джек узнал рождественскую песенку – датский язык его не смутил. Ответа на вопрос Алисы так и не прозвучало. Она повторила:

– Уильям должен где-то играть на органе. Не может же он быть без работы.

– У него была работа, – ответил Татуоле, сделав ударение на «была».

Джек подумал было, что они с мамой снова опоздали, но совсем запутался, когда мама ничем не выразила разочарования и снова включила тату-машину, продолжив укутывать половые губы в лепестки розы. Юноша снова застонал, старик-матрос снова закрыл глаза (он никуда не спешил), обреченный на закраску Ларс вернулся оказывать змею помощь в удручении сердца.

По стенам у Татуоле висели шаблоны и рисунки. На жаргоне татуировщиков такие наборы назывались «блестки». Джек занялся разглядыванием «блесток», а Оле повел рассказ о беглом папе. Тут-то Джек и отвлекся.

– Он играл на органе в Кастелькиркен, – сказал Оле. – Правда, он там был не главный.

– Помощник органиста, надо полагать, – поддакнула Алиса.

– Типа подмастерья, – вставил Ларс.

– Ну да, но он был хорош, – продолжил Татуоле. – Я никогда не слышал, как он играет, но я слышал, как люди говорили, что слышали его и что музыкант он великолепный.

– Кстати, и бабник порядочный, как я слышал... – начал было Ларс.

– Не надо при Джеке, – напомнила ему Алиса.

Джек тем временем заинтересовался той частью «блесток», которую у Татуоле называли «Грехопадение». Здесь висели татуировки, изображавшие различные способы, какими мужчины опускаются на дно, – игральные кости, алкоголь и женщины. Мальчику больше всего нравился бокал для мартини, в котором плавала женская грудь, сосок торчал из мартини, словно оливка, а в соседнем бокале таким же образом плавала голая женская задница. На дне бокала вместо кусочков льда лежали две игральные кости.

У Джековой мамы была и собственная шикарная татуировка на ту же тему – обнаженная женщина, как обычно спиной, пила вино из полупустой бутылки, а в другой руке, обращенной ладонью к зрителю, лежали две игральные кости.

– Ага, значит, в Кастелькиркен возникли проблемы? – спросила Алиса.

Бабник Мадсен завистливо закивал.

– Не надо при Джеке, – сказал Татуоле.

– Понятно, – сказала Алиса.

– Не хористка, – продолжил Оле. – Прихожанка.

– Юная жена военного, – сказал Бабник Ларс, но, наверное, Джек неправильно его слышал; он все так же зачарованно смотрел на сосок, торчащий из мартини, словно перед ним была не картинка, а кино, и не заметил, как Алиса бросила на Ларса взгляд все с тем же значением «не надо при Джеке».

– Так, значит, он уехал? – спросила Алиса.

– Я бы на твоём месте в церкви спросил, – ответил Оле.

– Полагаю, ты не знаешь, куда он уехал, – продолжила Алиса.

– Говорят, что в Стокгольме, но я не знаю, – ответил Оле.

Тут Ларс как раз закончил татуировать своего шведа.

– Ну, в Стокгольме ему хорошей татуировки не сделать. Видите, вот наш швед – живое доказательство, что оттуда ездят за татуировками к нам.

Ларс глянул на клиента.

Швед задрал брючину на левой ноге:

– Вот это мне сделали в Стокгольме.

На икре красовалась весьма качественная татуировка – иной сказал бы, что это работа Оле или Дочурки Алисы: роза с воткнутым в нее кинжалом с покрытой резьбой золоченой и зеленой рукоятью; края лепестков и лезвия кинжала были окрашены в оранжевый цвет, вокруг розы и кинжала извивалась змея, выкрашенная в зеленый и красный. Судя по всему, швед был большой любитель змей.

По маминому лицу Джек сразу понял, что татуировка произвела на нее сильнейшее впечатление; даже Татуоле признал, что работа ма́стерская, а Ларс Мадсен просто сидел открыв рот, то ли от зависти, то ли от радости – не иначе ему привиделись большие прибыли в семейном рыбном бизнесе.

– Это Док Форест, – сказал швед.

– И где у него салон? – спросил Оле.

– Я думал, в Стокгольме салонов вообще нет! – воскликнул Ларс.

– Док работает у себя дома, – ответил швед.

Джек знал, что в их списке Стокгольм не значится.

Алиса тем временем осторожно бинтовала измученного юношу. Он хотел, чтобы роза располагалась именно на ребрах – тогда при вдохе и выходе лепестки будут шевелиться.

– Обещай мне, что не станешь показывать это своей маме, – обратилась к нему Алиса. – А если все-таки решишь показать, не рассказывай, в чем тут секрет. И следи, чтобы она не слишком долго и внимательно смотрела.

– Обещаю, – сказал юноша.

Старик-матрос напрягал и расслаблял мускулы на плече, восхищенно глядя, как русалка шевелит хвостом, – правда, его еще надо было до конца раскрасить.

Близилось Рождество, клиентов было хоть отбавляй. Но, судя по всему, Уильям сбежал в Стокгольм, и эта новость не добавила радости ни Алисе, ни Джеку.

Они выходили из салона на Нюхавн, 17, после заката, темнело в четыре-пять часов пополудни; уже работали рестораны, пахло кухней. Джек и Алиса даже научились различать запахи: тут готовят кролика, тут оленью ногу, тут дикую утку, тут запекают тюрбо, тут жарят на решетке лосося, тут готовят нежную телятину. До них доносились запахи фруктов и соусов к дичи и даже запахи сыра – иные датские сыры такие выдержанные, что их можно почуять даже на зимнем воздухе.

Ради забавы они считали пришвартованные у причала корабли и лодки. Над статуей на площади у отеля «Англетер» стояла арка, вся в огнях, они решили, что это добрый знак; да и сам отель был украшен к Рождеству.

Отправляясь домой, Алиса и Джек обязательно заходили куда-нибудь выпить рождественского пива – темного и сладкого, такого крепкого, что Алиса разбавляла его для Джека водой.

Один из Алисиных клиентов, банкир, у которого на спине и на животе были вытатуированы купюры различных стран и достоинств, сказал ей, что рождественское пиво полезно детям – от него, мол, перестают сниться кошмары. Джек вынужден был признать, что банкир не врет: с тех пор как Джек стал пить это пиво, кошмары ему не снились, а может, и снились, только он об этом не помнил.

Во сне Джек скучал по Лотти, по ее объятиям, вспоминал, как они задерживали дыхание и слушали, как бьются их сердца. Однажды ночью в «Англетере» Джек попробовал так обнять маму; ей эта затея не понравилась. Джек почувствовал, как у Алисы бьется сердце – медленнее, ритмичнее, чем у Лотти, и сказал:

– Кажется, ты живая, мама.

– Еще бы, конечно, – ответила Алиса с нетерпением в голосе, бóльшим, чем когда он попросил ее задержать дыхание. – Да и ты тоже живой, как я погляжу, Джеки; по крайней мере, когда я проверяла в последний раз, ты был живой.

Каким-то неведомым образом она уже успела выскользнуть из его объятий. На следующий день, до рассвета – в то время года в Копенгагене солнце встает не раньше восьми утра, – мама повела Джека в Цитадель, старинный копенгагенский форт. Кроме казарм, там находился дом коменданта и церковь, Кастелькиркен, где и играл на органе Уильям Бернс.

Есть ли на свете мальчики, которым не интересны крепости? Как Джек радовался – надо же, мама привела его погулять в настоящий форт! Он обрадовался еще больше, когда Алиса разрешила ему побегать вокруг одному.

– Я хочу поговорить с органистом наедине, – так она сказала.

Перед Джеком открылись невиданные перспективы. Первым делом он забрел в тюрьму. Располагалась она за церковью, у них была общая стена, а в стене – отверстия, чтобы заключенные могли слушать службы, а прихожане их не видели. Джек расстроился, что заключенных в тюрьме нет – одни только пустые камеры.

Органиста, типичного датчанина, звали Анкер Расмуссен. По словам Алисы, он вел себя уважительно и приветливо. Джеку потом показалось странным, что органист был в форме, но мама объяснила ему, что церковь находится в крепости, и там служат солдаты, и, конечно, органист – просто один из них.

За тот недолгий срок, что Уильям пробыл учеником у Расмуссена, он выучил несколько баховских сонат, прелюдию и фугу си минор и третью часть «Упражнений для клавира». Все эти названия мама запомнила по-немецки, и Джек ею страшно гордился. Еще у Уильяма очень хорошо получалось играть «Мессу для монастырей» Куперена; не обошлось и без генделевского «Мессии», так что Алиса угадала насчет татуировки.

О соблазненной прихожанке, юной жене военного, мама почти ничего не рассказала Джеку, но дала ясно понять, что папу попросили из Кастелькиркен не за то, что он взял фальшивую ноту в кантате.

Когда Джеку наскучило в тюрьме, он вышел наружу. Был жуткий мороз; неверный серый свет лишь чуть-чуть окрасил небо. Мальчик был просто счастлив увидеть, как по плацу маршируют солдаты, но решил держаться от них в стороне, а потом пошел посмотреть на ров, окружавший крепость.

Ров Кастельгравен – на взгляд Джека, не ров, а целое небольшое озеро, – к удивлению мальчика, был покрыт льдом. Татуоле сказал ему, что в канале Нюхавн вода почти не замерзает, а Балтийское море – так и вовсе никогда, разве только в самые-самые суровые зимы, потому что там соленая морская вода. Так что же тогда за вода во рву? Наверное, пресная, подумал Джек, но, так или иначе, ее не было видно – везде лежал лед.

Лед черного цвета – что может быть увлекательнее для четырехлетки? Как Джек вообще догадался, что на воде лед? А как же, по нему ходили чайки и утки, а Джек знал, что ходить по воде они не умеют. Чтобы проверить, Джек кинул в воду камень. Камень отскочил ото льда, чайки разлетелись; утки, напротив, побежали к камню, думая, что это кусок хлеба, но, убедившись в обратном, лениво разошлись. Чайки снова приземлились на лед, утки уселись на него, видимо собравшись на совет; чайки презрительно ходили вокруг.

Издали доносились голоса и ритмичный стук – солдаты маршировали на плацу. Берега рва окаймлял деревянный настил – узкая дорожка со стенками. Джек спустился к ней и по наклонной стенке сполз на лед. Чайки возмущенно смотрели на него круглыми глазами, а уткам не было до него дела. Когда мальчик сделал первый шаг по черному льду, он решил, что происходит что-то поистине неведомое – еще неведомее, чем местонахождение его блудного папаши. Он шел по воде! Тут даже утки обратили на него внимание.

Дойдя до середины рва, Джек услышал какой-то звук – он решил, что это орган в церкви; доносились только низкие ноты, и на музыку было не похоже. Наверное, органист просто нажимал на клавиши, рассказывая Алисе, как учил Уильяма. Но Джек еще ни разу не слышал таких низких нот. Нет, это был не орган – это был Кастельгравен, который пел мальчику, недовольный, что тот потревожил его покой. Ров, окружающий старинную крепость, засек лазутчика.

Лед, перед тем как треснуть, стонет – настоящий треск поднимается только потом. Под ногами у Джека во все стороны побежали трещинки, этакая паутина. С плаца донесли крики солдат, и тут Джек понял, что опускается под воду.

С головой он погрузился только на пару секунд; он поднял руки вверх и схватился за край льда, поставил на него локти. Сил вылезти из воды у него не было, да и лед бы не выдержал. Все, что Джек мог сделать, – это висеть вот так вот, наполовину в ледяной воде, наполовину на морозном воздухе.

Раздался топот солдатских сапог, чайки и утки поднялись в воздух, солдаты спустились к деревянному парапету, крича что-то по-датски. Со стороны казарм били в колокол. На шум прибежали Алиса и какой-то незнакомый Джеку человек, он решил, что это органист.

«Чем может помочь органист в такой беде?» – подумал Джек.

Анкер Расмуссен, однако, если это был он, больше походил на военного, нежели на музыканта.

Алиса орала благим матом. Джек забеспокоился, не решит ли мама, что и тут тоже виноват его папа. В некотором смысле так оно и было. Джек сомневался, удастся ли ему спастись. Ведь если лед не выдержал его самого, как же он выдержит солдат?

И тут Джек увидел его, самого маленького солдата. В группе, которая прибежала первой, его не было; наверное, Анкер Расмуссен вызвал его из казармы. На нем не было формы – только длинная пижама, наверное, он спал, а спать ему разрешили, потому что он раньше болел, а теперь выздоравливает. Дрожа как осиновый лист, он ящерицей пополз по льду к Джеку, дюйм за дюймом; Джек подумал, что так и должны делать солдаты – ползать по-пластунски, лежа на животе и помогая себе локтями. За собой самый маленький солдат тащил винтовку, зажав ее ремень в зубах.

Добравшись до пробитой Джеком полыньи, он протянул мальчику приклад винтовки. Джек обеими руками схватился за ремень, а солдат взялся за дуло и вытянул его из воды на лед.

У Джека совсем замерзли ресницы, он чувствовал, как на голове образуется ледяная корка. Оказавшись на льду, он решил было встать на четвереньки, но самый маленький солдат крикнул ему:

– Лежи на животе!

Джек не удивился, что солдат говорил по-английски, – он удивился, что у солдата совсем не солдатский голос, а такой же, как у его сверстников, маленьких детей, еще даже не подростков.

Джек лег на живот, и самый маленький солдат потянул его, как санки, по льду к берегу, где ждала Алиса. Мама обняла его, поцеловала – а потом как дала ему по попе! Это был единственный раз на памяти Джека Бернса, чтобы мать его ударила; в тот же миг она разрыдалась. Не медля, Джек схватил маму за руку.

Джека завернули в одеяла и отнесли в дом коменданта, но он потом не помнил, чтобы видел хозяина. Одежду Джеку принес самый маленький солдат; она была ему велика, но Джек удивился скорее тому, что она гражданская, – он ожидал увидеть форму.

– Джек, у солдат тоже есть обычная одежда, они надевают ее, когда идут в увольнительную, – объяснила мама Джеку, но он не очень понял. Для четырехлетнего ребенка слово «увольнительная» слишком сложное.

Покидая Цитадель, Алиса поцеловала самого маленького солдата на прощание; ей пришлось нагнуться, чтобы это сделать, а Джек помнил, что солдат еще и привстал на цыпочки.

Тогда-то Джеку и пришло в голову, что мама должна подарить его спасителю что-нибудь, например сделать бесплатную татуировку, ведь солдаты – это почти матросы, они тоже наверняка любят татуировки. Алиса улыбнулась, – кажется, идея Джека ей понравилась. Она снова подошла к самому маленькому солдату и, еще раз нагнувшись, что-то шепнула ему на ухо. Он обрадовался тому, что услышал; предложение явно ему понравилось.

Выяснилось, что Алисе и Джеку есть смысл ехать в Стокгольм не только ради талантов Дока Фореста. Анкер Расмуссен сообщил Алисе, что за три года до того умер Эрик Эрлинг,

органист в стокгольмской церкви Ядвиги Элеоноры, и на смену ему пришел подающий фантастические надежды двадцатичетырехлетний Торвальд Торен. До Анкера дошли слухи, что Торвальд ищет себе помощника.

Алисе показалось странным, что Уильяма привлекла должность помощника у органиста младше его. Анкер Расмуссен был иного мнения: Уильям умен и талантлив, он, вне сомнения, станет хорошим органистом; и для него как раз настало время попутешествовать, поиграть на разных органах, пообщаться с разными органистами, что-то перенять у них, что-то, может быть, даже украсть. Расмуссен полагал, что Уильяма гонят из города в город отнюдь не только проблемы по дамской части.

Мама сказала Джеку, что эти вот теории Расмуссена ее очень беспокоят; она-то сама влюбилась в Уильяма потому, что он божественно играл на органе, но ей не пришло в голову, что и сам Уильям мог пасть жертвой соблазна – а соблазнителем выступил его инструмент. Что, если Уильям был одержим идеей играть на все более и более огромных органах или, по крайней мере, менять их регулярно? Ведь вот бывает же, что юные девушки влюбляются в лошадей и меняют их как перчатки? А еще Алису беспокоила, конечно, мысль о том, что, может, Уильяму нравится менять учителей не меньше, чем женщин.

Джек решил, что они уедут в Стокгольм немедленно, но у мамы были другие планы. За Рождество можно было хорошо заработать у Татуоле. А если такому великому мастеру, как Док Форест, приходилось в Стокгольме работать дома, значит татуировочный бизнес там может быть нелегальным. А если так, то ей будет нелегко зарабатывать деньги в Стокгольме и нужно как можно больше выжать из каникул в Копенгагене. Вот потом они с Джеком отправятся в путь.

Прощание на Нюхавн, 17, затянулось надолго. Джек не помнил, чтобы позировал для фото перед дверью салона, но звук затвора фотоаппарата четко врезался в его память. Кто-то очень много фотографировал.

Клиенты – прежде всего матросы в рождественском увольнении – так полюбили Алису, что она работала до поздней ночи. На Бабника Мадсена спрос был ниже, так что частенько он провожал Джека в «Англетер», пока Алиса делала свое дело.

Ларс садился на кровать, а мальчик чистил зубы, потом залезал под одеяло, и Бабник рассказывал ему какую-нибудь историю, пока тот не заснет. Истории Бабника быстро вгоняли Джека в сон. В основном он рассказывал, как ему жилось в детстве, – и так его было жалко, аж слезы наворачивались! Каких только несчастий он не навиделся с рыбой, – правда, большинства этих неприятностей, как казалось Джеку, можно было легко избежать; Бабник же считал все эти события не иначе как вселенскими катастрофами.

Мальчик засыпал в своей комнате – узкой, отделенной от маминой спальни ванной комнатой и туалетом со сдвижной дверью; Ларс отправлялся на унитаз читать журналы. Джек иногда просыпался и видел его силуэт сквозь матовое стекло двери. Ларс иногда так и засыпал там, положив голову на колени, и Алиса его будила.

По просьбе Ларса она сделала ему татуировку. Он хотел, чтобы она вывела у него на груди разбитое сердце – его собственное, утверждал он, потому что оно разбилось. Алиса согласилась, и у Ларса на левой стороне груди появилось сердце ярко-красного цвета, разорванное на две половинки, верхнюю и нижнюю. Между половинками оставалось место, где можно было вытатуировать имя, но и Алиса, и Татуоле всячески отговаривали Ларса. Разорванного сердца, говорили они, вполне достаточно – и так ясно, как страдает его обладатель.

Ларс хотел, чтобы Алиса вписала туда свое имя. Она отказалась.

– Не я разбила твое сердце, – сказала она, но кто знает, может, так оно и было.

– Нет, я имел в виду другое, – гордо и с достоинством сказал Бабник Мадсен, – я хотел, чтобы ты вписала туда свое тату-прозвище.

– Вот оно что! Татуировка с автографом! – воскликнул Татуоле.

– Ну это же совсем другое дело! – сказала Алиса.

И между зубцами на коже Ларса появилась надпись изящным курсивом – «*Дочурка Алиса*».

Алиса была ему благодарна за трогательную заботу о Джеке.

– Это подарок, – сказала Алиса Ларсу, забинтовывая разбитое сердце.

Джек не знал, что мама подарила Оле. Может быть, ему не досталось ничего – даже знаменитой Алисиной иерихонской розы, которой Оле так восхищался.

В последний их вечер в Копенгагене Оле закрыл лавочку пораньше и повел всех в дорогой ресторан на Нюхавн, там был настоящий камин. Джек попросил кролика.

– Джек, как же ты можешь есть Братца Кролика?! – возмутилась мама.

– Да пусть себе ест, – сказал Ларс.

– Знаешь что, Джек? – сказал Татуоле. – Это, конечно, не Братец Кролик. Датские кролики не носят брюк!

– Да-да, они вместо одежды покрывают себя татуировками! – рассмеялся в голос Бабник Мадсен.

Дождавшись, когда все отвернутся, Джек тщательно изучил своего кролика – татуировок не обнаружилось. Кролика он доел с удовольствием, а вот пива, судя по всему, выпил недостаточно.

В ту ночь ему приснился кошмар. Он проснулся совершенно голый, дрожа от страха. Он только что провалился сквозь лед на Кастельгравен и утонул. На дне, о ужас, Джека ждали другие покойники – легионы солдат, которые за многие столетия утонули в канале. Они отлично сохранились в холодной воде. И что было совсем нелогично, в их числе обнаружился и самый маленький солдат.

Как всегда, в ванной горел свет – это у них был такой ночник для Джека. Он раздвинул стеклянные двери и вошел в мамину спальню. Был уговор – если ему снится страшный сон, он может прийти к маме в кровать.

Но кто-то его опередил! У изножья кровати, которая была не шире его собственной, он увидел мамины ступни, они торчали из-под одеяла и смотрели вверх. А между ними Джек увидел две другие ступни – эти смотрели вниз.

Сначала Джек почему-то подумал, что это Бабник Мадсен. Присмотревшись повнимательнее, Джек не нашел на икрах татуировок. Кроме того, ступни были слишком маленькие для Ларса. Они были меньше, чем ступни его мамы, – да что там, они были почти что такие же, как у самого Джека!

В неясном свете лампы из ванной Джек заметил еще кое-что. На стуле, куда мама обычно клала одежду, висела солдатская форма, по размеру она вполне подошла бы ему самому. Он ее и надел, но тут выяснилось, что она все-таки велика. Ему пришлось высоко закатать штанины и застегнуть ремень на самую последнюю дырочку, а с рубашкой и форменной курткой вообще не удалось ничего сделать – они оказались сильно широки в плечах. Рукава были длиннее рук, а погоны почти доставали до локтей.

Если бы Джека попросили подумать, он бы, наверное, сказал, что форма самого маленького солдата была как минимум на размер больше его гражданской одежды, в которую Джек оделся после своего приключения во рву и в которой, как сказала мама, солдаты ходят в непонятную «увольнительную».

Решив, что в наличии на стуле формы нет ничего такого странного, Джек придумал стать часовым у изножья маминой кровати, и когда они с самым маленьким солдатом проснутся, он отдаст им честь, как полагается настоящему солдату (позднее мама говорила, что в ту ночь Джек играл роль – еще бы, на нем был даже полагающийся к ней костюм). Простояв некоторое время на часах, Джек понял, что мама и самый маленький солдат вовсе не спят. Кровать

еле заметно двигалась, в темноте Джек этого сначала не заметил. Мама лежала с закрытыми глазами, но не спала – у нее был открыт рот, она неглубоко, отрывисто дышала, было видно, как напряжены мускулы у нее на шее.

Маленький солдат был целиком накрыт одеялом, видны были только его ступни. Учитывая его рост, голова его должна была лежать у мамы между грудей, их видно не было; наверное, подумал Джек, самый маленький солдат приходит в себя – ему, должно быть, тоже приснился кошмар. Ага, теперь понятно, почему дрожит кровать. Джек знал, что нынешней ночью всем снятся кошмары, как и ему самому; конечно, солдату тоже приснился кошмар, решил Джек, и вот он тоже забрался к маме в кровать. Джек определенно воспринимал самого маленького солдата как своего сверстника, такого же маленького ребенка.

И тут, судя по всему, солдату приснился еще один кошмар, похуже прежнего. Он резким движением сбросил одеяло – в свете ванной Джек увидел его голую задницу, – а мама, наверное, слишком сильно его обняла, потому что он громко застонал. Тут мама открыла глаза и увидела Джека – вот он, стоит у изножья, еще один маленький солдат, на часах. Алиса сначала не узнала сына, – видимо, помешала форма.

Она завопила; для Джека это было большой неожиданностью, как и для маленького солдата. Он обернулся, увидел Джека в форме и тоже завопил – голос был точь-в-точь как у маленького мальчика! И тут Джеку стало так страшно – еще бы, у всех сразу такой ужасный кошмар, – что он тоже завопил. Он даже напустил в штаны от страха – не свои, а самого маленького солдата.

– Джеки! – воскликнула мама, придя в себя.

– Мне приснилось, что я утонул во рву, – начал Джек. – Там были мертвые солдаты, из прошлого, на дне вместе со мной. И ты там тоже был, – сказал он самому маленькому солдату.

Впрочем, тот уже не казался ему таким уж маленьким. У него оказался такой большой пенис, что Джек раскрыл глаза; в длину тот был не меньше, чем половина ствола винтовки, с помощью которой солдат вытянул его на лед. А еще интереснее, что пенис стоял почти вертикально, под небольшим углом, точь-в-точь как винтовка, когда берут на караул.

– Так, тебе лучше уйти, – сказала Алиса самому маленькому солдату.

Как и полагается солдату, он не стал обсуждать приказ и строевым шагом отправился в ванную, а закончив там свои дела, вернулся в Алисину спальню одеться. Джек тем временем снял форму, аккуратно сложил ее на стуле и заполз к маме под одеяло.

Вместе они смотрели, как одевается самый маленький солдат. Джеку было очень стыдно, что он написал в штаны своему спасителю; от Джека не укрылся момент, когда последний это обнаружил. На лице солдата отобразились неуверенность и отвращение – а вовсе не беспокойство и страх за его жизнь, которые Джек видел на его лице, когда тот полз к нему по тонкому льду в нижнем белье.

Но все же он был солдат и глянул на Джека с пониманием и даже с уважением, словно бы написать в штаны – то самое, что по уставу полагается совершить в такой ситуации. Перед тем как покинуть их, он сделал то, что хотел сделать Джек, – отдал ему с мамой честь по всем правилам.

Джек, хотя и видел его совершенно обнаженным, не заметил на его теле ни татуировок, ни бинтов. Вместо того чтобы заснуть – Джек боялся, что если заснет, то снова попадет на дно Кастельгравен, – он задал маме волнующий вопрос:

– А ты сделала ему бесплатную татуировку? Я не увидел у него на теле ничего.

– Я... конечно, я сделала ее, – неуверенно, не сразу сказала мама. – Ты просто не заметил.

– А что ты вывела на нем?

– Мм... маленького солдата, – снова неуверенно и не сразу ответила мама. – Совсем маленького, еще меньше его самого.

Джек теперь не думал, что солдат такой уж маленький – разве можно быть маленьким с таким пенисом, длиной в полвинтовки, – но сказал только:

– А куда ты ее нанесла?

– На левую икру, – ответила мама.

Джек подумал, что, должно быть, всему виной неверный свет из ванной, – ведь он точно помнил, что внимательно смотрел на икры солдата и ничего там не увидел. Но Джек решил, что действительно просто не заметил татуировку, как сказала мама.

Джек заснул у нее в объятиях, как обычно после кошмаров, – и вовсе не в такой неудобной позе, в какой с ней под одеялом лежал самый маленький солдат.

На этом и кончился их визит в Копенгаген; в следующий раз Джек попал туда лишь через тридцать с лишним лет. Но все это время он не забывал ни Татуоле, ни Бабника Мадсена, ни их доброту по отношению к нему и к маме. Не забыл он и покрытый тонким льдом ров Кастельгравен, где чуть было не встретил свой конец, и самого маленького солдата, который спас его – и тем самым спас его маму.

Конечно, Джек так и не понял, что на самом деле произошло. Копенгаген стал своего рода шаблоном, дальше все шло так же, как было там, – но Джек пропустил все мимо ушей. Ему столько всего еще предстояло понять, особенно те вещи, про которые мама не хотела говорить с ним, – среди них было и значение словосочетания «делать бесплатную татуировку», и многое-многое другое.

Продолжал ему сниться и тот же кошмар, всегда один и тот же. Он уже утонул, борьба за жизнь осталась в прошлом, его окружал только вечный холод. Эту вечность Джек делил со всеми солдатами, погибшими в Европе за долгие столетия ее истории. Один из них особенно бросался ему в глаза – тот самый маленький солдат; но причиной тому был не пенис противостественной величины, а то, с какой стоической обреченностью солдат отдавал ему честь.

Глава 3. Шведский бухгалтер

Однажды, став постарше, Джек спросил маму, почему папа не поехал в Англию, почему они не стали его там искать. В Англии ведь тоже полным-полно женщин и органов – да и тату-салонов хоть отбавляй.

Алиса ответила, что в Уильяме было слишком много шотландского, чтобы отправиться в Англию. Он ненавидел англичан, сказала она, и даже за женщиной не поехал бы туда, не говоря уж об органе или татуировке. Меж тем сколько же шотландского на самом деле было в Уильяме Бернсе, если он отказался от имени Каллум?

В Копенгагене Алиса и Джек сели на паром в Мальмё, а оттуда поездом добрались до Стокгольма. Наступил новый, 1970 год, стоял январь, в это время в Швеции световой день короток. Судя по всему, Уильям ушел в подполье вскоре после своего прибытия, а до открытия первого легального салона Дока Фореста оставалось еще целых два года. Поэтому найти его было не легче, чем самого Уильяма.

Первым делом Алиса и Джек направились в церковь Ядвиги Элеоноры, с ее высоченным золоченым куполом и заснеженными могилами во дворе. Алтарь тоже весь сверкал золотом, как и трубы органа, которые немного отливали зеленым. Скамьи были серо-зеленого цвета, немного серебристого, чуть ярче, чем мох. Симметричные окна в апсиде за алтарем были забраны простым стеклом, сквозь них в церковь входила ночь.

Джеку не приходилось раньше видеть столь красивой церкви. Здесь служили по лютеранскому обряду, местный хор имел отличную репутацию. На этот раз Уильям успел близко познакомиться с тремя хористками, и все пошло наперекосяк, когда третья, Астрид, узнала о первой, Венделе, а рассказала им это все вторая, Ульрика. Все три были крайне недовольны. До тех же пор дела у Уильяма двигались как нельзя лучше – он ассистировал Торвальду Торену за главным церковным органом и изучал композицию в Королевском музыкальном колледже города Стокгольма.

Бедные Астрид, Ульрика и Вендела, думал Джек, жаль, что ему не удалось с ними увидеться. Он помнил, однако, встречу с Торвальдом Тореном – даже малышу Джеку Торвальд показался совсем юношей. В конце концов, мужчина в двадцать четыре года и правда еще совсем юноша, плюс к этому Торвальд был стройный, подтянутый, проворный, с яркими живыми глазами. Джеку показалось, что мама была ошарашена повадкой и видом Торена не меньше, чем новостью о романе Уильяма сразу с тремя хористками. Кроме того, в отличие от прочих органистов, попадавшихся Джеку, Торвальд был безупречно одет, а его черный сверкающий портфель, как у настоящего бизнесмена, произвел на Джека неизгладимое впечатление.

Молодому, уверенному в себе Торену было уготовано блестящее будущее – уже тогда он учил играть на органе лишь самых отборных студентов, и, верно, Алиса увидела в нем все то, чем однажды ее очаровал Уильям. Джек подумал, что маме было тяжело с ним прощаться. Уходя из церкви, Джек заметил, как мама оборачивается, чтобы еще раз взглянуть на золотой алтарь; да и когда они оказались снаружи, она раз за разом оглядывалась через плечо на сверкающий купол церкви, одинокий в кромешной тьме ночного Стокгольма. Что же до разговора мамы с органистом, Джек его почти не запомнил – все внимание четырехлетнего малыша поглотили красота юного музыканта и церкви, где он играл.

Итак, во-первых, им нужно как-то найти Дока Фореста, а во-вторых, Уильяма уже и след простыл! Но Алиса была уверена, что Уильям не мог попасть в портовый город и не сделать себе новую татуировку и что он сумел разыскать лучшего татуировщика шведской столицы. А это значит, что если они найдут Дока, то есть шансы, что узнают и куда уехал Уильям. Ведь

когда тебя татуируют, тебе больно, и, чтобы отвлечься от боли, ты волей-неволей заводишь с татуировщиком беседу о том о сем.

Пока шли поиски Дока, Алисе приходилось тратить много денег. Для начала они поселились в «Гранд-отеле», лучшей гостинице Стокгольма. Окна их номера выходили на Старый город и на воду, из них открывался вид на пристань, где швартовались сотни судов. Джек потом вспоминал, как гулял по набережной и изображал капитана, только что ступившего на берег. Он знал, что «Гранд-отель» – дорогое заведение, потому что мама написала об этом миссис Уикстид; она послала ей открытку, которую зачитала Джеку вслух. Но все это было не просто так – у Алисы был план.

«Гранд-отель» располагался поблизости от оперы и театров, в ресторане отеля всегда было полно людей, здесь же завтракали и обедали местные бизнесмены. Вестибюль тут был больше и светлее, чем в «Англетере». Джек и обитал в вестибюле, словно отель – его замок, а он в замке – маленький принц.

План у Алисы был простой, но верный. У них с Джеком была нарядная одежда, в ней они и ходили днем и ночью (так что счет за стирку тоже был о-го-го). Каждое утро они съедали за завтраком как можно больше, сколько могли: шведский стол был включен в цену номера, и за весь день это была их единственная настоящая еда. Набивая брюхо, они старались угадать, кто из других разодетых людей в ресторане может оказаться потенциальным заказчиком татуировок. Они ведь искали себе клиентов, хотя старались не подавать виду.

Обежать они и вовсе не обедали. На обед в «Гранд-отель» люди всегда приходили компаниями, а Алиса знала, что решение сделать себе татуировку человек принимает всегда в одиночестве. В самом деле, татуировка остается на твоём теле на всю жизнь, и в окружении друзей решиться на такое непросто, ведь те непременно станут тебя отговаривать.

Ранним вечером Джек отправлялся в номер и жевал холодное мясо и фрукты, а мама спускалась в бар и искала клиентов там. Ближе к ночи Джек ложился спать, а мама переходила в ресторан и заказывала что-нибудь подешевле – постояльцы «Гранд-отеля» ужинали как раз поодиночке. Алиса считала, что все это «бизнесмены в командировках».

Подход к клиентам у нее был всегда один и тот же. Она прямо спрашивала: «А у вас есть татуировки?» Она даже выучила это по-шведски: «Har ni någon tatuering?»

Если человек отвечал «да», Алиса спрашивала, не Док ли Форест делал ее. Выяснилось, однако, что о таком человеке никто не слышал, да и на первый вопрос обычно следовал отрицательный ответ.

В этом случае Алиса говорила сначала по-английски, затем по-шведски: «Может быть, вы хотите сделать себе татуировку?» («Skulle ni vilja ha en?»)

Как правило, ответ был снова «нет», но иные говорили «может быть». Большого Алисе не требовалось – если ей приоткрывали дверь, она всегда умела добиться, чтобы в итоге ее распахнули настежь.

Джек заучил этот диалог наизусть, и, когда ему не спалось, он повторял его снова и снова; под него засыпалось лучше, чем под счет овец или мысли о Лотти. Может быть, поэтому-то Джек и стал актером – эти реплики он не забывал никогда.

«Если у вас есть немного времени, у меня есть комната и оборудование» («Jag har rum och utrustning, om ni har tid»).

«А это долго?» («Hur lång tid tar det?»)

«Бывает по-разному» («Det beror på»).

«А сколько это стоит?» («Vad kostar det?»)

«Тоже по-разному» («Det beror också på»).

Позднее Джек задумывался, какое впечатление на самом деле производила на людей фраза «Если у вас есть немного времени, у меня есть комната и оборудование». Ведь некоторые из «бизнесменов в командировках» явно понимали Алису превратно, тем более что разгова-

ривала она с ними наедине. Была одна дама, которая сказала, что не прочь сделать татуировку, только, по правде, нужно ей было что-то совсем другое. Она очень удивилась, обнаружив в номере у Алисы четырехлетнего мальчика, и даже потребовала, чтобы тот ушел.

Но Алиса и не подумала отослать Джека. Означенная дама, далеко не молодая и вовсе не красивая, была глубоко оскорблена. Она отлично говорила по-английски – может, даже родом была из Англии – и, скорее всего, намекнула директору отеля, что Алиса у себя в номере делает людям татуировки.

А меж тем выяснить это было не так-то просто. Хотя оборудования была целая комната – машина, краски, блок питания, педаль, фильтры, спирт, глицерин и прочее, – но все это Алиса с Джеком тщательно прятали каждый день, перед тем как в номере появлялись горничные. В те времена тату-бизнес был в Стокгольме подпольным, и Алиса понимала, что в отеле не обрадуются, если узнают, как она зарабатывает на жизнь.

Позднее Джек решил, что проблемы с директором отеля начались после визита той странной дамы, англоговорящей лесбиянки, но на самом деле он ни разу не видел, чтобы мама о чем-либо беседовала с директором. Просто в один прекрасный день мама стала по-другому смотреть на отель, стала говорить слова вроде: «Если сегодня я не получу какой-нибудь информации про Дока, мы вылетаем отсюда завтра же утром» (впрочем, никуда они наутро не вылетали). А еще случалось, что Джек просыпался ночью и не находил мамы рядом. Он, конечно, был маловат, чтобы определить, который час, но ему все-таки казалось, что уж точно было слишком поздно даже для самого позднего ужина. Так куда же Алиса отправлялась по ночам? Может, она делала директору бесплатные татуировки?

Так что им сильно повезло, когда они встретили того бухгалтера. Джек скоро начал думать, что маме в каждом городе суждено встретить кого-нибудь, кто им поможет. Правда, когда тебя спасает бухгалтер, испытываешь разочарование – ну что такое бухгалтер по сравнению с самым маленьким солдатом? Но когда мама с Джеком заметили этого человека за завтраком в «Гранд-отеле», они еще не знали, что он бухгалтер.

Звали его Торстен Линдберг, и был он так тощ, что казалось, один завтрак ему не поможет. Торстен явно был такого же мнения, судя по тому, какие горы еды он накладывал себе на тарелку. Алиса с Джеком поэтому и заметили его, а вовсе не потому, что он походил на искателя татуировок. Торстен наложил себе полную тарелку селедки – а Джек с Алисой ее терпеть не могли – и принялся со страстью ее поглощать. Мама и сын забыли о своем бизнесе и как замороженные смотрели, с каким аппетитом ест этот высокий, печального вида человек. Они решили, что, наверное, у Торстена завтрак – тоже единственная настоящая еда за день. Да, ел он невкусную, с их точки зрения, селедку, но в остальном явно говорил с ними на одном языке.

Наверное, они так были поглощены зрелищем, что забыли о том, что глазеть на чужих людей невежливо; наверное, поэтому Торстен Линдберг стал глазеть на них в ответ. Позднее он объяснял, что не мог не заметить, как много еды (среди которой не было селедки) уплетали они с Джеком. Бухгалтер в нем не мог не сделать вывод, что эта женщина с ребенком пытается сэкономить.

Джек аккуратно отодвинул на край тарелки грибы из своего омлета из трех яиц – для мамы; она доела блины, а сыну оставила дынные шарики. Линдберг же все атаковал свой бесконечный косяк селедки.

Тот, кто думает, будто все бухгалтеры скупердяи, а детей терпеть не могут, не встречал Торстена Линдберга. Закончив завтрак, достойный самого Гаргантюа, чуть раньше, чем Алиса и Джек, – они-то одновременно выглядывали клиентов, – Линдберг подошел к их столу, улыбнулся Джеку и что-то приветливо сказал по-шведски. Мальчик обернулся к маме, прося о помощи.

– Прошу прощения, мой сын говорит только по-английски, – сказала Алиса.

– Отлично! – воскликнул Линдберг, словно бы полагал, что в Швеции англоговорящим детям нужна особая доза хорошего настроения. – Скажи, ты когда-нибудь видел рыбу, которая плавает в воздухе?

– Нет, – ответил мальчик.

Одет Линдберг был, как полагается чиновнику – темно-синий костюм с галстуком, и со стороны его можно было принять за человека, направляющегося на похороны, или, хуже того, за самого покойника; но вел он себя как настоящий цирковой клоун или фокусник. Повернувшись к Джеку, Линдберг снял пиджак, отдал его Алисе жестом одновременно вежливым и фамильярным, словно та его жена. С большим шиком он расстегнул рукав своей безупречно белой сорочки и закатал его выше локтя. На предплечье красовалась обещанная рыба; татуировка была великолепна, казалось, что рыба – явно японская, хотя и не карп, – выросла у него на руке. Голова рыбины лежала на запястье, а хвост огибал локтевой сустав. Чешуя переливалась ярко-голубым, желтым, зеленым, черным и красным. Торстен напряг мускулы и стал крутить запястьем в разные стороны – и рыба в самом деле поплыла, изгибаясь спиралью от локтя к ладони, как будто стремилась схватить что-то зажатое хозяином в кулаке.

– Ну вот, теперь ты видел, как рыба плавает в воздухе, – сказал Линдберг Джеку, а тот снова уставился на мать.

– Татуировка выше всяких похвал, – сказала Алиса, – но готова спорить, что Док Форест умеет делать и получше.

Линдберг ответил без паузы, но понизив голос:

– На людях я не смею показать вам то, что изобразил на мне Док Форест.

– Ага, так вы его знаете! – сказала Алиса.

– Разумеется. Я-то думал, вы тоже.

– Я знаю только его работы, – ответила Алиса.

– Вижу, вы неплохо разбираетесь в татуировках! – сказал Линдберг.

Его интерес и радостное возбуждение делались сильнее с каждой фразой.

– Спрячьте, пожалуйста, вашу рыбину, – сказала Алиса. – Если у вас есть немного времени, у меня есть комната и оборудование.

Потом Джек долго жалел, что мама не выучила, как будет по-шведски «Спрячьте, пожалуйста, вашу рыбину».

Торстен поднялся с ними в номер, Алиса показала ему трафареты и принялась собирать машину. Зря – Торстен Линдберг был настоящий ценитель и не выбирал татуировки с бухты-барахты.

Для начала гость настоял на том, чтобы показать Алисе все свои татуировки – даже те, что на заднице.

«Не надо при Джеке», – сказала было Алиса, но Торстен заверил ее, что все его татуировки вполне можно показывать детям.

На самом деле, как решил Джек, мама не хотела, чтобы он увидел саму задницу Торстена. Но тот был худой, так что зрелище оказалось не страшное, как и сама татуировка: на левой ягодице красовался глаз, косо смотрящий на щель между ягодицами, а на правой – красные губы, словно отпечаток свежего поцелуя.

– Отличная работа, – сказала Алиса укоризненным тоном, и Линдберг немедленно снова надел штаны.

У него были и другие татуировки, много татуировок. На людях бухгалтеры всегда появляются застегнутыми на все пуговицы, так что коллеги Торстена могли и не догадываться, что он весь покрыт татуировками – не говоря уже о глазе на заднице! Среди них была работа Татуоле, Алиса сразу ее узнала – стандартная обнаженная девушка с изогнутой линией лобковых волос, правда, что-то в ней отличало ее от прочих, но мама не дала Джеку разглядеть, – а также

работа Тату-Петера из Амстердама и Герберта Гофмана из Гамбурга. Все это были отличные татуировки, но работа Дока Фореста выделялась даже на их фоне.

На узкой вогнутой груди Линдберга шел под всеми парусами клипер с тремя высоченными мачтами, а из-под воды на него напал морской змей. Голова чудовища, размером с главный парус судна, восставала из воды перед носом со стороны левого борта, а кончик хвоста торчал за кормой со стороны правого. Всякому было ясно – кораблю не спастись.

Тут Алиса сказала, что Док Форест, должно быть, моряк. С ее точки зрения, корабль на груди Линдберга даже лучше, чем судно с вымпелом «Возвращаюсь домой» на груди у покойного Чарли Сноу. Линдберг знал, где живет Док, и вызвался отвести Джека и Алису к нему. А назавтра он выберет себе татуировку от Алисы.

– Я склоняюсь к иерихонской розе. Только обещайте: пусть это будет, так сказать, персональная версия, только для меня, – застенчиво сказал он.

– Ну еще бы, такая татуировка должна быть у любого знатока, – ответила Алиса.

Но Линдберг словно бы еще не решился. Он вообще любил не решаться и беспокоиться; наверное, потому и был такой худой – от волнения, а не от каких-то особенностей обмена веществ. Он беспокоился, как Алисе живется в «Гранд-отеле», а особенно о Джеке.

– Даже в условиях нашей шведской зимы мальчику нужно бывать на воздухе! – сказал он и поинтересовался, умеет ли Джек кататься на коньках.

Хоть они и из Канады, ответила Алиса, Джек кататься не умеет.

Ну, Торстен знал, как этому помочь. Его жена каждый день катается на коньках на озере Меларен. Ей ничего не стоит научить Джека.

Если Алису и обеспокоило столь быстрое и неожиданное предложение, она не подала виду – а если бы и подала, Джек бы этого не заметил, так как в момент разговора находился в уборной. У него жутко заболел живот, не иначе переел за завтраком. Так что всю беседу про коньки он пропустил, а когда вернулся из туалета, выяснилось, что вопрос с его пребыванием на свежем воздухе решен положительно и даже составлено расписание катаний.

Не удивило четырехлетнего Джека и то, что мама говорила о жене Линдберга, словно сто лет с ней знакома. «Она полная противоположность Торстену, он худ, а она вылитый гренадер, – сказала Джеку мама, – и еще заводила, ее пусти петь в пивную – и все будут повторять за ней хором!»

А еще мама сказала, что госпожа Линдберг не будет делать себе татуировок, ей достаточно тех, что на теле ее мужа.

Госпожа Линдберг по имени Агнета и вправду оказалась большой и широкоплечей, в ее свитер легко поместились бы две Алисы. Как и обещал Торстен, она взяла Джека кататься на коньках на озеро Меларен. Джек отметил, что госпожа Линдберг предпочитает, чтобы ее называли по девичьей фамилии, Нильсон.

– В самом деле, любой скажет, что «Агнета Нильсон» звучит лучше, чем «Агнета Линдберг», – сказала Алиса сыну, и больше они об этом не говорили.

Джек был поражен, как хорошо катается такая крупная женщина; правда, она довольно быстро выдыхалась, и Джеку это не очень нравилось. Человек, который якобы катается на коньках каждый день, не может выдыхаться так быстро.

Джек далее узнал, что «персональная» версия иерихонской розы для Торстена – работа долгая, дня на три, ведь он все время должен быть в конторе. Одно только нанесение трафарета займет четыре часа, а закрашка укромно спрятанных половых губ столь сложна, что может потребоваться и четвертый день.

Жаль, что мама не дала Джеку посмотреть на эту татуировку. Если бы мальчик увидел своими глазами, что именно имел в виду Линдберг, когда просил Алису сделать ему «персональную» розу, он, наверное, понял бы, что еще многое, очень многое в его мире на самом деле не то, чем оно кажется.

Меларен – огромное пресноводное озеро, оно сливается с Балтийским морем прямо в Старом городе Стокгольма, в месте под названием Слюссен. Когда идет не слишком сильный снег, лучшего места для катания на коньках не придумаешь. Несмотря на историю с падением под лед на Кастельгравен, Джек не испытывал страха, ступая на поверхность озера Меларен. Он знал, что, если лед не трескается под Агнетой, его он и подавно выдержит. Когда они катались, Агнета брала его за руку – так же крепко и уверенно, как Лотти. Джек учился останавливаться и поворачивать и даже ехать спиной вперед, а Алиса тем временем выводила на правой лопатке Торстена иерихонскую розу. Мама сказала Джеку, что Торстен поворачивается к Агнете спиной, когда спит, и лежит на левом боку, – так что отныне по утрам, просыпаясь, она первым делом будет видеть влагилице, упрятанное в цветочный бутон. Когда Джек стал старше, ему это показалось странным – разве женщине может быть приятно просыпаться и первым делом видеть подобное? Но, подумал он, татуировки же вообще не для всех. И если бы в мире не было таких, как Торстен Линдберг и его жена, маме Джека никогда бы не удалось стать Дочуркой Алисой, знаменитой на весь свет.

Закончив иерихонскую розу для Линдберга, Алиса и Джек отправились вместе с ним к Доку Форесту. Жил он в самой обыкновенной квартире, а вот трафареты, которыми были заклеены все стены в его доме, были самые что ни на есть необыкновенные. Алиса не скрывала своего восхищения и Доком, и его работой. Сам Док был небольшого роста, крепко сложенный, с длинными руками, аккуратно подстриженной бородкой и большими бакенбардами, светловолосый, с блестящими, часто моргающими глазами; в самом деле, когда-то он плавал матросом, а свою первую татуировку сделал у Тату-Петера в Амстердаме.

Док с сожалением сказал, что не может нанять Алису себе в помощницы, – он бы и рад, но ему самому приходится туго с поиском клиентов, он даже подыскивает какого-нибудь мещанина, который помог бы ему открыть салон.

Что же до Партитурщика – разумеется, Уильям Бернс откопал в Стокгольме Дока, – тот истребовал для себя то ли арию Баха, то ли токкату Пахельбеля; так сказала Джеку мама. Был какой-то шведский фильм, и там звучала эта музыка, поэтому ее знали все.

«А может, это был и вовсе Моцарт», – добавила Алиса.

Джек не понял, о чем речь: о нотах на коже у папы или о фильме. Но в тот момент внимание Джека почти целиком сосредоточилось на змеях – им была посвящена целая стена у Дока, там ползали змеи, морские чудовища и прочие ужасные твари.

– Надо полагать, вы понятия не имеете, куда мог деваться Уильям, – сказала Алиса Доку.

Кажется, ей надоело жить в «Гранд-отеле», а может быть, его директору надоело, что Алиса там живет.

– Думаю, он в Осло, – сказал Док.

– В Осло! – воскликнула Алиса. В ее голосе звучало отчаяние, более глубокое, чем прежде. – Там же нет ни одного татуировщика.

– Может, и есть, только, наверное, они работают дома, как я, – сказал Док.

– В Осло, – повторила мама, на этот раз потише.

Как и Стокгольм, Осло не значился в их маршруте.

– Но там есть орган, – продолжил Док, – старинный орган. Так он мне сказал.

Ну еще бы, конечно же в Осло есть орган! А если там есть хоть один тату-мастер, пусть даже он работает подпольно, в собственной квартире, можно ставить любую сумму денег на то, что Уильям его найдет.

– А он не сказал, в какой церкви этот орган? – спросила Алиса.

– Нет, он только сказал, что у этого органа сто два регистра, – отозвался Док.

– Ну тогда мы его в два счета найдем, – сказала Алиса таким тоном, словно мыслила вслух, а не обращалась к Джеку или Доку.

Кажется, особенно часто на стене с трафаретами встречается мотив, где змеи обвивают мечи, заметил про себя Джек.

– Рекомендую остановиться в отеле «Бристоль», – донесся голос Торстена Линдберга. – Да, там меньше клиентов, чем в «Гранд-отеле», но хотя бы не будет проблем с директором.

Много лет спустя Джек задумается, что именно имел в виду Линдберг под «проблемами с директором». Алиса же Торстену не ответила, а просто сказала спасибо – ну и Доку Форесту, разумеется.

Док взял Джека на руки и прошептал:

– Возвращайся, когда вырастешь. Может быть, захочешь сделать у меня татуировку.

Джеку нравилось жить в «Гранд-отеле», просыпаться каждое утро под рев корабельных гудков – так суда на озере приветствовали друг друга. Ему нравилось кататься по льду озера с Агнетой Нильсон, здоровенной госпожой Линдберг. Если бы не зимняя тьма, он был бы рад и дальше оставаться в Стокгольме, но им с мамой пришла пора двигаться дальше.

Поездом они добрались до Гётеборга, а оттуда паромом в Осло. Путешествие должно было бы запомниться Джеку надолго, такие красивые в тех местах пейзажи, но в памяти у него остались лишь темнота и холод. Все-таки они были далеко на севере и до сих пор стоял январь.

У мамы с Джеком было много багажа – татуировочная машина и прочее оборудование занимают немало места. Поэтому, где бы они ни появлялись, всем сразу делалось ясно, что эти двое тут надолго. Такого мнения был и администратор в вестибюле «Бристоля».

– Лучшие номера нам не нужны, – сказала ему Алиса, – но найдите нам что-нибудь приличное, каморки тоже не подойдут.

Метрдотель был не дурак и заметил, что с багажом гостям понадобится помощь; он звякнул в колокольчик и вызвал носильщика. Тот пожал Джеку руку – слишком сильно, у мальчишки заболели пальцы. Джек впервые видел перед собой норвежца.

Вестибюль «Бристоля» был меньше, чем в «Гранд-отеле». Джек надеялся, что ему не придется привыкать жить тут. И плевать, что орган тут старинный; да пусть бы в нем хоть двести два регистра!

На данный момент Джек и мама уже были обязаны трем татуировщикам, двум органистам, одному маленькому солдату и одному бухгалтеру. Интересно, кто им будет помогать тут, думал Джек, идя вслед за носильщиком по темному коридору, устланному коврами.

Их номер оказался маленьким и душным. Когда они добрались до отеля, уже стемнело – да в это время года в Осло почти все время темно, – так что из окон было видно лишь соседнее здание; сквозь плотно задернутые шторы из окон пробивался тусклый свет, и Алиса воображала, какую скучную, бессловесную жизнь ведут жители этих квартир – совсем не такую, какую, думала она когда-то, они будут вести с Уильямом.

Последний раз они ели, уезжая утром из «Гранд-отеля». Носильщик сказал, что ресторан при гостинице все еще открыт, но им стоит поторопиться. Мама предупредила Джека, что в ресторане все дорого, так что заказывать им придется по минимуму.

Джек проигнорировал рекомендации носильщика, который посоветовал «морошку и язык оленя».

– Джек, возьми лучше лосося, – сказала мама, когда носильщик ушел, – и поделишься со мной.

Тут мальчик заплакал – не потому, что у него все еще болели пальцы от неудачного рукопожатия, и не потому, что он был голоден, и не потому, что ему опостытели отели. И даже не потому, что ему надоела эта зимняя тьма, столь типичная для Скандинавии, – полное отсутствие света, которое, наверное, не одного шведа или норвежца заставило бы утопиться во фьорде, если бы они все не позамерзли. Нет, дело было не в самом их путешествии или его условиях – дело было в причине, по которой они в него отправились.

- Мне плевать, найдем мы его или нет! – рыдал Джек. – Я хочу, чтобы мы его не нашли!
- Если мы его найдем, ты передумаешь; это будет большое событие, – сказала мама.

Но если папа был в ответе за них с мамой и бросил их, разве это не значило, что папе на них плевать? Разве это не значило, что Уильям отказался и от Алисы, и от Джека и что, найди они его сейчас, он может их снова отвергнуть? Конечно, четырехлетний мальчик не смог бы облечь эту мысль в слова – и, однако же, именно она сейчас беспокоила его, именно из-за нее он плакал.

Мама сказала, что они не смогут пойти ужинать, если Джек не перестанет плакать, и тот умолк.

- Порцию лосося, два прибора, пожалуйста, – сказала Алиса официанту.
- И никакой морошки, и оленьего языка нам тоже не надо, – сказал Джек.

Ресторан был практически пуст. Посередине зала молча сидела пожилая пара; судя по их виду, татуировки им не требовались. В углу сидел одинокий мужчина, на лице его отражалось глубочайшее отчаяние, такому впору топиться в тех самых замерзших фьордах.

- Его не спасет даже татуировка, – сказала Алиса.

Тут в зал зашла молодая пара. В тот миг Джек впервые увидел, как его мать реагирует на влюбленных; Алиса, это было ясно, прыгнула бы во фьорд незамедлительно, будь он перед ней сейчас.

Мужчина был стройный, атлетического телосложения, с волосами до плеч – вылитая рок-звезда, только одет элегантнее, – а женщина, его жена или подруга, шла с ним в обнимку и глаз от него не могла оторвать. Высокая, худощавая, юная, с восхитительной улыбкой и восхитительной грудью – да, даже в четыре года Джек умел обращать внимание на женскую грудь. Непонятно, были это постояльцы или просто жители Осло; ни одна парочка из тех, что заходили к Татуоле, не выглядела моднее. Может, у них уже есть татуировки.

- Мам, спроси их, – сказал Джек, но Алиса не в силах была на них смотреть.
- Нет, я не могу, – ответила она. – Кого угодно, только не их.

Джек не понимал, что с ней. Ведь это же влюбленные, а любовь – это как откровение, как первая татуировка. Джек помнил, как Оле и мама говорили о событиях в жизни человека, которые заставляют его делать татуировки, – откровения были в их числе. Ясно, у этих двоих как раз такой момент в жизни. А если они живут в отеле, может быть, они уже занимались любовью этим вечером, – впрочем, откуда Джеку знать. Скорее всего, они просто не могут дождаться, когда закончится ужин, чтобы пойти к себе и заняться любовью снова!

Даже появление официанта не могло заставить молодую пару разомкнуть объятия. Когда тот принял заказ и ушел, Джек толкнул маму и сказал:

- Хочешь, я пойду и спрошу их? Я знаю, как надо.
- Нет, пожалуйста, сиди смирно, ешь лосося, – ответила мама шепотом.

Несмотря на ужасную погоду, на женщине было мини-платье, колготок она не носила. Джек решил, что, конечно, они живут в отеле, ведь никому не может прийти в голову выходить на улицу в таком платье в такую погоду. Ему даже показалось, что он заметил татуировку – а может, это было родимое пятно – под левой коленкой. Оказалось, что это ссадина, но, увидев ее, Джек не удержался, встал из-за стола и пошел к ним; ссадина, которую он принял за татуировку, придала ему смелости.

Джек подошел прямо к юной красавице и произнес слова, которые повторял каждый вечер перед сном:

- У вас есть татуировки?

Сначала надо по-английски. Впрочем, если он скажет по-шведски, его поймут – почти все норвежцы понимают язык соседей.

Девушка решила, что Джек задумал сыграть с ней шутку. Кавалер оглянулся по сторонам, словно не понимая, где находится. Это что, здесь такие порядки, маленькие мальчики веселят

посетителей? Джек не понял, поставил он гостя в неудобное положение или нет и что вообще с ним такое; казалось, видеть Джека доставляет ему невыносимые страдания.

– Нет, – ответила юная леди по-английски.

Кавалер отрицательно покачал головой; наверное, у него тоже нет татуировок.

– Может быть, вы хотите сделать себе татуировку? – спросил Джек у девушки, подчеркнуто обращаясь к ней одной.

– Может быть, – ответила прекрасная то ли жена, то ли подруга.

– Если у вас есть немного времени, у меня есть комната и оборудование, – продолжил Джек, но заметил, что она отвлеклась.

И она, и ее кавалер смотрели вовсе не на Джека, а на его маму. Она сидела за столом и рыдала. Джек не знал, что делать.

Девушка, казалось, больше беспокоилась о Джеке, чем о его маме, и наклонилась к нему поближе; он почувствовал запах ее духов.

– А это долго? – спросила она его.

– Бывает по-разному, – выдавил из себя Джек; его спасло лишь то, что он знал эти реплики наизусть.

Он был перепуган, ведь мама плакала, но вместо того, чтобы смотреть на нее, он стал смотреть на грудь девушки. А когда звуки рыданий стихли, Джеку стало еще страшнее.

– А сколько это стоит? – спросил кавалер, но таким тоном, словно на самом деле цена его не интересовала, а он просто не хотел Джека обидеть.

– Тоже по-разному, – сказала Алиса.

Она не только перестала плакать – она неожиданно оказалась прямо за спиной у Джека.

– Ну, может быть, в другой раз, – сказал кавалер.

В его голосе явственно слышалась горечь, и Джек обернулся, чтобы посмотреть на него. Его жена или подруга просто кивнула, словно бы что-то испугало ее.

– Идем со мной, мой маленький актер, – шепнула мама Джеку на ухо.

Кавалер почему-то сидел с закрытыми глазами. Казалось, он не хочет видеть, как Джек уходит.

Не оборачиваясь, мальчик протянул за спину руку, ту самую, которую слишком сильно сжал носильщик, и как по волшебству схватил за руку маму. Всегда, когда Джеку Бернсу нужна была рука матери, его пальцы находили ее сами собой, даже во тьме.

Глава 4. Неудача в Норвегии

Клиентов для Алисы в Осло оказалось маловато. Те бесстрашные незнакомцы из толпы иностранцев и посетителей ресторана «Бристоль», что отвечали «да» на ее предложения, почти все без исключения уже были татуированы.

В цену номера в отеле снова был включен завтрак, так что Джек с мамой получили еще одну возможность и предлог предаваться утреннему обжорству. Один такой разгул чревоугодия свел их с немецкой парой, бизнесменом и его женой. У мужчины на груди красовалась «Моряцкая могила» (тонущий корабль с развевающимся флагом Германии), а на правом предплечье маяк Санкт-Паули – и то и другое выполнила твердая рука татуировщика-мариниста Герберта Гофмана, чей гамбургский салон, как узнала Алиса, располагался в двух шагах от Реепербана.

Немец предложил Алисе сделать татуировку своей жене, у той уже ползала по спине здоровенная ящерица. После завтрака они поднялись к Алисе, и женщина выбрала себе ярко-зеленого паука. Алиса вывела у нее на мочке черную спираль, а оттуда протянула красную нитку, на которой и повис паук, притаившись между ключицей и ухом.

– Для Осло это очень изысканный вариант, – сказала Алиса.

Алиса надеялась, что однажды ей доведется встретить Герберта Гофмана, а побывать на знаменитом маяке она хотела с самого детства. Работы Гофмана, как и работы Татуоле и Тату-Петера, она увидела раньше других, в мастерской отца. Она знала, что Герберту подарил его первую тату-машину Татуоле и что на его теле были работы как Татуоле, так и Тату-Петера.

Джек тоже надеялся, что однажды ему доведется встретить Герберта Гофмана, но не потому, что хотел у него учиться. Оле рассказал Джеку, что у Герберта на заднице живет здоровенная птица – всю левую его ягодицу занимает якобы огромный павлин с широко раскрытым хвостом! Тату-Петер тоже весьма интересовал четырехлетнего мальчишку, и снова не талантами художника – Джеку не терпелось увидеть первого в своей жизни настоящего одноногого.

Алиса дорого бы дала, чтобы уже сейчас оказаться в Гамбурге, и причиной тому было не только знакомство с работами Гофмана. Еще бы, в Осло ей пришлось ждать целую неделю, пока ей попался человек, делающий свою первую татуировку, – «девственник», как она их называла. Видимо, в Норвегии не очень-то принято гоняться за «откровениями» или татуировка не считается тут за подобный опыт. А может, просто такие редко заходили в «Бристоль».

Изучая прелести шведского стола – обжорство за завтраком резко контрастировало с их поистине достойным лучших образцов аскетизмом за обедом и ужином, – Джек пришел к выводу, что маринованный лосось ему нравится больше копченого. Морошка тоже пришлась ему по вкусу – официанты не уставали предлагать ее всем детям в огромных количествах; что же до оленя, то, хотя избежать встречи с его мясом было просто невозможно, Джек все же сумел ни разу не попробовать язык несчастного животного. Несмотря на то что за обедом и ужином они с мамой ограничивались закусками и десертами, затраты на еду превышали Алисины доходы. Хуже того, ни один человек в Осло не желал говорить с ней об Уильяме. Судя по всему, объектом его страсти на этот раз оказалась чересчур юная девушка – по крайней мере, настолько юная, что в Норвегии говорить вслух об этой истории избегали даже взрослые.

Из парадных дверей «Бристоля» открывался вид на Кафедральный собор Осло. К нему нужно подниматься по довольно пологой улице, поэтому каждое утро, когда они выходили из отеля, им казалось, будто собор торчит из проезжей части, а трамвайные пути заезжают прямо внутрь. Но они не поехали на трамвае, идти было недалеко.

– Наверное, тут-то он и работал, – сказала Алиса.

– Почему ты так думаешь? – спросил Джек.

– Ну просто мне так кажется.

В таком большом соборе непременно должен был быть старинный большой орган. В нем и правда имелось сто два регистра, а построила его фирма «Валькер»; в 1883 и 1930 годах его реконструировали, декор же оставался без изменений с самого 1720 года, разве только изначальную зеленую краску в 1950 году заменила серая – серый цвет больше соответствовал монументальному барочному стилю инструмента.

Собор был возведен из кирпича и снабжен медным куполом, отливавшим зеленым на солнце, а также внушительных размеров колокольной. Часы на колокольне исполнили в столь суровом стиле, что казалось, лютеранская пафосность превзошла здесь самое себя и собор следовало воспринимать скорее как священное хранилище неприкосновенных сокровищ, нежели как обычное место, куда люди каждый день ходят славить Господа.

Внутреннее убранство убедило маму и Джека, что это их первое впечатление – правильное. Свечей внутри не оказалось, вместо них использовалось электричество. С потолка свисали огромные канделябры, старомодные бра отбрасывали на стены свет, призванный напоминать отблески факелов. В алтаре были изображены одновременно Тайная вечеря и Распятие, и больше всего он походил на лавку старьевщика. К кафедре вела короткая резная лестница, украшенная резными же позолоченными венками. Над кафедрой висел этакий остров из ангелов (создавалось впечатление, что небо вот-вот упадет прямо на нее) с арфами в руках.

Орган молчал, молящихся тоже не наблюдалось. Встретила Алису и Джека одинокая уборщица, она смотрела на них подозрительно, опираясь на швабру, словно на трость. Позднее мама объяснила сыну, что в соборе любое напоминание об Уильяме воспринималось даже обслуживающим персоналом в штыки – и он, Джек, был как раз таким напоминанием.

Едва заметив малыша, уборщица словно окаменела, сделала глубокий вдох и скрестила руки на груди, не выпуская швабры; можно было подумать, что она сама и есть Святой Крест, силой которого она надеялась изгнать Джека из святилища.

– Органист на месте? – спросила Алиса.

– Который органист? – возопила уборщица, сумев сделать еще и ударение на «который».

– А сколько их у вас тут? – ответила Алиса.

Не в силах оторвать глаз от Джека, уборщица сообщила маме, что органистом в соборе работает некто мистер Рольф Карлсен, но его сейчас нет. Слово «нет» почему-то нарушило ход мыслей Джека, ему вдруг подумалось, что в церкви водятся привидения.

– Мистер Карлсен – большой человек, – сказала уборщица, но так, что осталось неясным, в каком смысле она употребила слово «большой» – то ли органист был великан, то ли важная птица или же и то и другое. – Из священников сейчас тоже никого нет, – продолжила она и принялась размахивать шваброй, словно волшебным посохом, не сводя по-прежнему глаз с Джека; стало понятно, что она не замечает, что делает.

Джек поискал глазами ведро – ведь нельзя же мыть полы одной шваброй, без ведра?

– Ну, я, вообще-то, ищу молодого органиста, – перебила уборщицу Алиса. – Он иностранец, его зовут Уильям Бернс.

Уборщица закрыла глаза, словно в молитве, надеясь, быть может, что швабра и правда обратится в распятие и спасет ее. Она торжественно подняла швабру и указала ею на Джека.

– Это его сын! – возопила она снова. – У него такие ресницы! Только слепой не узнал бы его.

В этот миг Джек впервые узнал, как он похож на отца. Алиса посмотрела на сына так, словно бы и ей это сходство бросилось в глаза впервые. И тут ей почему-то стало так же страшно, как и уборщице.

– А вы, несчастное создание, должно быть, его жена! – провозгласила уборщица.

– Было дело, в прошлом, – ответила Алиса и протянула уборщице руку. – Меня зовут Алиса Стронах, а это мой сын Джек.

Уборщица вытерла руки о подол и сильно ответила на рукопожатие. Джек это сразу понял – мама едва не взвизгнула от боли.

– Меня зовут Эльза-Мария Лотта, – представилась женщина, а Джеку сказала: – Благослови тебя Бог, мальчик.

Джек не стал пожимать ей руку – после встречи с носильщиком он решил беречь пальцы.

Эльза-Мария не вдавалась в подробности случившегося, заметив только, что вся паства до сих пор не может об этом забыть. Алисе и Джеку лучше всего просто вернуться домой.

– А что за девушка у него была в этот раз? – спросила Алиса.

– Ингрид Му не девушка! Она ребенок!!! – вскричала Эльза-Мария.

– Не надо при Джеке, – сказала Алиса.

Эльза закрыла Джеку уши ладонями; он не слышал, что они с мамой говорили дальше, такие сильные у нее были руки, но, когда Эльза обратилась к Алисе, прощаясь, Джек готов был поклясться, что она больше не называла маму «несчастливым созданием».

Они повернулись, чтобы уйти. Эльза крикнула им вслед:

– С вами никто не станет говорить!

Ее крик гулко разнесся по собору.

– Эта девушка – простите, ребенок, Ингрид Му, – она станет! – ответила Алиса.

Когда они пришли в собор в следующий раз, Джек явственно ощутил, что их сторонятся. Уборщицы не было, зато какой-то мужчина стоял на стремянке и менял перегоревшие лампы. Не сторож, слишком хорошо одет, может быть, просто щепетильный прихожанин, любитель исправлять мелкие недостатки. Он узнал Алису и Джека с первого взгляда и сразу же принял вид, дававший понять, что говорить с ними он не намерен.

– Вы знаете Уильяма Бернса, он из Шотландии? – спросила Алиса.

Мужчина повернулся к ней спиной и пошел прочь.

– А Ингрид Му? Ее вы знаете? – крикнула ему вслед Алиса.

При имени девушки мужчина чуть не споткнулся, Джек четко это заметил. И тут еще раздался очень знакомый ему звук – звук затвора фотоаппарата. Он его уже слышал, когда взял маму за руку перед входом в собор. Видимо, кто-то еще раз их сфотографировал напоследок.

Они снова пришли в собор в субботу, на этот раз на органе кто-то играл. Джек взял маму за руку, и она отвела его к мануалу. Лишь много позже он задумается – а откуда это мама знала, как туда попасть?

Мануал располагался на втором этаже собора, а орган – еще выше, туда вела другая лестница. Органист был так занят игрой, что не заметил маму с Джеком, пока они не стали у него прямо за спиной.

– Мистер Рольф Карлсен? – поинтересовалась Алиса с некоторым сомнением в голосе.

Органисту явно не было и двадцати – оказаться Рольфом Карлсеном он никак не мог.

– Нет, – ответил юноша и снял руки с клавиш. – Я просто ученик.

– Вы хорошо играете, – сказала Алиса, отпустила руку Джека и села на скамью подле органиста.

Тот чем-то походил на Бабника Ларса – изящный голубоглазый блондин, только помоложе и без татуировок, сломанного носа и дурацкой Ларсовой эспаньолки. Он принялся было менять регистры органа, но замер – Алиса взяла его за руку и положила ее себе на бедро.

– Посмотри на меня, – прошептала она.

Тот не смел.

– Хорошо, тогда выслушай. Я когда-то познакомилась с юношей вроде тебя, его звали Уильям Бернс. Вот этот мальчик – его сын. – Алиса кивнула в сторону Джека. – Посмотри на него.

Тот снова не посмел.

– С какой стати я вообще с тобой разговариваю! – вырвалось у юноши. – Это неправильно!

Другой рукой Алиса погладила его по щеке, и тут юноша наконец посмотрел на нее. Сын всегда видит в своей матери что-то особенное; в детстве Джек считал, что его мама ну просто до смерти красивая, и поэтому ему было непросто глядеть на нее, когда она так близко наклонялась к нему. Так что Джек хорошо понимал, почему юный органист закрыл глаза.

– Если со мной не станешь говорить ты, я пойду к Ингрид Му, – сказала Алиса, но тут Джек, видимо из сочувствия к страданиям юноши, тоже закрыл глаза, а когда он закрывал глаза, то не мог больше слушать внимательно – ведь во тьме происходит столько всего интересного.

– У Ингрид трудности с речью, – говорил юноша, – она не очень любит говорить в принципе.

– А, значит, на этот раз не хористка, – сказала Алиса.

Джек и юноша одновременно открыли глаза.

– Разумеется, нет, – сказал он. – Она учится на органиста, как и я.

– Как тебя зовут? – спросила Алиса.

– Андреас Брейвик, – был ответ.

– Андреас, у тебя есть татуировки? – (Андреас был ошарашен, он явно не ожидал такого вопроса и промолчал.) – Хорошо, хочешь, я сделаю тебе татуировку? – шепнула ему Алиса. – Это совсем не больно, и, если ты все-таки удостоишь меня беседы, я сделаю ее тебе бесплатно.

Однажды воскресным утром, перед тем как идти в церковь, Джек сидел в ресторане в отеле «Бристоль», набивая пузо плотнее обычного. Мама сказала ему, что если он будет хорошим мальчиком и останется внизу, пока она делает Андреасу бесплатную татуировку, то ему можно съесть все, чего он пожелает и сколько ему захочется, – хотя бы потому, что ее там не будет и она не сможет его остановить. Он уже дважды сбегал к столу с едой и начал задумываться, а мудро ли было есть сразу две порции сосисок, но оказалось поздно – сосиски запросятся наружу.

Мама сказала ему, чтобы он ждал ее в ресторане, она спустится к нему, как только закончит с Андреасом, но Джек четко понял, что ему срочно нужно в туалет. Наверное, в вестибюле «Бристоля» был туалет, но Джек не знал где и решил не рисковать – что, если он не успеет, – а поэтому опрометью ринулся вверх в свой с мамой номер и принялся что есть мочи колотить в дверь.

– погоди минутку! – ответила мама.

– Мама, это важно! Это всё сосиски! – заплакал Джек.

Когда Алиса наконец открыла дверь, он только что не извивался змеей на полу.

Увидев открытую дверь, Джек мигом проскочил внутрь прямо в туалет, да так быстро, что едва заметил расстеленную кровать, то, что мама босиком, и то, что Андреас стоит в расстегнутой рубашке и торопливо застегивает штаны. Татуировки у него вроде бы не было. Странно еще, что у него какое-то опухшее лицо, словно бы он терся им обо что-то, особенно набухли губы.

Может, он плакал, подумал Джек. Алиса сказала Андреасу, что это не больно, но Джек-то знал, как все на самом деле. Больно всегда, а иные татуировки больше других, многое зависит от того, где и какими красками делают татуировку, некоторые пигменты раздражают кожу.

Выйдя из туалета, Джек обнаружил маму и Андреаса полностью одетыми, а кровать заправленной. Мама заодно успела убрать все тату-принадлежности – не было видно ни машины, ни красок, ничего. Впрочем, если уж на то пошло, Джек не помнил, чтобы они вообще лежали в комнате, когда он туда забегал.

– Ну как, было больно? – спросил Джек у Андреаса.

То ли органист не расслышал его, то ли находился в состоянии шока после своей первой татуировки; он просто стоял и круглыми глазами смотрел на мальчика. Алиса улыбнулась сыну и взъерошила ему волосы.

– Больно не было? – обратилась она к Андреасу.

– Нет! – воскликнул он громче, чем ему хотелось бы.

Может быть, он упрямо не хотел признавать, что ему было больно. Нет, мама не могла успеть сделать ему иерихонскую розу на ребрах, слишком мало времени прошло. Наверное, что-то маленькое в области почек.

– Где ты сделала ему татуировку? – спросил Джек маму.

– В укромном месте, и он никогда ее не забудет, – прошептала она, улыбаясь Андреасу.

Наверное, на груди, решил Джек; конечно, иначе бы юноша так не дрожал, когда мама его касалась. Она между тем вежливо, но твердо выталкивала его прочь из комнаты; казалось, ему больно идти.

– Не оставляй это место неприкрытым пару дней, – сказал Джек Андреасу. – Будет болеть, как если бы ты сгорел на солнце. Смажь лучше какой-нибудь мазью.

Андреас Брейвик стоял в коридоре как громом пораженный; что-то у него с головой, ведь Джек объяснял ему очень простые вещи. Алиса помахала ему рукой на прощание и закрыла дверь.

Джек заметил, что мама сильно устала. Она села на кровать, затем легла, вытянулась во весь рост и стала хохотать, и сын сразу узнал, что это за хохот, – когда мама так смеялась, она очень скоро начинала рыдать, но вот почему, он не знал. Когда она зарыдала, Джек спросил ее – он всегда так делал, – что случилось.

– Андреас ничего не знает! – надрывалась Алиса. Взяв себя в руки, она добавила: – Если бы он что-нибудь знал, то обязательно бы мне сказал.

Мама не будет завтракать, уже поздно, они опоздают в собор, но это ничего – Джек явно съел достаточно для обоих.

Стирку в «Бристоле» приносили в пачках, вещи были проложены картонками для сорочек, словно бутерброды. В этот раз мама взяла одну такую картонку, жесткую, белую, и написала на ней фломастером заглавными буквами: «ИНГРИД МУ».

Мама спрятала картонку под пальто, и они отправились в собор. Воскресная служба уже началась, звучал орган, хор пел первый гимн. Может, была и процессия, но они ее пропустили. Тот, кто играл, играл очень хорошо, так что Джек решил, что это, наверное, сам «большой человек» (что бы это ни значило) Рольф Карлсен.

Собор был полон, мама с Джеком присели на самой последней скамейке у центрального прохода. Проповедь читал тот самый человек, что несколькими днями раньше менял лампы. Должно быть, он как-то упомянул Джека и маму, потому что несколько человек обернулись в их сторону; лица у них были одновременно добрые и искаженные болью.

Джеку ничего не оставалось, кроме как глазеть на потолок, там ему попала одна картина, и он испугался. Из гроба выходил мертвец. Джек знал, что мертвеца держит за руку Иисус, но он все равно очень боялся этого ходячего покойника.

Проповедник вдруг указал пальцем на потолок и стал читать Библию по-норвежски. Странно, но Джеку стало легче, что все прихожане вместе с ним смотрят на пугающую картину на потолке. Лишь много лет спустя Джек понял, что было нарисовано на потолке и к какому месту из Писания это была иллюстрация. А проповедник читал стихи 43 и 44 главы 11 Евангелия от Иоанна, где Иисус воскрешает Лазаря: «Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет».

Когда проповедник вскричал: «Лазарь!», Джек от неожиданности аж подпрыгнул. Из всей речи он понял только два имени: «Лазарь» и «Иисус», но теперь он хотя бы знал, как зовут мертвеца. Почему-то от этого ему стало легче.

Служба окончилась, и Алиса встала у скамьи и вынула из-под пальто картонку. Прихожане рекой шли мимо нее, и все видели надпись «ИНГРИД МУ». Прислуживал мальчик, ровесник Джека, он вел за собой паству из церкви, неся в руках крест. Он прошел мимо Алисы, опустив глаза долу. Последним мимо них прошел проповедник, которого Джек про себя называл электриком; ему полагалось идти сразу вслед за прислужником, но сегодня он почему-то отстал.

Поравнявшись с Алисой, он глубоко вздохнул. Помолчав, сказал добрым голосом:

– Пожалуйста, уезжайте домой, миссис Бернс.

То ли мама не заметила, как он ее назвал, то ли решила не обращать внимания; с его стороны, возможно, такое обращение к ней было продиктовано нежностью, а не незнанием.

Затем он взял ее за запястье, покачал головой и сказал:

– Бог благослови вас и вашего сына. – И ушел.

Джек решил, что в Норвегии так принято – просить Бога всех благословлять. Поразмыслив, он решил, что даже Лазарь с картинки на потолке был не прочь попросить Бога его благословить.

Они вернулись в «Бристоль» на обед. Алиса ела суп и, как показалось Джеку, совсем не хотела выискивать клиентов, а он-то сам как раз одного такого и заметил. Точнее, такую – у входа в ресторан стояла девушка и пристально смотрела на них с мамой. Она была тощая, долговязая, с детским лицом; метрдотель предложил ей присесть за столик, но она отказалась. Джек подумал, что мама едва ли согласится сделать ей татуировку. У Алисы были строгие правила – клиент должен был быть старше определенного возраста, а эта девочка явно была младше.

Алиса подняла глаза и сразу поняла, что перед ней Ингрид Му; она попросила официанта принести им еще один стул, и тогда долговязая девица нехотя присоединилась к ним, сев на самый край и положив руки на стол так, словно бы перед ней был органный мануал. У нее были чересчур длинные для ее юного возраста пальцы.

– Мне так жаль, что он сделал тебе больно. Мне жаль, что ты вообще его повстречала, – сказала Алиса.

Джек решил, что речь о папе. О ком еще мама могла говорить?

Ингрид Му, миловидная, даже изысканная, закусила губу и принялась разглядывать свои длинные пальцы. У нее была большая светлая коса до пояса. Она заговорила, и сразу стало ясно, что речь дается ей с трудом, даже уродует ее образ; произнося слова, она плотно сжимала зубы, словно боялась показать язык (а может быть, не могла его показать).

Джек с ужасом подумал, как ей больно целоваться, как больно тому, кто целует ее. Много позже он вообразил, как папа видит ее в первый раз и думает то же самое, – и Джеку стало стыдно.

– Я хочу, чтобы ты сделала мне татуировку, – сказала Алисе Ингрид. – Он сказал, ты знаешь, как это делается.

Да, у нее трудности с речью, по-английски ее почти невозможно понять.

– Ты слишком молода для татуировки.

– Ну, для него-то я была в самый раз.

Делая ударение на «него-то», Ингрид обнажила плотно сжатые зубы, было видно, как напряглись мускулы у нее на шее, как выдвинулась вперед челюсть, словно она собиралась плюнуть в кого-нибудь. Какая трагедия, что такая красивая девушка может столь резко меняться в лице, – ее уродует каждое произнесенное слово.

– Я не советую тебе делать татуировку.

– Если ты откажешься, я пойду к Тронду Хальворсену, – сказала Ингрид. – Он плохой мастер, он чем-то заразил Уильяма. От него все уходят с заражением.

Алису передернуло, – наверное, ее задело имя Джекова папы, а не тот факт, что местный татуировщик не моет иглы. Ингрид неправильно поняла Алисину реакцию и сказала:

– Ничего страшного, он вылечился. Некоторое время принимал антибиотики, и все.

– Я не хочу делать тебе татуировку.

– Главное, что хочу я. Я знаю, какую татуировку хочу и где я ее хочу иметь. И эту часть своего тела я не хотела бы показывать Тронду Хальворсену. – Она была вынуждена сильно исказить лицо, чтобы произнести имя татуировщика, и, глядя на нее, можно было подумать, что это не человеческое имя, а название чего-то мерзкого и отвратительного. Ингрид положила правую руку себе под левую грудь, туда, где сердце. – Вот тут, – сказала она и укрыла грудь ладонью, так что пальцы коснулись ребер.

– Тут будет больно, – сказала Алиса.

– А я и хочу, чтобы было больно, – ответила Ингрид.

– Давай я угадаю – ты хочешь татуировку в виде сердца, – продолжила Алиса.

Наверное, сердце, разорванное пополам, подумал Джек. Но вообще-то, он играл с вилкой, а не следил за разговором.

Алиса пожалала плечами. Разбитое сердце – едва ли не самая популярная татуировка у матросов, она может исполнить ее с закрытыми глазами.

– Я не стану выводить его имя, – сказала она.

– А мне это не нужно, – ответила девушка.

Ага, ей нужно просто сердце, две разорванные половинки, думал Джек. Точно так об этом говорил Бабник Ларс.

– Но однажды тебе встретится другой мужчина, и тебе придется ему все объяснить, – предупредила Алиса.

– Если мне встретится мужчина, ему придется так или иначе узнать обо мне все, – ответила девушка.

– Чем будешь платить?

– Я скажу тебе, где его найти, – ответила Ингрид.

Джек не слушал, на самом деле ему было неудобно слушать человека, который говорит с таким трудом. С тем же успехом Ингрид могла произнести: «Я скажу тебе, куда он думает поехать».

И куда только подевалась вся строгость Алисиных правил! Оказалось, что Ингрид Му вовсе не так уж юна и ей можно сделать татуировку. И вовсе она никакой не ребенок, она просто так выглядит. Джек даже думал, что сам это понял, что угадал, сколько ей лет, – на его взгляд, от шестнадцати до тридцати. Он и понятия не имел, что ему был уготован мир женщин куда старше его.

Стоял полдень, янтарный свет заливал их номер, и кожа Ингрид Му казалась позолоченной. Она сидела обнаженная до пояса на кровати, рядом с ней Алиса. Джек сидел на другой кровати и пялился на грудь девушки.

– Он же только ребенок, я не против, чтобы он смотрел, – так она сказала.

– А что, если я против? – сказала Алиса.

– Пожалуйста, я хочу, чтобы Джек был рядом, – попросила Ингрид. – Ты же знаешь, он, когда вырастет, будет точная копия Уильяма.

– Еще бы мне не знать, – сказала Алиса.

Возможно, Ингрид была не против потому, что грудей у нее, по сути дела, не было, но все равно Джек не мог глаз от нее оторвать. Она сидела выпрямившись, ее длинные пальцы лежали на коленях, сквозь золотистую кожу рук просвечивали ярко-синие вены. Еще одна

синяя вена начиналась у горла и спускалась вниз, между ее крошечных грудей, – казалось, эта вена пульсирует, словно бы у Ингрид под кожей прячется какой-то зверек.

Алиса вывела трафарет целого, а не разорванного сердца под левой грудью у Ингрид, и Джек только тогда заметил, что сердце-то целое. Он-то думал, что Ингрид хотела разбитое сердце, а это было неразбитое. Ингрид же не могла видеть, что делает Алиса, ей потребовалось бы зеркало; но даже если бы оно в комнате было, она бы не заметила – потому что пристально смотрела на Джека, а тот пристально смотрел на ее груди: это было куда интереснее, чем татуировка.

Алиса наносила трафарет, но девушка не проронила ни звука и сидела совершенно неподвижно, и только по ее щекам обильно катились слезы. Алиса не обращала на них внимания, а если они попадали девушке на левую грудь, она вытирала их так же небрежно и быстро, как капельки лишних чернил.

Затем Алиса принялась закрашивать трафарет, и тут стало ясно, к чему она стремилась: она так поместила сердце на небольшую грудь девушки, что создавалось ощущение – оно бьется, сокращаясь одновременно с дыханием Ингрид. Оно было совершенно настоящее, казалось, вот-вот – и из него потечет кровь. Джек видел, как мама укутывала сердце в цветы, как обрамляла его розами, но это ее сердце было совершенно особенное, меньше прочих. И что-то еще в нем было такое. Оно лежало на краю левой груди и касалось места, где под ребрами у девушки билось ее собственное сердце; однажды в будущем именно сюда приложится ладошкой ее ребенок.

Закончив, Алиса ушла в ванную вымыть руки, и тогда Ингрид наклонилась вперед и положила руки Джеку на пояс.

– У тебя отцовские глаза и рот, – прошептала она неразборчиво, как обычно, можно было подумать, что она говорит «нос», а не «рот».

А потом поцеловала Джека в губы, пока Алиса была в ванной. Джек едва не упал в обморок. Она немного раскрыла губы, ее зубы стукнулись о его. Естественно, Джек сразу забеспокоился – а что, если трудности с речью заразные?

Вернувшись, Алиса протянула Ингрид зеркало, а сама села рядом с Джеком и наблюдала, как девушка разглядывает свою татуировку. Та смотрела долго, молча. В любом случае Джек не слышал, что она сказала Алисе, – он убежал в ванную чистить зубы и полоскать рот.

Может быть, Ингрид сказала:

– Сердце целое, а я хотела разорванное пополам.

– С твоим сердцем все в порядке, – наверное, ответила Алиса.

– Нет, оно разбито, разбито! – решительно сказала Ингрид.

Эти слова Джек расслышал хорошо и вышел из ванной.

– Тебе только кажется, – сказала Алиса.

– Ты меня обманула. Я просила другое! – крикнула Ингрид.

– Я дала тебе то, что у тебя есть на самом деле, твое настоящее сердце как есть, крошечное, – добавила мама.

– Пошла ты в жопу! – заорала Ингрид.

– Не надо при Джеке, – сказала Алиса.

– Я ничего тебе не скажу, – ответила девушка и поднесла зеркало ближе к своей груди.

Да, это было не то, чего она хотела, и все же она не могла оторвать глаз от своей татуировки.

Алиса встала с кровати и ушла в ванную. Прежде чем закрыть дверь, она сказала:

– Когда-нибудь ты встретишь нового мужчину, Ингрид, и это обязательно случится, и вот теперь у тебя есть сердце, которое ему будет приятно сжать в руках. Там же тебя будут касаться твои дети.

Алиса включила воду – она не хотела, чтобы Джек и Ингрид слышали, как она рыдает.

– Ты не перебинтовала ее, – сказал Джек, обращаясь к закрытой двери.

– Вот и перебинтуй девушку, Джеки, – отозвалась мама, – я не хочу к ней прикасаться.

Джек оторвал немного марли и выдавил на него вазелина; кусок как раз закрыл татуированное сердце. Затем он достал пластырь и приклеил марлю к груди Ингрид, следя за тем, чтобы не прикоснуться к соску. Ингрид немного вспотела, пластырь не хотел приклеиваться.

– Тебе раньше приходилось это делать? – спросила девушка.

– Еще бы, конечно, – сказал Джек.

– Не ври. К женской груди тебе еще не случалось прикасаться.

Джек в ответ повторил ей обычные слова, он хорошо знал, что говорит мама.

– В течение дня пусть будет под пластырем. Будет немного болеть, как будто ты подгорела на солнце.

Девушка тем временем застегивала рубашку, лифчик надевать не стала.

– Откуда ты знаешь, что будет болеть и как это будет? – спросила его Ингрид.

Она вытянулась во весь рост, Джек едва доставал ей до пояса.

– А потом смажь мазью, – завершил инструктаж Джек.

Она наклонилась к нему, Джек подумал, что она снова будет его целовать, и закрыл рот руками. Наверное, он дрожал, потому что Ингрид положила руки ему на плечи и сказала:

– Не бойся, я не сделаю тебе больно.

Она не стала его целовать, а шепнула на ухо одно слово:

– Сибелиус.

– Что?

– Скажи маме, что он часто повторял слово «Сибелиус». У него на уме один только Сибелиус. Думаю, я тоже туда наведаюсь.

Ингрид приоткрыла дверь в коридор, осторожно выглянула. Создавалось впечатление, что для нее это знакомая процедура, словно ей не раз уже приходилось покидать номера отелей так, чтобы ее никто не заметил.

– Сибелиус? – повторил Джек.

Наверное, думал он, это какое-то норвежское слово.

– Я сказала это только ради тебя. А не ради нее, – сказала Ингрид Му. – Так своей маме и передай.

Джек проводил ее взглядом. Вылитая взрослая женщина, сзади она вовсе не походила на ребенка.

Он вернулся в номер и принялся прибираться: удостоверился, что баночки с красителями и вазелином плотно закрыты, запаковал бинты, оторвал кусок бумажного полотенца и разложил на нем иглы двух тату-машин – «Джоунси», с помощью которой мама наносила трафареты, и «Роджерс», для закраски. Джек знал, что мама всегда чистит иглы после работы.

Алиса наконец вышла из ванной, было видно, что она долго плакала. Джек всегда считал свою маму писаной красавицей, и то, как на нее смотрели другие мужчины, лишь убеждало его в том, что он прав. Но сейчас она выглядела совсем по-другому: наверное, ей было очень трудно, наверное, она впервые татуировала такую юную и красивую девушку.

– Эта девица, от нее сердце замирает, Джек, – сказала мама.

– Она сказала «Сибелиус», – сообщил он.

– Чего?

– Сибелиус.

Мама, казалось, не больше поняла смысл сказанного, чем Джек. Она задумалась.

– Может быть, он туда уехал, – сказал Джек. – Может, там мы его найдем.

Алиса покачала головой. Джек решил, что Сибелиус – это еще один город, куда они не собирались. Он даже не знал, в какой стране этот город.

– Так где это? – спросил Джек.

Алиса снова покачала головой.

– Это не где, это кто, – сказала Алиса. – Сибелиус – это фамилия финского композитора. Сибелиус – финн, он жил в Финляндии, и это значит, что твой папаша отправился в Хельсинки, Джек.

В Хельсинки они точно не собирались. Название Джеку очень не понравилось – в самом деле, что еще за Хельсинки такие и почему их много?

Но сначала Алиса хотела поговорить с Трондом Хальворсеном, халтурщиком, который не моет иглы и заразил Уильяма. Таких, как Хальворсен, Татуоле называл «мясники». Работал он у себя дома на первом этаже, в Старом городе, то есть в восточной части Осло; салоном ему служила кухня.

Тронд Хальворсен оказался старым матросом. У него были «ручной работы» (то есть не машинные) татуировки из Борнео и Японии, на левой руке красовалась обнаженная девушка от Татуоле, а на правой – работа его учителя Тату-Джека. На бедрах и животе у него было вообще что-то ужасное, его собственных рук и игл дело.

– Это я так ремесло осваивал, – говорил он, показывая Алисе свои художества.

– Расскажи мне про Партитурщика, – начала она.

– А что рассказывать: он мне нарисовал ноты, я их на нем вывел. Понятия не имею, что это за музыка.

– Ходят слухи, он ушел от тебя с инфекцией.

Тронд Хальворсен расплылся в улыбке; у него не хватало двух клыков, на нижней и верхней челюсти.

– Обычное дело.

– Ты что, не моешь иглы?

– У кого есть на это время?

На плите в кастрюле что-то кипело, судя по торчащей из жидкости голове – рыбный суп. На кухне стоял резкий запах рыбы и табака, примерно в равных пропорциях.

Алиса не старалась скрыть свое отвращение; даже трафареты у Хальворсена были все чем-то перемазаны, то ли жиром, то ли копотью. На столе стояли бумажные стаканчики, в них когда-то были налиты краски, но с тех пор они высохли, и нельзя было понять, какого они были цвета.

– Меня зовут Алиса, я дочь Билла из Абердина, – без тени интереса к собственной биографии произнесла мама. – Еще работала у Татуоле.

– Про твоего отца я слышал, а Татуоле – кто ж его не знает, – ответил Хальворсен; казалось, ему совершенно плевать, какое впечатление он производит на Алису.

Джек начал задумываться, а зачем они вообще сюда пришли.

– Так вот, значит, Партитурщик, – снова начала Алиса. – Он не сказал тебе, случайно, куда направляется?

– Он был вне себя оттого, что я его заразил, – сказал Хальворсен таким тоном, словно бы нехотя признавал свою вину. – Так что, когда он зашел ко мне снова, он был, как бы это... не в настроении говорить о своих планах.

– Он уехал в Хельсинки, – сказала Алиса. Хальворсен и бровью не повел. Если она знает, куда уехал Уильям, ради чего допрашивать его. – Ты не знаешь, случайно, каких-нибудь татуировщиков в Хельсинки?

– Хороших там нет.

– Ну, тут тоже.

Тронд Хальворсен подмигнул Джеку: мол, понимаю, парень, тяжело тебе приходится – жить с такой мегерой. Он помешал варево в кастрюле, вынул рыбу, показал ее Джеку, положил рыбу обратно.

– В Хельсинки, – сказал он, словно обращаясь к рыбе, – если кто и татуирует, то только старые моряки вроде меня.

– Ты хотел сказать, «мясники».

– Я хотел сказать, там если кто и татуирует, то работают они дома, как я.

В тоне Хальворсена наконец начало слышаться раздражение и даже возмущение.

– Отлично, ну так ты знаешь кого-нибудь оттуда?

– В Хельсинки есть один ресторан, туда частенько заглядывают матросы, – сказал Хальворсен. – Он в портовом районе, называется «Сальве». Его все знают, популярное место.

– И дальше что?

– А то, что спроси там у официантки, где можно сделать татуировку. Выбери официантку постарше, такие точно знают.

– Большое спасибо, мистер Хальворсен, – сказала Алиса и протянула ему руку.

Он и не подумал ее пожать – у «мясников» собственная гордость.

– У тебя мужик-то есть? – улыбаясь до ушей, спросил Хальворсен.

Алиса взъерошила сыну волосы и обняла его.

– Как ты думаешь, а кто вот этот мальчик, Джек?

Этот вопрос не сподвиг Тронда Хальворсена пожать руку Алисе. Вместо этого он сказал:

– Я думаю, что Джек – его точная копия.

Они вернулись в «Бристоль» и собрали вещи, не произнеся ни слова. Администратор был рад, что они уезжают; в вестибюле толпились спортивные журналисты и любители конькобежного спорта – в середине февраля в Осло должен был пройти чемпионат мира, так что многие решили приехать заранее. Джеку не хотелось уезжать, он надеялся поглядеть на конькобежцев.

В тот месяц температура в Осло была на восемь градусов ниже средней, а это значило, как сказал метрдотель, что будет быстрый лед. Джек спросил маму: а что, конькобежцы катаются в темноте или на стадионе есть освещение? Мама не знала.

Он не стал спрашивать маму, на что похож город Хельсинки; он боялся, что она ответит:

– Там еще чернее, чем тут.

День клонился к вечеру, бледный свет снова окрасил их номер в янтарные тона, но без золотого сияния кожи Ингрид Му Осло погрузился во мрак.

Джек заснул, и ему приснилась Ингрид, он увидел ее охваченные пламенем ребра и пульсирующее на груди сердце. Он снова наклеивал ей на грудь пластырь и ощущал пальцами бие-ние татуированного сердца, оно оказалось очень горячее и обожгло его сквозь марлю.

Они шли по покрытому коврами коридору, тому самому, где раньше походкой взрослой женщины прошла, повернувшись к Джеку спиной, Ингрид Му, и мальчишка думал, что поиски его папы – это тоже сон, только он не кончается.

Однажды днем или ночью они войдут в ресторан, популярное место под названием «Сальве», куда частенько заглядывают финские матросы, и там они встретят официантку, с которой уже пообщался Уильям Бернс, и она скажет им то же, что сказала ему: то есть где можно сделать татуировку – но когда они туда попадут, Уильяма там уже не будет, к тому времени он покинет это место, украсив свою кожу еще одним нотным станом. Мама сказала Джеку, что к тому времени его папа успеет соблазнить очередную женщину или девушку, с которой, конечно, познакомится в церкви, и что ни один член паствы пальцем не пошевелит, чтобы помочь Джеку и маме найти папу.

Уильям снова исчезнет, как исчезают все человеческие звуки, голоса ли, песни ли, когда пространство собора заполняет великая органная музыка; как исчезает все, даже смех, даже боль, даже тоска, которой порой предавалась по ночам мама, думая, что Джек спит и не видит ее.

– До свидания, Осло, – прошептал в коридоре Джек, в том самом коридоре, по которому, думал он, прошла Ингрид Му с целым сердцем, а вовсе не с разорванным пополам.

Мама наклонилась и поцеловала его в затылок.

– Здравствуй, Хельсинки! – прошептала она ему на ухо.

Джек снова потянулся за ее рукой. Он знал, как это делается, как ему найти мамину руку. Как он выяснит потом, в те дни он, правду сказать, больше ничего и не знал.

Глава 5. Фиаско в Финляндии

Для начала им пришлось вернуться в Стокгольм, тем же путем, что они плыли в Норвегию, и только оттуда отбыть в Хельсинки, на ночном пароме через Финский залив. Было так холодно, что соленая водяная пыль замерзала на лице у Джека, даже если он выходил на палубу всего на минуту-другую. Низкая температура, однако, не мешала кое-каким бесстрашным финнам и шведам весело гудеть и горланить песни на ледяном воздухе до самой полуночи. Алиса заметила, что некоторые из них еще и блевали – самые удачливые с подветренной стороны. Наутро Джек заметил, как выглядят менее удачливые, те, кто выбрал для облегчения желудка наветренную сторону.

Весельчаки, по большей части молодые люди, рассказали Алисе, что лучший хельсинкский отель для татуировщика – отель «Торни», знаменитый своим так называемым Американским баром, куда любит ходить золотая молодежь. Один из Алисиных пьяных собеседников, то ли финн, то ли швед, добавил, что в этот бар ходят для того, чтобы знакомиться с «бравыми девчонками». Такие-то девчонки и нужны были Дочурке Алисе – она решила, что «бравый» в данном случае означает такой, кто не прочь сделать татуировку, а еще – что мальчишки, искавшие знакомства с такими девчонками, ничуть не менее «бравые» в этом отношении.

Отель «Торни» видывал лучшие времена. Старинный лифт с металлической решеткой «временно» не работал, так что Алисе с Джеком выпал отличный шанс хорошенько изучить лестничную клетку – их поселили на четвертом этаже, по ступенькам они поднимались, держась за руки. В номере не было ни ванной, ни туалета – только раковина, но им намекнули, что пить воду из-под крана не рекомендуется; из окон открывался вид на среднюю школу. Джек завел привычку садиться на подоконник и жадно смотрел на школьников; кажется, у тех, кто ходит в школу, много друзей.

Туалет с ванной Джеку и маме приходилось делить с другими постояльцами, и располагался он в коридоре, на порядочном расстоянии от их номера. Номеров в отеле были сотни; однажды мальчику стало скучно, и он заставил маму сосчитать их вместе с ним. Оказалось, что туалеты с ванной имелись только в половине из них.

И все же Алиса не ошиблась, выбрав «Торни». С самого первого дня поток клиентов не иссякал, в Американском баре от них не было отбоя. Тамошние девчонки красотой, прямо сказать, не отличались – а как выяснить, brave они или нет, Джек не знал, – но страха перед татуировками не испытывали, а их мальчишки и того меньше. Один только тут имелся недостаток – когда татуируешь пьяных, много крови; в Хельсинки, как заметил Джек, маме требовалось куда больше бумажных полотенец, чем обычно.

За неделю Алиса заработала больше, чем за все рождественские праздники у Татуоле. Джек частенько засыпал под звуки татуировочной машины; вот и опять, думал он, им придется спать на иголках.

Нашли они и ресторан «Сальве». Джек с мамой последовали совету чересчур настойчивой официантки и взяли пошированного гольца, а не обычную жареную мелкую белую рыбу или судака, и на главное блюдо – из вежливости – олений язык, отказываться от которого они уже устали. Джек очень удивился – язык оказался вовсе не резиновый и очень вкусный. А на десерт, конечно, морошку – темно-золотистую, немного кисловатую, а с ней мороженое; контраст был весьма изысканный.

Мама дождалась, пока Джек доест мороженое, и только тогда спросила официантку, где можно сделать татуировку. Ответ ее несколько огорошил.

– Говорят, есть какая-то женщина в отеле «Торни», – начала официантка. – Она вроде там постоянщица, иностранка. Красавица, говорят, только очень печальная.

– Печальная? – спросила Алиса.

Казалось, она удивлена. Джек не смел поднять глаза на маму; даже он знал, что она печальная.

– Ну, так говорят, – ответила официантка. – У нее еще маленький мальчик, вот вроде тебя, – добавила она, кивнув Джеку.

– Вот как, – сказала Алиса.

– Она находит клиентов в Американском баре, но татуирует у себя в номере, когда мальчик уже спит.

– Как любопытно, – перебила ее Алиса. – Но я ишу не ее, а другого татуировщика; может быть, у вас тут и мужчины этим занимаются?

– Ну, у нас тут есть, конечно, Сами Сало, но женщина из отеля «Торни» куда лучше.

– Вот он-то мне и нужен, не расскажете мне про него? – попросила Алиса.

Официантка, невысокая, плотно сбитая женщина в одежде на пару размеров меньше, чем следовало, тяжело вздохнула. Казалось, у нее болят ноги – каждый шаг вызывал на ее лице гримасу – и дрожат руки, меж тем на вид она была Алисина ровесница. Под фартуком у нее висело полотенце, им она и принялась вытирать стол в ответ на Алисин вопрос.

– Крошка, вот что я тебе скажу, – шепотом обратилась официантка к Алисе, – зачем тебе Сами? Он ведь и сам знает, как тебя найти.

Алиса и этого не ожидала. Может быть, она не поняла, что официантка знает, что она и есть та женщина из «Торни». Впрочем, опознать их было не слишком сложно – ну кто еще в Хельсинки больше их походил на молодую красивую женщину с американским акцентом и маленьким ребенком.

– Я хочу познакомиться с Сами Сало, – сказала Алиса. – Я хочу узнать, не делал ли он татуировку одному моему знакомому.

– А вот Сами Сало вовсе не хочет с тобой знакомиться, – сказала официантка. – Ты отбиваешь у него клиентов, у него падают доходы, и, если ты думаешь, что он этим доволен, ты сильно ошибаешься. Так говорят.

– Как я погляжу, ты очень внимательно слушаешь, что тут у вас говорят.

Официантка повернулась к Джеку.

– Я вижу, ты устал, – сказала она. – Ты высыпаться? Тебе не мешает спать вся эта татуировочная суета?

Мама встала из-за стола и протянула руку Джеку. Ресторан был полон народу, было очень шумно – финны умеют галдеть за вином и едой, так что Джек не расслышал, что мама сказала официантке в ответ. Судя по всему, смысл был вроде «спасибо за заботу», а может, и вовсе наоборот: «если зайдешь ко мне в „Торни“, я с удовольствием сделаю тебе татуировку в таком месте, что будешь вопить от боли». А может быть, Алиса попросила ее передать Сами Сало весточку – даже Джек сообразил, что они друзья.

Больше они в «Сальве» не ходили, ели в «Торни», а Американский бар и вовсе стал им родным домом.

Но как же церковь, думал частенько Джек, ложась в кровать. Почему они никого не спрашивают про орган, на котором папа играет в Хельсинки (ведь должен же он где-то играть на органе)? Где же обесчещенные юные девушки, которым выпало несчастье повстречаться с Уильямом? И где и что Сибелиус?

Джек порой думал, что мама уже устала искать папу или, хуже, стала бояться того, что будет, если они его найдут. Может, ей стало ясно, как это будет жутко – в конце концов увидеться с Уильямом лицом к лицу, но для того лишь, чтобы он просто пожал плечами, повернулся спиной и ушел прочь. Ведь Уильям уже знает, конечно, что они его ищут, это точно, мир органистов и татуировщиков так тесен. А что будет, если Уильям сам решит найти их? Что они

скажут ему тогда? Ведь им придется задуматься, а в самом ли деле они хотят жить с ним, в самом ли деле хотят, чтобы он перестал от них бегать? И если да, то где они хотят с ним жить?

Хельсинки – не лучшее место для людей, неуверенных в себе, а Алиса, кажется, как раз переживала острый приступ неуверенности. Если ей нужно было ночью в туалет, она будила Джека и требовала, чтобы он шел с ней, даже если ему не хотелось, и не разрешала покидать номер без нее, так что несколько раз Джеку приходилось писать по ночам в раковину (он не хотел будить маму). А когда мама вечерами ловила клиентов в Американском баре, Джек этаким вперёдсмотрящим на мачте парусного судна должен был следить за ней из лифта, который, казалось, навечно застрял на втором этаже (его никто и не думал чинить).

Когда Алиса находила очередного клиента, то оборачивалась и кивала Джеку (сквозь решетки шахты лифта мальчик выглядел птицей в клетке). Джек провожал ее взглядом, пока она вела клиента к лестнице, а потом выходил из лифта и бежал на четвертый этаж. Когда мама и клиент появлялись у дверей номера, Джек уже поджидал их там.

– Ба, какие люди! – всякий раз говорила мама. – Джек, уж не за татуировкой ли ты пожаловал?

– Нет, спасибо, – всякий же раз отвечал Джек. – Я слишком мал для этого. Мне бы только посмотреть.

Наверное, этот спектакль выглядел глупо, но мама с Джеком твердо решили играть его для каждого нового гостя, который сразу понимал, что Джек и мама – неразлейвода.

К концу третьей хельсинкской недели Джек совершенно позабыл о Сибелиусе. Его внимание отвлекли две юные девушки (судя по виду, еще какие бравые), которые однажды вечером подошли к Алисе в баре. Они попросили сделать им обеим татуировку – одну на двоих. Правда, стоя в лифте этажом выше, Джек плоховато расслышал их разговор.

– Татуировка – это вам не торт, ее нельзя заказать одну на двоих, – так, показалось Джеку, сказала мама.

– Ерунда, еще как можно, – ответила более высокая из девушек, а другая, кажется, сказала:

– Мы все на свете делили на двоих, даже вы-сами-знаете-что!

Джек увидел, как мама отрицательно качает головой – как-то необычно. Он уже видел, как мама отказывает чересчур пьяным юношам и компаниям из двух-трех человек – вход к ней в номер был строго по одному. Но эти две девушки выглядели как-то иначе, казалось, Алисе неловко с ними, Джек подумал, что мама, наверное, говорит с ними не в первый раз.

Алиса резко встала, повернулась и пошла прочь. Но бравые девушки – Высокая и Невысокая – пошли вслед за ней, ни на миг не закрывая рта. Увидев, что мама ступила на лестницу, Джек вышел из лифта. Высокая и Невысокая следовали за мамой по пятам.

– Мы же достаточно взрослые, – говорила Высокая.

Алиса, не оборачиваясь, снова отрицательно покачала головой, но девушки не отставали.

– А вот и Джек, ведь это ты, правда? – сказала Невысокая, увидев мальчика на лестничной площадке; Джеку показалось, что девушка знала, где его искать. – Мы с подружкой учимся музыке, я занимаюсь хоровым пением и органом.

Алиса застыла, словно обратилась в камень. Девушки догнали ее между первым и вторым этажами. Джек ждал маму на площадке второго, смотря вниз на всех троих.

– Привет, Джек! – сказала Высокая. – А я играю на виолончели.

Она была чуть ниже Ингрид Му и не такая невозможно прекрасная, но руки у нее были такие же длинные. У нее были вьющиеся светлые волосы, подстриженные очень коротко, как у мальчика; носила она хлопчатобумажную водолазку, а поверх нее – толстый старый свитер, вышитый северными оленями.

Невысокая была довольно полная, миловидная, ее длинные черные волосы ниспадали на грудь. На ней была черная мини-юбка, черные колготки, черные сапоги до колен и черный свитер с треугольным вырезом (на пару размеров больше, чем нужно), на вид очень мягкий, ничем не вышитый.

– Вы учитесь музыке, вот оно что, – повторила Алиса.

– В Академии имени Сибелиуса, Джек, – сказала Высокая. – Ты слышал о такой?

Мальчик ничего не ответил, пристально смотря на маму.

– Имени Сибелиуса... – сказала Алиса таким тоном, будто слово резало ей горло.

Невысокая девушка подняла глаза и улыбнулась Джеку.

– Да, ты, конечно, Джек, кем же еще тебе быть, – сказала она.

Высокая взбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, встала перед Джеком на колени и приставила ладони к его лицу, словно рамку к портрету. А руки у нее потные, подумал мальчик.

– Да вы только посмотрите на него, – сказала она; от нее пахло фруктовой жевательной резинкой. – Будь ты побольше, был бы вылитый отец.

Тут к ним присоединились мама и Невысокая.

– Руки прочь, – сказала Высокой мама; та встала и сделала пару шагов назад.

– Прости, Джек, – сказала она.

– Чего вам надо? – спросила мама.

– Мы же сказали, татуировку, – ответила Невысокая.

– А еще мы хотели посмотреть на Джека, – призналась Высокая.

– Надеюсь, Джек, ты не против, – сказала Невысокая.

Однако Джеку было всего четыре года от роду! Разве мог он с такой точностью запомнить, что говорили Высокая и Невысокая? Разве не более вероятно, что несколько дней – да что там дней, недель или месяцев – спустя он спросил маму, о чем они тогда говорили на лестнице отеля, а мама в ответ сообщила ему ровно то, что считала нужным? Может быть, он «запомнил» вовсе не слова Высокой и Невысокой, а то, что ему хотела вложить в голову Алиса, – а именно мысль о том, что Уильям навсегда их бросил. И уж с тех пор ничто не могло изменить это «воспоминание».

Были дни, когда Джек Бернс чувствовал, будто он снова стоит на той самой лестнице, – не только потому, что лифт в «Торни» не работал вовсе не временно, а еще и потому, что Джек многие годы потратил на то, чтобы отличить друг от друга двух человек: своего отца, каким его хотела представить мама, и своего отца, каким он был на самом деле.

Джек вот что хорошо запомнил: когда мама снова двинулась вверх по лестнице, он взял ее за руку и уже не выпускал до самого четвертого этажа. Девушки из музыкальной академии шли вровень с ними. Джек понял, что мама очень взволнована, – у двери она долго рылась в карманах, ища ключ. Она забыла, что ключ-то у Джека, – по сценарию эту часть реквизита должен был представлять зрителям он.

– Вот, держи, – сказал Джек, отдавая маме ключ.

– Зачем ты его взял, мог же потерять, – сказала мама.

Джек не знал, что и думать, еще ни разу он не видел маму такой рассеянной.

– Мы просто хотели посмотреть на Джека, – как бы продолжая разговор, сказала Высокая.

– Но потом мы решили заодно сделать и татуировку, – сказала Невысокая.

Алиса впустила их в номер, и снова Джеку показалось, что она ведет себя так, будто давно с ними знакома. Войдя, мама зажгла свет, а Высокая опять склонилась перед Джеком; наверное, она снова захотела прикоснуться к его лицу, но сдержалась и просто посмотрела ему в глаза.

– Когда ты вырастешь, Джек, – сказала она, – у тебя будет полным-полно девушек.

– Почему? – спросил мальчик.

– Эй, думай, что ты ему говоришь, – сказала Алиса.

Невысокая полная симпатичная девушка с длинными волосами тоже встала на колени перед Джеком.

– Прости нас, пожалуйста, – хором сказали девушки.

Джек не понял, к кому они обращаются, к нему или к маме.

Алиса села на кровать и тяжело вздохнула.

– Ну и какую татуировку вы хотите? – сказала она, смотря мимо девушек; она очень старалась не глядеть им в глаза.

Наверное, Алиса увидела какую-то ауру безрассудства, окружающую двух бравых девушек, и поняла, что Джек тоже это чувствует.

Высокая и Невысокая и в самом деле собирались сделать одну татуировку на двоих – разбитое на две половинки сердце (на этот раз с трещиной по вертикали), так чтобы одну половинку Алиса вывела на левой груди Высокой, а другую – на левой груди Невысокой. Не очень-то оригинально, подумал Джек, но даже в четыре года он уже понимал, что в самой идее сделать себе татуировку оригинального чрезвычайно мало. Мало того что разбитое сердце едва ли не самая массовая татуировка, так ведь еще способов изобразить его очень немного, ну а уж место, где его изображают, почти всегда одно и то же.

В те дни татуировка еще играла роль этакого сувенира – памяти о поездке, о любви всей твоей жизни, о разбитом сердце, о гавани, где тебе довелось побывать. Тело служило чем-то вроде фотоальбома, так что от татуировок не требовалось быть произведениями искусства. Да они и не были ни искусно выполненными, ни приятными на глаз – хотя отвратительными не были тоже, по крайней мере, татуировщики никогда не пытались намеренно делать плохую работу. И конечно, старые татуировки всегда сентиментальны – у несентиментальных людей не принято метить себя на всю оставшуюся жизнь.

Да и как татуировкам быть оригинальными, если их смысл – выражать что-то совершенно ординарное, например твои чувства к матери, к возлюбленному, который тебя бросил, твой первый выход в море. Впрочем, это все моряцкие татуировки, а моряки – сентиментальный народ.

Наверное, музыканты тоже, по крайней мере эти две девушки, Высокая и Невысокая. Выглядели они, наверное, вульгарно, но ненависти к ним Алиса не испытывала, да и с точки зрения возраста у нее не оказалось возражений. Даже Джек видел, что они значительно старше Ингрид Му.

Высокую звали Ханнеле; она сняла свитер и водолазку, и выяснилось, что лифчик она не носит. Джека, конечно, очень интересовали груди, но на этот раз его внимание куда больше привлекли ее небритые подмышки. Она была широкоплечая, груди у нее не слишком превосходили по размеру груди Ингрид Му, а удивительные волосы под мышками оказались лишь немного темнее волос у нее на голове. Над пупком красовалось родимое пятно, по форме похожее на штат Флорида, оно накрывало пупок этакой шляпой бордового цвета.

Алиса включила «Джоунси», Ханнеле сжала губы и стала насвистывать. Джек хотел запомнить мелодию, но шум машины ему мешал. Ханнеле сидела на подоконнике, широко расставив ноги. Настоящим леди так сидеть ни в коем случае не полагается, но Ханнеле носила джинсы, а кроме того, она же играет на виолончели, для нее эта поза привычная.

Много лет спустя, когда другая, на этот раз полностью обнаженная женщина играла для Джека на виолончели, он вспомнил о Ханнеле и задумался, не приходилось ли и ей играть вот так, полностью обнаженной, для Уильяма. Джеку снова стало стыдно – оттого, что у них с папой отыскался такой вот общий опыт. Он понял тогда, чем Ханнеле привлекла Уильяма. Она была бравая девушка, без дураков, – она сидела и насвистывала, и даже когда Алиса выводила трафарет у нее на ребрах, ни звуком не показала, что ей больно.

Когда мама включила «Роджерс» и принялась закрашивать сердце на Ханнеле, Джек пересел на кровать к невысокой, полной и симпатичной. Ее звали Ритва, груди у нее были больше, чем у Ханнеле, и Джек все пытался не заснуть – ему хотелось посмотреть, как мама будет ее тагуировать.

Наверное, получалось у него не очень, потому что мама сказала:

– Вот что, Джек, иди-ка почисти зубы и надень пижаму.

Мальчик отправился к раковине чистить зубы. Мама не раз говорила ему, чтобы он не пил воду из-под крана; рядом с раковиной Алиса держала кувшин с питьевой водой, и Джеку полагалось полоскать рот только ею.

Прополоскав рот, он переоделся в пижаму, спрятавшись за открытой дверью шкафа, чтобы Ритва и Ханнеле не увидели его голым, – а потом снова уселся на кровать рядом с Ритвой, которая заранее заботливо откинула одеяло, а когда он лег, заботливо подоткнула его. Слышен был только шум машины и свист Ханнеле, тихий, но бравый.

– Сладких тебе снов, – сказала Ритва и поцеловала его. – Вы разве не так говорите у себя в Англии: «сладких тебе снов»? – спросила она у Алисы.

– Когда как, – ответила Алиса.

Джек отметил, какой грубый у мамы тон, он раньше не слышал, чтобы она так говорила.

Наверное, «сладких снов» ей желал Уильям. Наверное, он говорил эти слова и Алисе, и Ритве, и Ханнеле – Джек так подумал, потому что, когда Ритва произнесла эти слова, Ханнеле на несколько мгновений замолкла, будто боль от уколов в грудь и в кожу над ребрами внезапно стала ей невыносима. Но она же бравая девушка, решил Джек, так что дело тут не в иглах, а именно в «сладких снах».

Ему уже очень сильно хотелось спать, глаза против воли снова и снова норовили закрыться, и он тогда протянул руку и пощупал ее мягкий свитер. Затем он ощутил, как его маленькие пальцы сжимает ее теплая ладонь.

Наверное, тут Джек услышал, как мама сказала:

– Вы, конечно, не знаете, куда он отправился на этот раз.

– Он нам не сказал, – вероятно, ответила Ханнеле, не переставая насвистывать.

– Вы же с Джеком гонитесь за ним, как охотничьи псы, – совершенно четко расслышал Джек слова Ритвы. – Думаю, поэтому он и молчит.

– Ах вот он, значит, как выражается: мы «гонимся за ним, как псы», – сказала Алиса.

– Нет, это не он, это я так говорю, – ответила Ритва.

– Мы с Ритвой все время так говорим, – сказала Ханнеле.

– Но вы согласитесь со мной, что он в ответе за Джека, – сказала им Алиса.

Они и вправду согласились, но этот разговор был из тех хельсинкских бесед, что Джек запомнил плоховато, – еще бы, он почти спал. Один раз он проснулся и увидел, как ему улыбается симпатичная Ритва, по ее лицу он решил, что она воображает себе, будто Джек – не Джек, а его папа. Он видел лицо Ритвы не в последний раз – с тех пор она частенько ему снилась.

К сожалению, ему так и не удалось увидеть полные груди Ритвы, и он так и не узнал, бреет она подмышки или нет. Когда он проснулся опять, рядом с ним на подушке спала Ханнеле, одетая в одну только водолазку, без свитера. Наверное, она заснула, ожидая, пока мама выведет на Ритве вторую половинку разбитого сердца. Тату-машина мерно гудела где-то рядом, но мама сидела так, что ни грудей, ни подмышек Ритвы Джеку было не видно, из-за маминой спины выглядывало только ее лицо, искаженное гримасой боли.

Ханнеле лежала совсем близко, Джек видел ее раскрытые губы, чувствовал ее дыхание – жвачку она давно выбросила, так что пахло от нее не очень, а волосы источали какой-то кисло-сладкий аромат, какой бывает у горячего шоколада, если его оставить надолго на холоде. Джеку хотелось поцеловать ее, и он стал украдкой подбираться к Ханнеле поближе.

– Так, Джек, а ну спи давай, – сказала мама; и как это она догадалась, что он не спит, ведь сидела к нему спиной.

Ханнеле широко открыла глаза, уставилась на Джека.

– Джек, у тебя такие ресницы, что умереть можно! – сказала она. – Вы ведь это так говорите у себя в Англии: «умереть можно»? – спросила Ханнеле у Алисы.

– Когда как, – ответила Алиса.

Ритва издала какой-то звук – наверное, хотела зарыдать, но сдержалась.

Под одеялом длинные пальцы Ханнеле забрались под пижамную куртку Джека и стали щекотать ему животик. Он с тех пор не раз чувствовал, как ее пальцы щекочут ему животик, – во сне, разумеется.

В дверь громко и резко постучали, Джек сразу проснулся. В номере было темно, рядом, не шелохнувшись, храпела мама. Джек узнал ее храп и понял, что у него на поясе лежит ее рука, а не рука Ханнеле.

– Мам, кто-то стучал, – прошептал Джек, но мама его не услышала.

В дверь снова постучали, еще громче.

Бывало, что клиенты в Американском баре, ожидая, пока Алиса вернется, теряли терпение. Пару раз пьяные любители татуировок поднимались к ним на этаж и ломались в дверь. Алиса всегда отсылала их прочь.

Джек сел на кровати и громким, высоким мальчишеским голосом сказал:

– Для татуировки поздно! Лавочка не работает!

– Татуировки мне не нужны! – ответил очень недовольный мужской голос.

Мама вскочила как ужаленная и сильно прижала Джека к груди. Со времен ночи с самым маленьким солдатом Джек еще ни разу не видел ее такой напуганной.

– Что вам нужно? – крикнула Алиса.

– Вам нужны новости про Партитурщика? – ответил неведомый мужчина из-за двери. – Ну так я его татуировал. Я про него все-все знаю.

– Ага, значит, вы Сами Сало? – спросила Алиса.

– Сначала откройте дверь, – сказал Сами, – а потом поговорим.

– Сию же секунду, господин Сало.

Алиса вылезла из кровати, накинула на ночную рубашку халат, разложила по кровати свои «блестки», но только самые лучшие. Полусонный Джек словно отправился в кругосветное путешествие – вокруг него клубились сердца, цветы, корабли под всеми парусами, полуобнаженные девушки в юбках из травы, змеи, якоря, «Моряцкие могилы», иерихонские розы, «Грехопадения», «Ключи к моему сердцу» и «Обнаженные девушки с крыльями бабочек» (специальное изобретение мамы, у нее они вылезали на свет божий из лепестков тюльпанов).

Джек лежал на кровати посреди всего этого великолепия, словно ему снился сон про мир татуировок. Алиса тем временем открыла дверь Сами Сало и пустила его внутрь, в этот самый мир. Как она и предполагала, Сами был «мясник», Алиса сразу поняла это – она словно заранее знала, что мужчина глаз не сможет отвести от ее работ, качество которых он не в силах повторить.

– Значит, уговор у нас будет такой... – начал было Сало, но запнулся.

На Джека он даже не посмотрел – все его внимание сосредоточилось на «блестках».

Сами Сало был пожилой изможденный человек с мрачным, пронзительным взглядом, одетый в синюю моряцкую шапку, натянутую по самые уши, и в морской же синий бушлат. Путь с первого этажа на четвертый он проделал, не снимая одежды, и с него градом катился пот. Он не сказал больше ни слова, а только смотрел на Алисину работу.

Наверное, больше всего ему понравились иерихонская роза и «Ключ к моему сердцу» (ключ, лежащий на груди обнаженной девушки, – а где для него замочная скважина,

догадайтесь сами; это была уникальная обнаженная девушка среди Алисиных «блесток», она единственная стояла к зрителю передом), но он не мог выбрать, какая из татуировок лучше.

Выражение лица у Сами Сало стало такое, что с него можно было писать еще один вариант «Грехопадения».

– Так, значит, какой, вы говорите, у нас будет уговор? – прервала Алиса его раздумья.

Сало снял свою шапку таким жестом, словно собирался отвесить Алисе земной поклон. Затем он расстегнул бушлат, но кланяться не стал. Под бушлатом обнаружился грязно-белого цвета свитер, из-под воротника которого вылезала костяная рука, сжимавшая Сами горло. Мама построила такую гримасу, что Джек решил – хуже такой композиции в искусстве татуировки не может быть просто ничего. Слава богу, остальной скелет остался скрыт под свитером.

Если у Сами и были другие татуировки, Джек и мама их не увидели – да тот и не собирался их показывать.

– Уговор будет такой, – снова начал Сами, – я рассказываю вам про Партитурщика, а вы выметаетесь вон из города. Мне плевать куда.

– Мне жаль, что ваши дела идут неважно, – сказала Алиса.

В ответ Сами просто кивнул. Джеку стало стыдно за несчастного, и он зарылся с головой под подушку.

– Я прошу прощения за свою жену, она грубо говорила с вами в ресторане, – наверное, сказал Сами. – Она несколько отвыкла выходить в ночные смены.

Ага, значит, та невежливая официантка в «Сальве» – его жена, подумал Джек, не вытаскивая головы из-под подушки. Кажется, также подумал наш четырехлетний мальчик, мир взрослых не так уж и плох – если сравнивать его с миром под подушкой. Даже Джек сообразил, что Сало гораздо старше своей жены, она годилась ему в дочери.

После обмена извинениями в повестке дня остался только один вопрос.

– Амстердам, – сказал «мясник». – Я ему вывел чего-то Баха на спине, а он мне сказал, что едет в Амстердам.

– Мы с Джеком покинем Хельсинки незамедлительно, как только купим билеты, – ответила Алиса.

– У вас большой талант, – сказал Сало; судя по голосу, решил Джек, он говорил уже из коридора.

– Спасибо, господин Сало, – ответила Алиса, закрывая дверь.

Неплохо – в Амстердам они и так собирались. Джек места себе не находил – так ему не терпелось увидеть одноногого Тату-Петера.

– Но нам еще надо зайти в церковь Святого Иоанна, Джек, – сказала мама; Джек-то думал, они идут покупать билеты на паром, но не угадал. – Там твой папа играл на органе. Надо нам хотя бы поглядеть на нее.

Они стояли в гавани, ветви деревьев клонились к земле под грузом прошедшего ночью снега.

– *Johanneksen kirkko*, – сказала Алиса таксисту.

Ого, подумал Джек, мама выучила название церкви по-фински!

Церковь оказалась огромной – готическое здание красного кирпича с двумя башнями, шпили как близнецы, сверкают зеленым на зимнем солнце. Скамьи были из в меру светлого дерева – такого цвета у Ханнеле волосы под мышками, подумал Джек. Войдя в церковь, они услышали приветственный звон колоколов, и Алиса сказала сыну, что колокола исполняют первые три ноты генделевского *Te Deum*.

– До-диез, ми, фа-диез, – прошептала мальчику бывшая хористка.

Над круглым алтарем висела большая картина – обращение Павла на пути в Дамаск. Орган на 74 регистра построила фирма «Валькер» из Вюртемберга в 1891 году, в 1916-м его

реставрировали. Джек не очень хорошо понимал, что такое регистры, и не мог сказать, какая разница между органами с большим или меньшим их числом – делается ли от этого звук богаче или громче. Органы и вообще не очень-то интересовали мальчика – на органе играл его отец, а его образ мама старательно демонизировала.

В Хельсинки в тот день стояла великолепная погода, и солнечный свет, падая сквозь витражи, играл на полированных органных трубах, – казалось, орган сам по себе, без органиста, вот-вот взорвется фейерверком божественных звуков. А тут и органист вышел их встречать, – наверное, Алиса с ним заранее договорилась. Звали его Кари Ваара, приятный открытый человек с растрепанными до невозможности волосами, – казалось, секунду назад он высунул голову в окно курьерского поезда. Он все время нервно складывал руки в замок, словно с минуты на минуту собирался сделать некое признание, которое должно навсегда изменить его жизнь, или благоговейно упасть на колени перед чудом, которое только что лицезрел.

– Твой папа – чрезвычайно талантливый музыкант, – сказал Ваара Джеку таким тоном, будто почитал Уильяма превыше всех других органистов. Джек в ответ только молчал – он не привык, чтобы его отца хвалили, а тем более восхищались им. Голос Ваары звучал как самые низкие органные регистры. – Однако же талант нуждается в пище, иначе он иссыкает.

– Мы знаем про Амстердам, – вставила словечко Алиса.

Наверное, она опасалась, что Кари Ваара раскроет случайно какую-то тайну, которую Джеку знать не стоит.

– Дело не просто в Амстердаме, – почти пропел органист; Джек оглянулся на орган, он почти верил, что тот сейчас сам по себе сыграет что-нибудь в тон словам Кари. – Он будет играть в Аудекерк.

Кари Ваара говорил об этом с чрезвычайным почтением, и если от Джека весь величественный подтекст ускользнул, то мама обрадовалась услышанному.

– Я полагаю, тамошний орган какой-то очень особенный, – сказала она.

Кари Ваара сделал глубокий вдох, будто снова собирался высунуть голову в окно курьерского поезда:

– Орган церкви Аудекерк гигантский.

Наверное, Джек закашлялся, потому что Кари снова обратился к нему:

– Я сказал твоему папе, что самый большой не обязательно значит самый лучший, но он еще молодой человек, и в его возрасте требуется во всем убеждаться лично.

– Это верно, он во всем всегда хотел убедиться лично, посмотреть, так сказать, своими глазами, – подпела Алиса.

– Это не всегда плохо, – полувозразил Ваара.

– Это не всегда хорошо, – отрезала Алиса.

Кари Ваара наклонился к Джеку, мальчик унюхал запах мыла, которым тот недавно мыл руки.

– Может быть, у тебя тоже есть талант органиста.

Ваара разжал руки и распахнул объятия, словно хотел обнять изделие фирмы «Валькер».

– Хочешь попробовать поиграть?

– Только через мой труп, – сказала Алиса, беря Джека за руку.

Они направились к выходу, сквозь раскрытые двери было видно, как сверкает на снегу солнце.

– Миссис Бернс! – крикнул им вслед Ваара (Джек подумал – а когда это мама успела сказать ему, что она миссис Бернс?). – Говорят, что тот, кто играет в Аудекерк, играет для двух типов людей – для туристов и для проституток!

– Не надо при Джеке, – бросила Алиса через плечо.

У тротуара их ждало такси – им было пора покупать билеты.

– Я только хотел сказать, что Аудекерк находится в квартале красных фонарей, – извинился Ваара.

Алиса споткнулась и сильно сжала руку Джека.

Сначала они думали переплыть на пароме из Хельсинки в Гамбург, а уже оттуда поездом добраться до Амстердама. Но это был долгий путь, а может, Алиса опасалась, что ей захочется остаться в Гамбурге надолго – так ей хотелось увидеться и поработать с Гербертом Гофманом (и если бы так случилось, кто знает, вернулись ли бы они в Канаду, и Джек никогда не попал бы в школу Святой Хильды со всеми ее прелестями). Алиса столько отправила Герберту открыток, что Джек запомнил адрес – Гамбургерберг, дом 8. И в самом деле, если бы они отплыли в Гамбург, увидели бы маяк Санкт-Паули, Реепербан и «Тетовирштубе», салон Герберта Гофмана на Гамбургерберг, дом 8, – они бы там и остались.

Но они нашли место на грузовом судне, отплывавшем из Хельсинки прямо в Роттердам, – в те дни грузовые суда частенько брали пассажиров, на них имелись лишние каюты. А из Роттердама до Амстердама совсем недалеко на поезде. Джек хорошо запомнил ту поездку – шел дождь, многие поля вокруг дороги затопило. Стояла зима, но снега нигде не было, и казалось, весна никогда не настанет, при такой-то погоде! Алиса сидела, прислонившись лбом к стеклу.

– Мам, стекло же холодное, – сказал Джек.

– А мне приятно, – ответила Алиса, – наверное, у меня жар.

Джек захотел потрогать ей лоб – надо же, вроде совсем не горячий. Мама закрыла глаза и задремала. Сиденье через проход занимал какой-то бизнесмен, он все поглядывал на Алису, тогда Джек уставился на него своим неморгающим взглядом и сидел так, пока тот не отвел глаза. Уже в четыре года он мог у кого угодно выиграть в гляделки.

Джек был весь в возбуждении от мысли, что вот-вот увидит одноногого Тату-Петера, а еще пытался вообразить себе размеры органа в Аудекерк. Но вдруг ему пришлось в голову задать маме совсем другой вопрос.

– Мам, – прошептал он.

Она не услышала, он повторил погромче.

– Что тебе, мой милый маленький актер? – прошептала в ответ Алиса, не открывая глаз.

– А что такое квартал красных фонарей?

Алиса открыла глаза и стала смотреть в окно, где бушевал дождь; казалось, она смотрит в никуда, ничего не видя. Потом она закрыла глаза, и, пока Джек ждал ответа на свой вопрос, бизнесмен через проход украдкой еще несколько раз глянул на Алису.

– Вот это-то нам с тобой и предстоит разузнать, – не открывая глаз, сказала мама.

Глава 6. Священный шум Господень

После Амстердама Алиса была уже не та. То небольшое, что оставалось у нее от уверенности в себе и в собственной ценности как личности, оказалось полностью уничтожено. Джек, несомненно, заметил, что его мать стала другой, – правда, не понял почему.

На улице Зеедейк, самой северной улице квартала красных фонарей, находился тату-салон под названием «Де роде драак», то есть «Красный дракон», держал его Тео Радемакер по прозвищу Тату-Тео. В чем-то это было издевательское прозвище, поскольку в Амстердаме со слова «Тату» начиналось еще одно прозвище – Тату-Петера, настоящего мастера своего дела.

Второсортная слава Радемакера не удержала Уильяма Бернса от того, чтобы сделать у него свою первую амстердамскую татуировку: Тату-Тео вывел полумесяцем Уильяму на копчике небольшой фрагмент из Самуэля Шайдта «Мы все верим в единого Бога», туда же Тео поместил и оригинальный немецкий текст «Wir glauben all' an einen Gott», да так, что буквы перекрывали ноты.

Потом Уильям сходил и к Тату-Петеру, который сообщил ему, что работы Тату-Тео не превосходят любительского уровня, и изобразил на Партитуршике фрагмент из Баха, «О Иисус, радость моя» («Jesu, meine Freude»). Петер не сказал где – поклялся только, что у него-то буквы на ноты не наезжают.

На самом деле его звали Петер де Хаан, и многие согласятся, что он был самый знаменитый тату-художник своего времени. Утраченная нога Петера стала для Джека источником настоящих танталовых мук, они терзали его все детство – мама наотрез отказалась поведать ему, как Петер ее лишился. Алису же впечатлило другое – Петер делал татуировки самому Герберту Гофману и слыл его лучшим другом.

Салон Петера располагался в подвале дома по улице Синт-Олофсстеег, получалось, Уильям дважды татуировался в Амстердаме, и оба раза – в квартале красных фонарей. Тату-Петер сказал, что музыке – во всех смыслах слова – суждено оставить на жизни Уильяма неизгладимый след, а вот сам Уильям превратился в неизгладимый след на жизни Алисы.

В подвале у Петера было очень тепло; работая, художник часто снимал рубашку. Алисе он сказал, что это производит впечатление на клиентов и вселяет в них уверенность – они понимают, что попали в надежные руки. Джек понял эти слова так: клиент видит, какие восхитительные татуировки у самого Тату-Петера, и от этого чувствует себя спокойно.

– Ах вот как, – сказала Алиса, – ну в таком случае я лучше рубашку снимать не буду.

Понятно, какой вывод сделал из этих слов Джек: ну конечно, у мамы-то на теле никаких татуировок ее собственной работы нет и, значит, клиент подумает, будто она не умеет их делать.

Петер де Хаан был бледнокожий и склонный к полноте жгучий брюнет, всегда чисто выбритый и приветливый. Обычно он носил черные брюки и сидел, направив здоровую ногу к входной двери салона, так что культя оказывалась скрыта за спинкой скамьи. Джек ни разу не видел, чтобы Петер стоял.

Интересно, как он ходит, на костылях или с двумя палочками, а может, пристегивает деревянную ногу, как самый настоящий пират? Или ездит на инвалидном кресле? Джек так никогда этого и не узнал – при нем Петер вообще не передвигался.

Однажды Джеку расскажут, что подмастерьем у Петера работал его собственный сын, но в те дни, кроме мамы, Джек видел у Петера только одного подручного, пугающего вида человека по имени Якоб Бриль. Может, Якоб настолько перепугал Джека, что мальчик просто забыл про сына хозяина.

Якоб Бриль держал в Роттердаме собственный салон, а на выходные закрывал его и отправлялся в столицу трудиться на Петера, с полудня до полуночи каждую субботу, – и к нему всегда выстраивалась очередь постоянных клиентов, все как на подбор глубоко верующие христиане.

Якоб Бриль был небольшого роста, тощий, почти ходячий скелет, и татуировки делал только религиозные, больше всего любил Вознесение. На его костлявой спине Христос вознесился на небеса – по версии Якоба, место мрачное и наглухо закрытое грозowymi облаками, – окруженный сонмом ангелов с невыразимой красоты крыльями.

Если его просили татуировать грудь, Якоб предлагал «Страсти Христовы», чаще всего в виде истекающей кровью головы Спасителя, увенчанной терновым венцом. Иногда он выводил Спасителя целиком, и в таком случае у того кровоточили также руки, ноги и бока; по словам Якоба, в крови-то все и дело, без нее никак нельзя. У самого себя на груди, помимо окровавленной головы, Якоб вывел еще и текст «Отче наш». На руках у него имелись Дева Мария, Христос-младенец и целых две Марии Магдалины – одна с нимбом, другая без. А на живот Якоб поместил ту самую картину, что так напугала Джека в Осло, – Лазаря, выходящего из гроба. Алиса любила повторять, что оттого-то у Якоба и несварение желудка.

Сторонний наблюдатель, увидев на руках у Бриля двух Марий Магдалин, подумал бы так: видимо, этот человек хорошо умеет всем прощать их грехи, а особенно сестрам Марии по профессии, которые маячили в окнах и в дверях по всему кварталу красных фонарей. И ошибся бы. Бриль всегда ясно давал понять, как отрицательно он относится к проституткам. Сойдя с поезда на Центральном вокзале, Якоб мог бы попасть к Петеру на Олофстеег, не встретив по дороге ни единой проститутки, тем более что самый короткий путь туда и в самом деле пролегал в стороне от квартала. Но Бриль упрямо останавливался в отеле «Краснапольски» на площади Дам (в те дни считавшемся весьма фешенебельным, по крайней мере для людей его достатка). И всякий раз, покидая отель или возвращаясь туда, Бриль упрямо проходил сквозь красный квартал, и не просто сквозь квартал, а по всем его улицам до единой, и только после этого попадал в салон к Петеру.

Шагал он очень быстро и моральные приговоры выносил немедленно. Квартал пересекали два канала, Бриль проходил по обеим набережным каждого и заходил во все переулки. В самых узких местах, где стоящих в окнах и дверях женщин можно было коснуться, не замедляя шага, Якоб маршировал особенно быстро. Все женщины, едва завидев его, прятались (Джек думал, это потому, что от Якоба сквозняк, так быстро он двигался). Однажды мама и Джек пошли вслед за Брилем, когда тот покинул отель, но сразу же отстали, как ни старались его догнать, – Джеку и вовсе пришлось бежать за ним вприпрыжку.

Для Алисы и Джека «Краснапольски» был не просто фешенебельным, а фешенебельным за всякими пределами разумного; и все-таки им пришлось жить там, так как в другом месте подешевле, в отеле под названием «Де рооде лееув», то есть «Красный лев», что на улице Дамрак, с ними произошел неприятный инцидент. Прямо напротив этого отеля находился большой магазин, где Джек однажды потерялся, мама искала его целых десять минут.

В бильярдной «Красного льва» Джек обнаружил живую крысу, она пряталась за стойкой для киев. Это было очень интересно – Джек научился с помощью кия выгонять крысу из-за стойки.

В «Красном льве» останавливались обычно коммивояжеры. Один такой оставил в номере Джека и мамы большой запас марихуаны, как раз в комод, – Джек ее и нашел, когда полез туда за носками. У Джека с собой был подарок – вертеп, купленный мамой еще в Копенгагене, и мальчик не нашел ничего лучшего, как заменить солому вертепа на найденные им листья. И вот Христос-младенец теперь возлежал на подушке из каннабиса, а Мария, Иосиф, пастухи,

волхвы и прочие стояли по колени в траве – в таком виде их и застала Алиса, точнее говоря, нашла по запаху.

Тут она и сказала, что «Красный лев» им не подходит (Джек, правда, не видел, чтобы мама выбросила траву), и они переехали в «Краснапольски». Жить в отеле, который им не по карману, Джеку было не привыкать – другое дело, как выяснилось, жить в одном отеле с Якобом Брилем. Крыса за стойкой для киев была куда дружелюбнее.

Алиса и Джек лишь один раз попробовали проследовать за Брилем через квартал. Бриль не просто несся быстрее всех – он к тому же совершенно не хотел, чтобы мама и мальчик составляли ему компанию. Обычно, идя от отеля к салону Петера через красный квартал, Алиса и Джек играли в игру – каждый раз выбирали новый маршрут и таким образом перезнакомились со всеми-всеми проститутками. Почти все были рады их видеть, вскоре большинство запомнили, как Джека зовут, а к маме стали обращаться «Дочурка Алиса».

Те немногие женщины, что не собирались с ними дружить, не стеснялись выражать свое отношение открыто. Обычно это были пожилые дамы – на взгляд Джека, иные годились в матери его собственной маме, – но некоторые молодые тоже смотрели на них косо.

Одна такая из молодых, да ранних набралась как-то раз смелости заговорить с Алисой:

– Здешние улицы – не место для ребенка.

– Ну, мне тоже надо как-то на хлеб зарабатывать, – ответила Алиса.

В те дни основное население квартала красных фонарей составляли голландки, многие из них – родом не из Амстердама. Если амстердамка решала выйти на панель, то обычно уезжала, скажем, в Гаагу, а женщины, допустим, из Гааги или других городов, напротив, отправлялись в Амстердам – таким способом удавалось избежать огласки.

Как раз в это время в Голландию начали приезжать уроженцы Суринама. С начала семидесятых на улицах столицы стало гораздо больше темнокожих женщин. До суринамок цвет кожи у гостей из колоний был светлее – в основном это были индонезийки.

Одна довольно темнокожая женщина как-то подарила Джеку подарок. Его удивило, что, хотя он видел ее впервые, она тем не менее обратилась к нему по имени.

Она стояла в окне, не в самом квартале красных фонарей, а на Корсьеспоортстеег или на Бергстраат, где Алиса и Джек справлялись о папе. Джек сначала решил, что суринамка – не женщина, а манекен, так неподвижно она стояла, – но та вдруг возьми и выйди из окна прямо на улицу и подари ему шоколадку цвета своей кожи.

– Я специально для тебя ее купила, Джек, – сказала она.

Мальчик был так ошарашен, что ничего не ответил, а мама пожурила его за это – тем, кто дарит тебе подарки, надо говорить «спасибо».

В рабочие дни, когда Джек с мамой шли утром через квартал к Петеру, на улицах встречалось совсем немного женщин, а вот по выходным они появлялись пораньше. Разумеется, главное время – вечер, после семи в квартале было не протолкнуться, и часто даже знакомые проститутки не здоровались с Джеком и Алисой – так они бывали заняты работой.

Еще до прихода весны большинство женщин покидали витрины и стояли в дверях – чтобы можно было поговорить друг с другом. Все они носили туфли на высоком каблуке и мини-юбки, а также блузки или свитеры с глубоким вырезом – какая-никакая, а все-таки одежда. Все относились к Джеку с симпатией (к его маме не все), и эта симпатия позволила Алисе обмануть сына, когда ей потребовалось объяснить ему, чем все эти милые дамы занимаются.

В те дни к проституткам ходили только мужчины, по крайней мере, Джек замечал только мужчин. Еще он заметил, что когда те отправлялись в красный квартал, то шли медленно, едва волоча ноги, по многу раз проходя мимо окон и дверей одной и той же девушки, не в силах

выбрать, к кому пойти, и вид у них был самый что ни на есть жалкий и несчастный; когда же они квартал покидали, то всегда очень торопились.

Алиса объяснила эту загадку вот как. Видите ли, все эти мужчины с рождения очень несчастны и сил сделать выбор у них маловато. А еще они плохо понимают, как общаться с женщинами. Поэтому, сказала Джеку мама, они и ходят к проституткам – потому что проститутки – это такие женщины, которые дают мужчинам разные полезные советы на предмет общения с женщинами вообще, а часто помогают им понять какую-то одну женщину, чаще всего жену. И стыд на лицах этих мужчин Джек видит потому, что ведь на самом деле они понимают, что должны вести эти важные беседы со своими подругами или женами, но просто вот они такие слабые, что не могут говорить о важном без чужой помощи, или боятся, или не хотят. У таких мужчин, говорила мама Джеку, «блок». Женщины для них – тайна за семью печатями, и поэтому они способны изливать душу только незнакомым женщинам за определенную плату.

Джек не сразу понял, кто кому платит, – маме пришлось ему объяснить, что платят мужчины. Ведь это же такая ужасная работа – сидеть и слушать, как эти несчастные рассказывают тебе о своих многочисленных бедах. Джек хорошо видел, что мама относится к проституткам с жалостью, и поэтому решил, что тоже должен их жалеть; мужчин, напротив, мама презирала, ну и Джек заодно.

И все-таки их презрение, даже вместе взятое, не шло ни в какое сравнение с презрением Якоба Бриля. Бриль глубоко, яростно презирал и проститутку, и их клиентов. Более того, он глубоко и яростно презирал и Алису с Джеком – потому, объяснила Алиса сыну, что она мать-одиночка, а Джек незаконнорожденный.

Еще Бриль презирал Алису за то, что она татуировщица; он говорил, что приличной женщине не пристало прикасаться к полуобнаженным мужчинам. Бриль, со своей стороны, никогда не татуировал женщин – разве только если те просили вывести рисунок на руке или икре. Все, что на ноге выше икры, «слишком высоко», говорил Бриль, а все остальное вообще «слишком интимно».

Если женщина приходила к Тату-Петеру за религиозной татуировкой там, где «слишком высоко» или «интимно», ее отсылали к Дочурке Алисе – но Бриль находил и здесь повод для возмущения. Как она смеет делать религиозные татуировки! Алиса, говорил Бриль, недостаточно религиозна для того, чтобы делать эту работу «искренне».

Алиса умела делать маленькие симпатичные кресты, усыпанные розами, – такие юные девушки любили выводить у себя между грудей, словно бы крест был не татуировкой, а просто длинным ожерельем на невидимой цепочке. Алиса выводила и Христа на кресте, размером с целую лопатку, – впрочем, крови у нее было далеко не так много, как у Бриля, равно как и страданий на лице Спасителя. Была в ее репертуаре и голова в терновом венце, обычно она помещала ее на плече или бедре, – на что ей, разумеется, пенял все тот же Бриль, находивший выражение лица Спасителя «слишком восторженным».

– Ну и что, может, Спаситель на моих татуировках уже вступает в рай, – отвечала Алиса.

Услышав это, Якоб Бриль замахнулся на Алису так, словно был намерен отвесить ей пощечину.

– Бриль, ты не у себя дома, – одернул его Тату-Петер.

– Не надо при Джеке, – как всегда, сказала Алиса.

Бриль смерил их таким ядовитым взглядом, каким обычно одаривал одних лишь проститутку.

За все время, что Алиса и Джек провели у Тату-Петера, они ни разу не видели, как Бриль покидает салон в субботнюю полночь, в самое жаркое время для квартала, – когда в поисках клиентов на работу выходили все и вся. Джек позднее задумывался, а сколько времени уходило

у Бриля, чтобы добраться до «Краснапольски», ведь ему надо было пройти через весь квартал, мимо каждой женщины, мимо каждого окна, мимо каждой витрины.

Интересно, он замедлял шаг хотя бы иногда? Попадались ли женщины, при виде которых он застывал как вкопанный? Адское пламя угасало в глазах Бриля, когда он засыпал, или же во сне геенна огненная полыхала в них еще ярче?

Алиса не очень любила сидеть в салоне, когда там бывал Бриль, и поэтому по субботам Петер частенько предлагал ей отправиться на Зеедейк – мол, пусть научит неумеху Радемакера хоть чему-нибудь.

– Бедняга Тату-Тео, – говорил в такие дни Петер, – думаю, сегодня ему стоит взять выходной – а лучше урок у Дочурки Алисы.

Оплеванный всеми Тату-Тео вовсе не принадлежал к разряду «мясников», ему просто не повезло – он работал в одном квартале не с кем-нибудь, а с самим Тату-Петером, татуировщиком от бога. Способности к искусству у него были, не то что у Сами Сало или Тронда Хальворсена, – ему не хватало другого, говорила Алиса, тонкости вкуса. А еще Алисе был по душе его подмастерье, Робби де Вит. Все вокруг знали, что и сам Робби без ума от Алисы.

Итак, как только выдавалась возможность, Алиса и Джек бросали Якоба Бриля (тот совершенно не собирался по ним скучать и радовался, когда они уходили) и отправлялись в «Красный дракон» сменить обстановку. Туда, особенно по субботам, заходили толпы туристов, а иногда к Тео отсылал клиентов и сам Петер – их порой оказывалось больше, чем они с Брилем могли обслужить, а жадностью Петер не отличался. Правда, он строго-настрого наказывал обращаться только к Дочурке Алисе.

Радемакер, наверное, был ему за это благодарен, хотя, скорее всего, переживал всякий раз, когда очередной клиент просил провести его к Дочурке Алисе. Тео тепло относился к Алисе, и она платила ему взаимностью. Снова Джек и мама зажили словно по расписанию – их первые недели в Амстердаме напоминали счастливые деньки в Копенгагене с Татуоле и Бабником Мадсенем.

Как и Ларс, Робби де Вит пытался завоевать Алису, заботясь о Джеке. Алисе Робби нравился, но дальше дело не шло. Она тоже любила Боба Дилана, они вместе подпевали его записям, которые все время крутились в «Красном драконе», перекрывая шум тату-машин. Дилана любил и сам Радемакер, он всегда называл его настоящим именем, по-немецки, но, как потом выяснил Джек, с ошибкой.

– Ну что, давайте снова слушать Дер Циммермана, – любил сказать Тату-Петер и подмигнуть Джеку, в обязанности которого входило менять пластинки (а по-немецки надо было говорить не «дер», а «ден», в винительном падеже).

Джеку нравились бакенбарды Робби, они чем-то походили на неудачную эспаньолку Ларса. Фигурки в Джековом вертепе – да-да, и сам младенец Иисус – до сих пор пахли травой, так что мальчик узнал характерный запах, исходивший от Роббиных самокруток, но сколько раз мама затягивалась ими, он не считал. Сыну она сказала, что это помогает ей попадать в тон, подпевая Бобу.

Однажды много лет назад Радемакер устроился ловить рыбу на траулере у берегов Аляски, и какой-то «эскимос-татуировщик» вывел ему на груди тюленя, а на спине – медведя, из тех, что водятся на острове Кадьяк.

В целом Джек и мама были очень довольны жизнью, – по крайней мере, так казалось мальчику.

Мама послала миссис Уикстид очередную открытку. В те дни Джек не знал, что та посылает им деньги, – между тем они могли позволить себе жить в отелях типа «Краснапольски» исключительно благодаря ее помощи, более того, это была отчасти ее идея. Она же была, в конце концов, из старинных подруг, и очень хорошая подруга, без дураков (а может, она

думала, что жизнь в хорошем отеле – это для Алисы еще один обязательный шаг на пути к блестящему будущему, сродни избавлению от шотландского акцента).

На открытке был изображен какой-то амстердамский канал, но проститутки в окнах выходящих на него домов видно не было. Алиса написала на другой стороне: «Джек просит передать Лотти сердечный привет»; больше Джек ничего не запомнил, только то, что рядом с именем «Лотти» нарисовал улыбку, но после этого там осталось слишком мало места и он не смог написать свое полное имя, только заглавную букву «Д» и маленькую «ж».

– Лотти обязательно поймет, кто это подписался, – успокоила сына мама.

И открытка с Джековой улыбкой улетела в Торонто.

Ну и как на фоне этого говорить о необыкновенных способностях маленького мальчика запоминать последовательность событий, о том, что он якобы ни в чем тут не уступает девятилетним? Что стало с Джековым вниманием к мелким деталям и восприятием линейного времени, которые в его четыре года были якобы на уровне одиннадцатилетних детей?

Куда-то все эти его способности подевались в Амстердаме, где, как представлялось Джеку потом, они с мамой прожили не менее двух месяцев, прежде чем впервые переступили порог Аудекерк и услышали звук ее гигантского органа. В реальности, конечно, Алиса бы и недели не вытерпела, не сходяв туда.

Аудекерк, то есть Старая церковь, располагается в самом центре квартала красных фонарей; освятил ее, как считается, епископ Утрехтский в 1306 году, и это самое старое здание в Амстердаме. Она пережила два грандиозных пожара – один в 1241 году, другой в 1452-м, в 1566 году пострадала от иконоборцев, а в 1578-м, когда Амстердам официально стал протестантским, лишилась всех своих римско-католических украшений. Кафедра датируется 1643 годом, хор – 1681-м. На кладбище Аудекерк покоится жена Рембрандта, там же находится мемориал нидерландских героев-мореплавателей XVII века.

Орган в самом деле гигантский, а кроме того, еще и очень старый – его построил Кристиан Фатер из Гамбурга в 1726 году. Фатер потратил два года на сооружение огромного и необыкновенно красивого инструмента на сорок шесть регистров, и тут выяснилось, что едва ты включаешь один из них, как орган сию же секунду расстраивается. В результате орган целых одиннадцать лет играл расстроенный. Наконец некоему Мюллеру доверили исправить неполадки, для чего тот решил демонтировать орган целиком, а затем собрать снова. На это ушло еще пять лет.

Но и после стараний Мюллера орган пребывает в расстроенном виде большую часть времени – его заново настраивают перед каждым концертом, а виной тому нестабильная температура в Аудекерк: старую церковь невозможно как следует отапливать.

В день, когда Джек с мамой пришли в Аудекерк и Алиса уселась за мануал рядом с «младшим органистом», юношей с круглыми щеками, на которых еще не выросла борода, в церкви и в самом деле было холодно. Юноша, вероятно, был вундеркинд, Алиса так ему и сказала и добавила, что «старший органист», Якоб Фендербос, все ей рассказал о его талантах, но не смог принять ее лично и поэтому послал к нему. Фендербос играл на органе еще в одной амстердамской церкви, Весткерк, а также в церквях в Харлеме и Делфте.

Юного гения звали Франс Донкер, и он жутко боялся Алисы – наверное, как боялся бы любой мальчик его возраста. Как и Андреас Брейвик, он не смел глядеть ей в глаза, пока они разговаривали. Насколько Джек сумел понять, Кари Ваара ошибся, когда сказал, что Уильяма наняли играть на органе Аудекерк, – оказывается, его наняли настраивать орган. Это была тяжелая работа, и в качестве компенсации Уильяму разрешалось заниматься на нем. Орган-то ведь и в самом деле особенный, сказал Джеку и маме Франс Донкер, «он великолепен, но играть на нем ой как непросто», и Уильяму удавалось не только настроить его лучше всех своих предшественников, но и собирать значительную аудиторию в те часы, когда он упражнялся.

Про эти его занятия знал весь город – и слава у них была как хорошая, так и дурная. В этой точке разговора Джека отвлек запах пудры, и он потерял нить.

– Я чрезвычайно уважаю Уильяма – я имею в виду, как органиста, – сказал юный Донкер.

– Я-то думала, что он у вас только настройщик, – удивилась Алиса.

Франс Донкер сделал вид, что не расслышал. Приняв торжественный вид, он объяснил, что в Аудекерк постоянно что-то происходит, с утра до ночи. Здесь не только служат Господу, здесь не только проходят репетиции хоров, но также устраивают различные культурные мероприятия, открытые для широкой публики, обычно по вечерам или ближе к ночи, и это не только концерты, но также и лекции, чтение стихов и далее в этом роде. Поэтому днем настраивать орган никак невозможно, церковь все время занята.

– Так когда же он настраивал орган? – еще больше удивилась Алиса.

– Ну... – Юный Донкер замялся. Кажется, он сказал: – Уильям садился за орган уже за полночь. Обычно он начинал упражняться не раньше двух или трех часов ночи.

– Значит, он играл в пустой церкви? – уточнила Алиса.

– Ну...

Франс Донкер снова замялся. Джеку стало до смерти скучно, он думал о чем-то совсем другом, но ему показалось, что органист продолжил так:

– Аудекерк – очень большая церковь, она отлично реверберирует. Время реверберации – целых пять секунд. – Тут вундеркинд глянул на Джека и уточнил: – Это время, через которое ты слышишь эхо от сыгранной ноты.

– Угу, – сказал мальчик, ему хотелось спать.

Но юного Донкера было не остановить.

– Любимые баховские сонаты твоего отца писались с расчетом на очень большое пространство. Пространство делает музыку больше...

– Так, забыли, что там пространство делает с музыкой. Ты что, хочешь сказать, что он играл в пустой церкви?

– Ну...

Дальнейшее было непросто понять даже Алисе, не говоря уже о ее четырехлетнем сыне. Если время реверберации внутри Аудекерк равнялось пяти секундам, то сколько требовалось времени, чтобы эхо от баховской драматической музыки – например, от токкаты ре минор – достигло ушей проституток в комнатах на площади Аудекерксплейн, подковой огибавшей церковь? Шесть, семь секунд? Или же шлюхи, как и порядочные люди, слышали ноты ровно через пять секунд?

Разумеется, за стенами церкви орган звучит куда тише, но в два-три часа ночи, когда шум в квартале затихал, холодный зимний воздух разносил звуки органа куда дальше, чем Аудекерксплейн. Те женщины, что работали на самой узкой, самой мерзкой улице Тромпеттерстеег, преотлично слышали, как Уильям Бернс играет своего любимого Генделя или своего любимого Баха. Даже на другой стороне канала, на дальнем конце Аудезейдс-Фоорбургвал, проститутки, что стояли на улице, могли слышать Уильяма без малейших проблем.

– В такое время большинство старых проституток собираются домой, их рабочая ночь закончена, – выдавил из себя, дрожа, Франс Донкер, словно опасаясь, как бы часть его рассказа не затронула темы, о которых Алиса говорила «не надо при Джеке».

Донкер-то не знал, что Джек думает, будто проститутки просто-напросто неумолимые советчицы для стеснительных мужчин и просвещают сих несчастных на предмет тайн женской души.

В те времена в квартале работало много пожилых проституток, иным было за пятьдесят, и большинство – как раз в комнатах на первых этажах домов вокруг Аудекерк. Наверное, их музыка трогала глубже, чем юных коллег, хотя Донкер и признал, что иные молодые проститутки тоже делались на ночь или две почитательницами Баха и Генделя.

– То есть ты хочешь сказать, что проститутки приходили его слушать? – спросила Алиса. Франс нервно заерзал на скамье у мануала, сдвинулся сначала к левому краю, потом к правому. Ага, вот снова этот странный запах пудры, подумал Джек.

Еще много лет спустя запах пудры будет напоминать Джеку о проститутках, он будет видеть, словно наяву, этих усталых женщин, как они снимают грим и вешают рабочую одежду в шкафы. Когда они шли домой, на них не было никаких шпилек, никаких мини-юбок – да и на работу они приходили без них. По улицам они ходили в джинсах или широких брюках, туфли и ботинки носили частенько вовсе без каблуков, на голове – шерстяные шапки, а в качестве верхней одежды – теплые пальто. Они совсем не походили на проститутку, только вот ведь какая штука – какие еще женщины в два-три часа ночи ходят по улицам в одиночестве?

Так что же за тайна такая крылась в органной музыке, что сии труженицы задерживались в квартале на час, а то и на два? Франс Донкер сказал, что по ночам в церкви всегда сидела дюжина-другая женщин и многие оставались, пока Уильям не заканчивал играть, то есть порой до четырех-пяти утра; к этому времени в Аудекерк стояла ледяная стужа.

Итак, Уильям Бернс нашел свою аудиторию – он играл для проституток!

– Они были ему очень благодарны, – продолжил вундеркинд таким безапелляционным тоном, каким говорят только вундеркинды и сумасшедшие. – Я иногда и сам вставал в это время, чтобы послушать его. И каждый раз заставал в церкви все больше женщин. Он великолепен, Уильяма ночью разбуди – он помнит всего Баха и Генделя наизусть.

– Я же сказала, к черту музыку, рассказывай, что у вас тут происходило, – оборвала его Алиса.

– Кажется, одна из слушательниц пригласила его к себе в гости, правду сказать, таких было несколько.

Но то ли этого на самом деле не было, то ли дело было отнюдь не только в этом, мы точно никогда не узнаем, ведь тут Джека опять отвлек запах пудры.

Администрация Аудекерк, кажется, решила, что такое положение вещей не очень-то ее устраивает – и то, что Уильям играет для проституток, и то, что он с ними поддерживает близкие отношения. Все-таки Аудекерк – церковь. Кажется, его уволили или что-то в этом роде. И тогда проститутки – по крайней мере, старые – подняли шум. Было что-то вроде общественного протеста, но в Амстердаме это обычное дело, демонстрации чуть не каждый день, Алиса и Джек видели из «Краснапольски» не одну такую процессию. Это же были годы хиппи, Алиса то и дело татуировала то пацифики⁸, то этот дурацкий лозунг «Make love not war»⁹ – разумеется, в области гениталий, как у девушек, так и у юношей. Несколько демонстраций было против Вьетнамской войны.

Наверное, проститутки из квартала красных фонарей встали на сторону Уильяма, он был для них своим.

– Они видели в нем художника, подвергающегося гонениям, – сказал Франс Донкер. – Многие из них, знаете ли, полагают, что они и сами такие.

Услышав вопрос, а где Уильям нынче, юный гений посмотрел не на Алису, а на Джека и сказал:

– Это не ко мне, спросите у проститутки. Я бы начал с тех, что постарше.

Мама знала, к кому ей обратиться, и все это были пожилые проститутки, те самые, что не скрывали своего недружелюбного отношения к Алисе.

– Спасибо, вы уделите нам много времени, – сказала Алиса юному органисту, встала со скамьи и протянула руку Джеку.

⁸ *Пацифик*, или так называемый *Крест мира*, – символ, придуманный совсем недавно, в 1958 г., Джеральдом Холтомом для создававшегося Движения за ядерное разоружение.

⁹ «Творите любовь, а не войну» (*англ.*).

– Разве вы не хотите, чтобы я сыграл для вас что-нибудь? – спросил Франс Донкер.

Мама уже тянула Джека к узкой лестнице. Мануал находился на маленькой антресоли в задней части Аудекерк, невидимый для прихожан, а величественные трубы органа возвышались над ними на шесть с лишним метров.

– Если хотите, сыграйте нам что-нибудь из репертуара Уильяма, – ответила Алиса, явно показывая, что слушать не намерена.

Ступив на лестницу, Джек обернулся и увидел, как Франс Донкер посыпает скамью пудрой. Ага, значит, все-таки я и правда учуял пудру! Брюки у юного гения сзади были все в пудре, благодаря ей ему было удобнее скользить по скамье туда-сюда – достать с одного конца скамьи до противоположного края трехрядного мануала невозможно, нужно подвинуться.

Над клавиатурой была деревянная доска, из которой торчали медные набалдашники – некоторые, впрочем, давно отвалились или были вывинчены. Кроме нее, органист видел только маленькую часть витражей. Все вокруг Донкера было старое и изношенное, но едва он заиграл, как стало ясно – все это не имеет ни малейшего значения.

Алиса не успела выбежать из Аудекерк вовремя. Громкий, глубокий звук, выверенная гармония, идеальный контрапункт, гулкое эхо баховской токкаты и фуги ре минор – все это окатило маму и Джека, еще когда они спускались по винтовой деревянной лестнице, мальчик хорошо запомнил деревянный поручень с одной стороны и вощенный канат цвета жженой карамели с другой – толстенный, с руку взрослого мужчины.

Они едва не скатились вниз по лестнице, словно бы величественный звук опьянил их. Алиса очень хотела покинуть церковь побыстрее, но повернула не в ту сторону, и они оказались в центральном проходе лицом к алтарю. Оглушительная музыка окружила их со всех сторон.

Там, где обычно сидели прихожане, в этот час оказалась удивленная толпа туристов. Кажется, Бах оборвал их гида на полуслове – тот все так и стоял, разинув рот, казалось, оттуда-то и идет звук. Что бы он там ни говорил, придется ему теперь подождать, пока токката и фуга не закончатся.

Снаружи, на Аудекерксплейн, освещенные закатным светом, стояли проститутки и тоже прекрасно слышали музыку. Было ясно – то, что играет Донкер, им хорошо знакомо, они, конечно, не раз слышали токкату и фугу ре минор Баха в ранние утренние часы. По выражению их лиц Джек и мама явственно поняли, что проститутки предпочитают Франсу Донкеру Уильяма.

Джек с мамой побежали прочь. Сейчас не время расспрашивать пожилых недружелюбных женщин – нет, им тоже придется подождать, пока музыка закончится. Гулкий звук органа преследовал их до самой Вармустрат, священный шум Господень не оставил их и после полицейского участка. Когда музыка совсем стихла, оказалось, что они прошли полпути до Синт-Олофстеег.

Так правда ли органная карьера Уильяма клонится к закату? Правда ли, что он всего лишь настраивает органы и только упражняется, а не выступает с концертами или же играет только в какое-то ну совсем неурочное время для малообразованной аудитории? Или же сама возможность слушать гигантский орган Аудекерк – уже дар, доступный лишь избранным?

Звук этот был и грандиозный, и священный. Он подчинял своей воле даже проституток, которые не привыкли ничего делать задаром, заставлял их отдаваться себе полностью, без остатка, целиком обратиться в слух – и слушать.

Глава 7. Еще один пункт, не значащийся в маршруте

Девятого ноября 1939 года Лит пережил первый налет люфтваффе. Порт не пострадал, но в переполненном бомбоубежище у матери Алисы случился выкидыш. Алиса всегда говорила: – Вот в тот-то день я и должна была появиться на свет.

Если бы она появилась на свет именно в тот день, то, глядишь, ее мама не умерла бы при родах и Алиса, возможно, никогда не встретила бы Уильяма Бернса – или же, встретив его, оказалась бы ему ровесницей.

– А в этом случае, – утверждала Алиса, – его чары не произвели бы на меня никакого впечатления!

Впрочем, Джек даже в детстве почему-то в это не верил.

Мальчик не запомнил, как звали суринамскую проститутку, что подарила ему шоколадку то ли на Корсьеспортстеег, то ли на Бергстраат, зато он помнил, где находились эти две улицы – между каналами Сингель и Херенграхт, то есть на некотором отдалении от квартала красных фонарей, примерно в четверти часа ходьбы, в более жилой и менее злочной части города.

Почему Алиса отправилась расспрашивать про Уильяма в этот район? Наверное, потому, что ей посоветовали – то ли Блондинка Нель, то ли Черная Лола – поговорить с Велосипедистом, он же дядюшка Геррит. Черная Лола, из пожилых, вообще-то, была белая, просто волосы красила в чернильно-черный цвет, а дядюшка Геррит был ворчливый старичок, который ездил за покупками для проституток на велосипеде. Он таскал с собой блокнот, и там проститутки писали, чего хотят на обед или просто так, закусить. Он очень не любил, когда списки делались слишком длинными, а прокладки и презервативы покупать отказывался вообще. Джек решил, что наряду с Велосипедистом в квартале есть, наверное, еще и Прокладочник с Презервативщиком, но ни он, ни мама ни разу этих персонажей не встретили.

Женщины постоянно дразнили дядюшку Геррита. Если какая-то девушка чересчур сильно донимала его, он отказывался делать для нее покупки в наказание за острый язычок – но обычно всего на пару-другую дней. В квартале жила одна проститутка по имени Саския, тощая как стиральная доска. Когда у нее кончались сэндвичи, она обычно просила о помощи Алису и Джека – есть она хотела постоянно, а дядюшка Геррит за что-то ее просто терпеть не мог. Почти каждый раз, что Джек и мама проходили мимо, Саския давала им деньги на круассан с сыром и ветчиной, который они приносили ей на пути назад. Правда, если у Саскии был клиент, вручить сэндвич не удавалось, и его приходилось съедать.

Саския была очень популярная проститутка, так что круассаны с сыром и ветчиной доставались Джеку с большой регулярностью. Кроме того, Алиса с удовольствием покупала для Саскии бутерброды и из собственного кармана. У работниц квартала обычно очень интересные истории, а Алиса обожала слушать истории – правда, только женские. Женщины, у которых в жизни случались несчастья, каким-то образом узнавали, что Алиса подходящий для них слушатель – возможно, потому, что у нее самой в жизни случилось несчастье.

История Саскии была о двух мужчинах. Первый мужчина, сделавший ей больно, был клиент, он поджег ее прямо в номере, где она работала, на Блудстраат, пытался плеснуть ей в лицо жидкость для растопки каминов, но Саския закрылась рукой. Она получила серьезные ожоги, но лицо осталось нетронутым, обгорела только рука от запястья до локтя. Когда рана зажила, Саския стала носить на руке браслеты – она даже придумала такой способ привлекать клиентов: становилась в дверях своей комнаты на Блудстраат, вытягивала руку на улицу и звенела браслетами. Мимо такого никак нельзя было пройти, и клиенты текли рекой.

Хорошенькой ее назвать было нельзя, слишком худая, а еще она никогда не открывала рот, улыбаясь очередному клиенту, – такие ужасные у нее были зубы.

– Хорошо, что клиенты не ждут от проституток поцелуев, – объяснила Саския Джеку, – ведь меня никто не захочет целовать.

И тут она улыбнулась мальчику своей щербатой улыбкой; выяснилось вдобавок, что из имеющихся зубов половина сломанные.

– Не думаю, что об этом надо говорить при Джеке, – намекнула Алиса.

Было в Саскии, однако, что-то необыкновенно привлекательное, дикое – на одной руке арсенал звенящих браслетов, другая обнажена до плеча. Может быть, мужчины думали, что эта женщина легко теряет контроль над собой, а может быть, их притягивала аура раненого существа, раненного скорее даже духовно, чем физически, – они видели внутреннюю боль в блеске ее глаз.

Второй мужчина в истории Саскии избил ее за то, что она отказалась снять с правой руки браслеты. Он знал о ее ожоге и хотел на него посмотреть. Услышав об этом, четырехлетний Джек решил, что это был мужчина, который особенно остро нуждался в добром совете.

Саския подняла такой вой, что ей на помощь прибежали четыре ее соседки по Блудстраат и еще три девицы с угла Аудезейдс-Фоорбургвал. Они вытащили мужчину, нуждавшегося в добром совете острее других, на улицу и принялись избивать его вешалками и вантузами, а потом одна из помощниц сбегала в туалет за цепочкой, на каких висят затычки для ванн, и тоже пустила ее в ход. Когда приехала полиция, несчастный, чья нужда в добром совете явно не была удовлетворена, был весь в крови, без сознания и в бреду.

– А, так вот почему у тебя такие зубы, – догадался Джек.

– Верно, – ответила Саския. – Кстати, я показываю свой ожог только тем, кто мне нравится. Хочешь, покажу тебе и маме?

– Еще бы, – ответил мальчик.

– Только если ты не думаешь, что мы специально тебя подначиваем, – добавила Алиса.

– Нет, ни в коем случае, – ответила Саския.

Она провела их к себе в маленькую комнату, закрыла дверь и опустила шторы, словно Джек и мама были ее клиенты. Джек удивился, как мало в комнате мебели – одна-единственная кровать и ночной столик и всего одна лампа с красным абажуром. Еще в углу стоял платяной шкаф без дверей, набитый в основном нижним бельем; среди белья лежал массивный хлыст, каким в цирке пользуются дрессировщики тигров.

Еще в комнате обнаружилась раковина и белый эмалированный столик, больше подходящий для больницы или для приемной врача. На нем лежала целая гора полотенец, кровать была застелена явно одним из них, – наверное, подумал Джек, это если мужчина, пришедший за советом, промок. Сесть в комнате можно было только на кровать, разве советы удобно давать на кровати, подумал Джек, но Саския явно не находила тут ничего необычного – уселась сама и пригласила Джека и маму присоединиться к ней.

Она сняла один за другим все браслеты, отдала их Джеку, и в тусклом красном свете единственной лампы они увидели сморщенную, словно до сих пор кровотокающую кожу на руке Саскии; больше всего она походила на вареную куриную шею.

– Не бойся, Джек, потрогай, – сказала Саския.

Джек против воли повиновался.

– А тебе все еще больно? – спросил он.

– Нет, что ты, все давно прошло, – ответила Саския.

– А зубы у тебя болят? – спросил Джек.

– Те, что выбиты, – нисколечко, – ответила Саския и попросила Джека надеть ей браслеты обратно, один за другим.

Джек все аккуратно исполнил в нужном порядке, начал с браслетов побольше, закончил самым маленьким.

Ну как можно отказать такой тощей, голодной девушке в просьбе принести ей бутерброд? Джек теперь презирал дядюшку Геррита, который отказывался покупать для Саскии еду, – нет, решительно не за что на нее так обижаться. Но у капризного старика на побегушках имелись свои резоны. Он частенько оставлял свой велосипед у Аудекерк среди ночи, садился на скамью и слушал возвышающую душу музыку. Он был большой почитатель талантов Уильяма Бернса, а Саския, видимо, нет.

– Вам надо с Фемке поговорить, – сказал Алисе Велосипедист. – Ведь это я посоветовал Уильяму пойти к ней! Фемке знает, как сделать лучше для мальчика!

Джек не понял из этого ни единого слова, но заметил, что Велосипедист за что-то очень зол на маму. Они с мамой стояли на Стоофстеег, а Велосипедист удалялся от них. Он повернул за угол и укатил по улице мимо «Каза росс», где показывали порнографию и устраивали «живые секс-шоу» – правда, Джек не знал, что значат эти слова. Наверное, решил он, это тоже такой способ давать советы.

На другом конце Стоофстеег жила проститутка по имени Элс. Джек решил, что она мамина ровесница, ну, если только чуть постарше. Она всегда была с ними дружна. Она выросла на ферме и говорила Джеку с мамой, что ждет не дождется, когда в квартале появятся ее папа или братья, то-то они удивятся, увидев ее в витрине. Но приглашать к себе она их не станет, нет. Наверное, подумал Джек, собственному папе и братьям советы давать не полагается.

– Кто такая эта Фемке? – спросил Джек у мамы.

– Я тебе все про Фемке расскажу, – сказала Элс.

– Может, не надо при Джеке? – попросила Алиса.

– Заходите, я расскажу про нее все так, что уши Джека не пострадают, – сказала Элс.

В итоге Джек услышал два рассказа о Фемке, один от мамы, другой от Элс, и в обоих ну ничегошеньки не понял и только еще больше запутался.

Элс постоянно носила светлый платиновый парик, Джек никогда не видел, какого цвета ее настоящие волосы. Она частенько обнимала его за плечи и прижимала его лицо себе к бедру, в такие моменты Джек чувствовал, какая она сильная, – еще бы, ведь она выросла на ферме. Грудь у Элс была как у заправской оперной певицы, и ее декольте как нельзя лучше подходило для театра; когда она шла по улице, грудь выступала перед ней, словно бушприт у корабля. Если такая женщина хочет рассказать тебе историю, поневоле слушаешь внимательно.

Но и тут Джек нашел возможность отвлечься, едва переступил порог комнаты Элс, – он очень удивился, ведь она оказалась почти такой же, как комната Саскии. Снова было некуда сесть, кроме как на кровать, застеленную таким же полотенцем. Алисе не стоило даже беспокоиться за уши сына – Элс могла говорить все, что захочет, так как Джек был совершенно зачарован комнатой проститутки и ее гигантскими грудями. Джек ничего не понял из слов Элс о Фемке, но решил, что эта Фемке относительно недавно вступила в команду давательниц советов. Странно, правда, что она одновременно оказалась очень состоятельной бывшей женой одного амстердамского адвоката. Наверное, они когда-то вместе держали адвокатскую контору, решил Джек, потому что мама и Элс сыпали словами «семейное право». Дальше все стало еще интереснее: Фемке узнала, что ее муж частенько навевается в квартал красных фонарей к проституткам подороже, на Корсьеспортег и Бергстраат. Фемке была ему верной женой, но тем не менее вписала свое имя в историю нидерландских разводов, и отнюдь не только размером требуемых с мужа алиментов.

Она купила себе шикарные апартаменты на Бергстраат, на углу с каналом Херенграхт; это было необычное жилище для проститутки – с окном в подвале и дверью, к которой вели несколько ступенек. И дверь, и окно располагались ниже тротуара, так что проститутку видели и прохожие, и даже те, кто проезжал мимо на автомобиле.

Интересно, в чем тут было дело? Неужели Фемке так сильно разозлилась на мужа, что купила комнату специально для занятий проституцией (или чтобы сдавать ее какой-то другой проститутке), словно хотела извлечь прибыль из того, что разрушило ее брак? Или у нее было на уме что-то еще более злое? Новость, что Фемке собственной персоной появляется в витрине и дверях купленной ею комнаты, а также что среди ее клиентов числятся коллеги по бизнесу бывшего мужа, и не просто коллеги, а друзья их семьи, стала настоящим шоком для всех, кроме, видимо, самой Фемке: она-то знала, что мужчины, за вычетом бывшего мужа, понимают, как она хороша.

Товарки, соседки по Корсьеспортеег и Бергстраат, отзывались о Фемке по-разному. О ее победе над бывшим мужем говорил весь город, и за это ее чрезвычайно уважали, как и за то, что она поднялась на борьбу за права проституток, и все-таки труженицы квартала красных фонарей, и Элс среди них, не считали ее настоящей проституткой.

Начать с того, что в деньгах Фемке не нуждалась, по какой причине могла позволить себе быть «разборчивой проституткой», чем и пользовалась без малейшего стеснения. Она очень многим отказывала, а о подобной роскоши дамы из квартала красных фонарей – да что там, даже дамы с Корсьеспортеег и Бергстраат – и мечтать не могли. Более того, Фемке обязательно унижала клиентов, которым отказывала. А что, если мужчина, обратившийся к ней, пошел к проституткам в первый раз? Ведь он того и гляди решит, мол, все проститутки такие! Но мало этого, кое-кто из соседок Фемке по Бергстраат жаловался, что она вредит их бизнесу и более непосредственно. Она, конечно, была самой популярной проституткой на Бергстраат, и поэтому те, кому она давала от ворот поворот, стыдились искать другую на той же улице (никому не хотелось смотреть в глаза женщине, видевшей, как тебя отвергла Фемке) – и отправлялись прочь!

Но нашлись у нее и союзницы, особенно среди пожилых проституток. Когда Фемке узнала про ночные музыкальные собрания в Аудекерк, то отправилась туда сама и нашла там себе лучших подруг. Джек решил, что и хористки, и проститутки просто переносили свою любовь к музыке на того, кто ее играл, в данном случае на органиста, и что это естественно для таких женщин, и, в конце концов, так ли он был не прав?

Человек, который судил о характере Фемке по тому, как она отомстила мужу, ожидал бы, что она, попав под обаяние Уильяма Бернса, постаралась бы получить на него, так сказать, эксклюзивные права. Но все было не так – Фемке обожала и его музыку, и его общество. Освободившись от мужа, она открыла новый вид любви – чувство родства с женщинами, которые отдавали себя за деньги, а иногда и бесплатно, для избранных. Если правда, что Уильяма приглашала к себе не одна, а много меломанок, то сколько из них давали ему советы за так?

Много позднее Джек стал задумываться, а не были ли эти дамы из квартала красных фонарей самым великим завоеванием его отца, самой большой его победой. Или же дамы, обычно дающие мужчинам советы за деньги, бесплатно дают меньше советов?

Для четырехлетнего мальчика все это оказалось очень сложно и запутанно. Но, с другой стороны, надо быть четырехлетним мальчиком, чтобы поверить во всю эту белиберду.

Путано ли, не путано ли, но именно так рассказала Элс историю Фемке – точнее, именно в таком виде она сохранилась в памяти Джека после того, как над ней (как, впрочем, и над всем остальным) поработали, сильно ее преобразив, время и Алиса. Как бы то ни было, когда мама и Джек направились в гости к Фемке на Бергстраат, она уже их ждала.

Фемке не следовало принятой у проституток манере одеваться. Ее платье больше пошло бы хозяйке дома на важном дипломатическом приеме. Ее полная грудь изящно выдавалась вперед, ее волосы и золотистая кожа были безупречны, бедра мощны и округлы. Как ни крути, она была решительно сногшибательная женщина, ни одна из тех, кого Джек видел в витринах и дверях квартала красных фонарей, не могла с ней сравниться; от нее исходило такое тоталь-

ное презрение ко всему на свете, что, какое бы невероятное число отвергнутых ею мужчин тебе ни называли, ты верил, ведь невозможно даже вообразить, что такая согласится принять хотя бы одного.

Какое же, наверное, чудовищное презрение она должна была испытывать к Алисе, которая полмира обегала в поисках одного-единственного мужчины, который бросил ее столько лет назад! А уж как она презирала детей! Масштаб ее презрения к малышам показался Джеку чем-то сверхчеловеческим. Впрочем, мальчик мог ошибиться, решив, что Фемке невзлюбила его маму; возможно, он решил, что Фемке не понравился он сам. Едва войдя к ней в комнату, Джек сразу захотел оттуда сбежать – в сравнении с комнатами двух других проституток комната Фемке не уступала в великолепии ей самой, а к тому же была роскошно обставлена.

Ни на кровать, ни на полотенца не было и намека. Напротив, имелся большой кожаный диван и даже письменный стол, а еще в углу у окна стояло очень удобное на вид кожаное кресло с подлокотниками, а рядом с ним – книжный шкаф и торшер. Наверное, Фемке любила сидеть у окна и читать, не обращая внимания на потенциальных клиентов там, на улице; видимо, чтобы привлечь ее внимание, мужчинам приходилось спускаться вниз по ступенькам и стучать в дверь или в окно. Интересно, что она делала, услышав стук? Недовольно поднимала голову, раздраженная тем, что ее отрывают от книги?

На стенах висели картины – в основном пейзажи, один из них с пасущейся коровой, – на полу лежал восточный ковер, судя по всему очень дорогой, под стать самой Фемке. Да что там – встреча с Фемке стала для Джека первым знакомством с могуществом больших денег и со слепой наглостью и заносчивостью, каковые влечет за собой обладание ими.

- Что это вас так долго задержало? – поинтересовалась Фемке у Алисы.
- Давай пойдем, а? – спросил Джек у мамы и потянулся к ней, но мама отстранилась.
- Я знаю, что вы с ним на связи, – сказала мама проститутке.
- С ним на связи, – повторила Фемке, повела бедрами и облизала губы.

Ее жесты сочились самодовольством, в своей самоуверенности она выглядела как женщина, отлично выпавшаяся и сладостно потягивающаяся в кровати утром. Одежда, казалось, радуется, принимая ее в себя, словно горячая ванна. В какой бы позе она ни пребывала, ее тело выглядело этаким издевкой; даже во сне она была похожа на кошку, которая только и ждет, что ее погладят.

Кто это сказал Джеку, что Фемке предпочитала девственников? Она охотилась за юношами. Полиция требовала у Фемке, чтобы та проверяла у них возраст по удостоверению личности. Джек никогда не забывал ее, точнее, он не забыл, какой страх испытал в ее присутствии.

Девственники, объяснила Алиса Джеку, это неопытные молодые люди – им еще ни одна женщина не давала совета. В тот день в комнате у Фемке на Бергстраат Джек впервые ощутил, что ему нужен совет на предмет женщин, но он был так напуган, что не посмел его попросить.

– Если вы на связи с ним, может, сообразовоите передать ему весточку? – продолжила Алиса.

- Вы что, думаете, я такая добрая и мягкосердечная? – спросила Фемке.
- Давай пойдем отсюда, – опять попросил Джек, но мама снова отказалась брать его за руку.

Джек выглянул в окно, увидел, как мимо проезжает машина. Потенциальных клиентов не видать.

Алиса тем временем что-то говорила, кажется, она была чем-то раздосадована.

- Отец должен хотя бы знать, как выглядит его сын!
- Уильям отлично знает, как выглядит его сын, – ответила Фемке таким тоном, словно имела в виду: «Уильям достаточно на него насмотрелся, больше ему не требуется».

Когда узнаешь про своего отца такое, в тебе обычно что-то меняется. Во всяком случае, жизнь Джека эта фраза изменила навсегда. С того самого дня он стал воображать, как папа незаметно подкрадывается поближе, чтобы украдкой на него поглядеть.

Интересно, Уильям видел, как под Джеком ломается лед и он падает в Кастельгравен? Интересно, стал бы Партитурщик спасать Джека, если бы не подросел самый маленький солдат? Интересно, приходил Уильям в стокгольмский «Гранд-отель» смотреть, как Джек завтракает? Интересно, папа видел, как Джек уписывает за обе щеки завтрак в «Бристоле» в Осло, видел его, словно подвешенного в воздухе, в кабине лифта над Американским баром в отеле «Торни» в Хельсинки?

И сейчас тоже, в Амстердаме, по субботам, когда Джек сидел у окна или стоял в дверях в «Красном драконе» на Зедейк, просто разглядывая прохожих на запруженной улице, всех этих бесконечных мужчин, бродящих туда-сюда по кварталу красных фонарей, – в такие вот субботы, интересно, папа не проходил мимо него в толпе? Если Уильям, по словам Фемке, отлично знал, как он, Джек, выглядит, то сколько раз Джеку уже доводилось видеть папу, хотя он сам об этом и не подозревал?

Но позвольте, разве мог Джек не узнать Уильяма Бернса? Конечно, тот не стал бы снимать посреди улицы рубашку и показывать Джеку свои татуировки, тут бы мальчик его точно узнал, но все же – разве мог сын не узнать своего отца, у них же столько общего? Взять хотя бы ресницы, кое-какие женщины говорили об этом Джеку прямо в лицо.

С того самого дня у Фемке Джек стал повсюду искать Уильяма Бернса. В некотором смысле он начал искать его именно с той минуты – но какие же слабые были у него основания думать, что этим стоит заниматься! Ведь про отца он услышал от женщины, которую считал проституткой, которая, вне всякого сомнения, отличалась жестокостью и которой ничего не стоило ему солгать.

– Она лжет, Джек, – тут же опровергла слова Фемке Алиса.

– Это ты лжешь, лжешь сама себе, – ответила та. – Ты говоришь себе, что Уильям все еще тебя любит; так вот, это ложь. Более того, ты думаешь, что он любил тебя тогда, в Эдинбурге, но это же просто смешно!

– Я точно знаю: когда-то он меня любил, – сказала Алиса.

– Если Уильям когда-то тебя любил, разве смог бы он вынести эту картину – ты в роли проститутки? – сказала Фемке. – Если он тебя любил, он бы умер в тот самый миг, как только увидел бы тебя в витрине. Разве не так? Еще бы, конечно! Только тут одно условие – если он тебя любил, если ты ему небезразлична.

– Разумеется, я ему небезразлична! – вскричала Алиса.

Вообразите: вам четыре года и ваша мама орет на какую-то незнакомку, а та – на вашу маму. Подумайте: смогли бы вы расслышать, понять, о чем они на самом деле спорят? Вот представьте – вы изо всех сил пытаетесь понять, что было сказано (крикнуто) в последней реплике, но это же сложно, и поэтому вы просто не успеваете услышать следующую, а тем временем и та, что идет за ней, влетает вам в левое ухо и вылетает в правое. Разве не так четырехлетний ребенок слышит, точнее, не слышит, о чем спорят взрослые?

– Только представь себе: вот ты Уильям и ты видишь тебя в витрине, слышишь, как ты поешь этот твой гимн или молитву, ты знаешь, о чем я, – говорила Фемке. – Как там это: «Приди ко мне, дыхание Господне» – так, что ли? – Фемке знала и мелодию и тут же напела ее. – Это шотландский гимн.

– Англиканский, если точнее, – поправила Алиса. – Это он тебя научил?

– Он научил ему всех шлюх из Аудекерк. Он играл на органе, а они пели. Я уверена, он и тебе его играл, а ты пела.

– Мне незачем доказывать, что Уильям любил меня, – тебе-то мне уж точно ни к чему это доказывать, – сказала Алиса.

– Мне? Да при чем здесь я? – удивилась Фемке. – Себе – вот кому ты должна это доказать! Ведь Уильям не сможет это так снести, правда же, если вдруг ты выйдешь на панель и снимешь клиента, а потом еще одного и еще парочку. Не сможет, конечно, – но при одном условии: что ты ему небезразлична.

– Не надо при Джеке, – сказала Алиса.

– Ну так найди Джеку няню, – посоветовала Фемке. – У тебя же есть подружки в квартале красных фонарей.

– Спасибо, что приняла нас, – сказала Алиса и только тогда взяла Джека за руку.

Они прошли вниз по Бергстраат и вошли в квартал красных фонарей, попав на площадь Аудекерксплейн. Стоял ранний вечер, только начало темнеть. Орган Аудекерк безмолвствовал, но во всех витринах и дверях стояли женщины, словно знали, что к ним идут Алиса и Джек. Там была одна из пожилых, по имени Аня, она то дружила с Джеком и мамой, то нет. Наверное, в тот вечер она решила с ними поссориться, потому что как раз напевала мелодию «Приди ко мне, дыхание Господне». Была в этом какая-то жестокость.

Там ведь и мелодии толком нет, это просто молитва, только ее поют, а не читают, слова тут важнее музыки. Это была очень простая вещь, и Джек считал, что она прекрасна, как все простые вещи; а еще это была любимая мелодия мамы.

Затем они прошли мимо Маргрит, из молодых, она всегда обращалась к нему «Джеки», но на этот раз ничего не сказала. Затем они увидели Аннелис, Гадкую Нанду, Катю, Злючку Анук, Миссис Мис и Рыжую Роос; все как одна напевали «Приди ко мне, дыхание Господне»; Алиса не обращала на них внимания. Слова знала одна только Старуха Иоланда.

– Приди ко мне, дыхание Господне, – пела она.

– Ты ведь не сделаешь этого? – спросил Джек маму и затем солгал: – Мне наплевать, увижу я его когда-нибудь или нет.

– Это я хочу его увидеть, Джек, – кажется, сказала в ответ Алиса. А может быть, она сказала и так: – Это он хочет тебя увидеть, Джеки.

Алиса пересказала идею Фемке Тату-Петеру, одноногий стал ее отговаривать. На правом бицепсе у Петера жил Дятел Вуди, и Джеку казалось, что даже дятел не хочет, чтобы мама пела гимн из витрины, где стоят проститутки.

Много лет спустя Джек спросил маму, а что стало с фотографией, где он, Джек, снялся рядом с Петеровым Дятлом Вуди.

– Фотография не вышла, – только и сказала в ответ мама.

Покинув Дятла Вуди, Джек и мама пошли в «Красный дракон», там Робби де Вит скрутил Алисе пару самокруток, она убрала их в сумочку. Наверное, это Робби снимал их с Тату-Тео. Джек потом решил про себя: «Наверное, эта фотография тоже не вышла».

Они купили круассан с сыром и ветчиной для Саскии, но у нее был клиент, так что круассан достался Джеку, и он жевал его, пока они шли на угол Стоофстеег. Там мама нашла Элс и завела с ней беседу, Джек то слушал их, то думал о чем-то еще.

– На твоём месте я бы не стала, – сказала Элс, – но, если что, моя комната в твоём распоряжении, а я тем временем пригляжу за Джеком.

Из двери комнаты Элс не было видно ни витрины, ни двери Саскии на Блудстраат, так что им пришлось перейти на другую сторону канала, чтобы понять, ушел уже от нее клиент или нет. Клиент все еще был там. Когда они вернулись к Элс, к ней тоже пришел клиент, поэтому Джек и мама пошли обратно на Блудстраат и завели разговор с Яннеке, соседкой Саскии.

– Дался тебе этот гимн, или как его там, молитва, – сказала Яннеке.

Алиса только покачала головой. Они втроем стояли на улице, ждали, когда от Саскии уйдет клиент, это произошло несколько минут спустя.

– Вы только посмотрите на него, – сказала Яннеке. – Не мужик, а вылитый шелудивый пес с поджатым хвостом!

– Верно, лучше и не скажешь, – поддакнула Алиса.

Потом Саския раздернула занавески и увидела маму с Джеком. Она помахала им, улыбнулась до ушей, как никогда не улыбалась своим клиентам. Саския тоже сказала Алисе, что комната в ее распоряжении и что они с Элс отлично позаботятся о Джеке. Вдвоем верней.

– Большое вам спасибо, я так вам благодарна, – сказала Алиса Саскии. – Если тебе вдруг захочется сделать татуировку...

Алиса почему-то замолчала, а Саския почему-то не смела заглянуть ей в глаза.

– Знаешь, бывают вещи и похуже, – произнесла Саския в пространство.

Алиса снова покачала головой.

– Знаешь что, Джек, – сказала вдруг Саския, ей очень хотелось сменить тему, – кажется, я знаю одного маленького мальчика, который только что съел чужой круассан с сыром и ветчиной! Кажется, этому парнишке очень везет!

В Амстердаме всем проституткам полагалось регистрироваться в полиции. Там их фотографировали и заводили на них карточки, куда записывали все-все сведения об их личной жизни; наверное, большинство этих сведений были никому не интересны. Иные, впрочем, были весьма важны – например, имеется у проститутки друг или нет; чаще всего, если проститутку вдруг убивали или избивали, оказывалось, что это сделал ее друг, а вовсе не клиент. В те дни среди проституток не было несовершеннолетних, и полиция считала тружениц квартала своими лучшими подругами; полиция знала все или почти все, что там делалось.

Одним прекрасным, почти весенним утром Джек и Алиса отправились в полицейский участок на Вармустрат вместе с Элс и Саскией. С Алисой говорил приятного вида полицейский по имени Нико Аудеянс. Это Саския его вызвала – потому что именно он первым прибыл на Блудстрат оба раза, когда с ней случались неприятности. Джек был несколько разочарован, ведь Нико вышел к ним одетым в гражданское, а не в полицейскую форму; но важно было не настроение Джека, а то, что Нико был всеобщим любимцем в квартале красных фонарей, и не просто хорошим знакомым для проституток, но полицейским, которому они доверяли, как никакому другому. Ему было или чуть меньше тридцати, или совсем чуть-чуть за тридцать.

На вопрос, есть ли у Алисы друг, она ответила «нет», но Нико засомневался в ее искренности.

– Вот как, значит, нет. А для кого же ты тогда поешь, Алиса? – спросил он.

– Это мой бывший друг, – сказала Алиса, сделав ударение на «бывший», и положила руку Джеку на шею. – Он Джеков папа.

– С нашей точки зрения, он подпадает под понятие «друг», – вежливо, но твердо сказал ей полицейский.

Кажется, в этот миг Элс сказала примерно так:

– Нико, это же всего на один вечер, максимум одну ночь.

Кажется, Алиса добавила:

– И я вовсе не собираюсь принимать клиентов, я просто буду сидеть в витрине или стоять в дверях и петь.

– Алиса, если ты станешь всем отказывать, кое-кто может и рассердиться, – заметил Нико.

Тут, наверное, вступила Саския:

– Кто-то из нас будет поблизости, или я, или Элс. Если Алиса будет в моей комнате, я буду следить за ней, если она будет у Элс, то Элс.

– Хорошо, а где будешь ты, Джек? – спросил Нико.

– Он будет или со мной, или с Элс! – недовольно ответила Саския.

Нико Аудеянс покачал головой:

– Мне все это очень не нравится, Алиса, такая работа не для тебя.

- Как это так, я же пела в хоре, – ответила Алиса.
- Квартал не место, чтобы петь молитвы, – возразил полицейский.
- Ну тогда, может, ты заглянешь разок-другой, – предложила Саския. – На всякий случай, если вдруг вокруг Алисы соберется толпа.
- Она, вне всякого сомнения, соберется, я готов спорить, – усмехнулся Нико.
- Ну и что? – сказала Элс. – Вокруг новых девчонок всегда собирается толпа.
- Штука в том, что толпа потом расходится – но только если новая девчонка берет клиента и уводит его за занавеску, – возразил Нико Аудеянс.
- Я же сказала, клиентов брать не буду, – наверное, ответила тут Алиса.
- А знаешь, иногда легче согласиться, чем сказать «нет», – вставила Саския. – Взять хоть девственников – с ними обычно очень весело.
- А еще они не отнимают у тебя много времени, – улыбнулась Элс.
- Не надо при Джеке.
- Только запомни, Алиса: твоим девственникам должно быть нужное количество лет, – нахмурил брови Нико Аудеянс.
- Спасибо вам большое, – сказала Алиса напоследок. – Если вы вдруг захотите сделать себе татуировку...

Она оборвала себя; наверное, решила, что предложение сделать бесплатную татуировку полицейский сочтет за взятку. А он был отличный парень, этот Нико Аудеянс, – голубоглазый, на левой щеке небольшой шрам в виде перевернутой буквы «Г».

Выйдя из участка, Алиса поблагодарила Элс и Саскию за помощь – без них она ни за что бы не получила в полиции разрешения стать на один вечер проституткой.

– Я просто решила, что нам будет проще уговорить Нико дать тебе разрешение, чем отговорить тебя от этой затеи, – объяснила Саския.

– Саския в своем репертуаре, она всегда выбирает путь наименьшего сопротивления, – сказала Элс.

Все три женщины громко рассмеялись. Они шли по улице на голландский манер, шеренгой, взяв друг друга под руки, Алиса посередине, а Элс вела Джека.

Улица Вармустрат служила одной из границ квартала красных фонарей. Джек с мамой шли домой, в отель «Краснапольски». Элс и Саския намеревались помочь Алисе выбрать нужную одежду – она хотела выходить на панель только в своем. Саския говорила, что Алисины юбки не годятся для Блудстраат, да и все ее блузки с неправильным вырезом, слишком закрытые, а надо такую, как у Элс, она же знает, как привлекать нуждающихся в совете на улице Стоофстеег.

Часам к одиннадцати утра они оказались на углу улицы Синт-Анненстраат. На посту стояла всего одна проститутка, но она узнала их издали, помахала им рукой, они помахали в ответ. Пока они смотрели на Синт-Анненстраат, выяснилось, что по Вармустрат им навстречу шагает не кто иной, как Якоб Бриль; времени скрыться от него у них не было, да и ему было некуда деться – девушки все так же шли стеной, уцепившись друг за друга. Он что-то громко крикнул им по-нидерландски – то ли выругался, то ли проклял их на веки вечные. Саския что-то рявкнула ему в ответ. Бриль понял, кто перед ним, хотя на Саскии с Элс не было «спецодежды», – роттердамский татуировщик знал всех тружениц квартала в лицо.

Женщинам пришлось опустить руки и расступиться, чтобы дать Брилю пройти; наверное, в тот день его впервые заставили остановиться посреди квартала красных фонарей. Разумеется, он узнал и Алису, она стояла между Элс и Саскией, прямо у него на дороге. Мальчика Бриль не видел, точнее, смотрел сквозь него, казалось, Джек для Бриля – человек-невидимка.

– Знай, у Господа тебе уготована такая же судьба, как тем, с кем ты водишь дружбу! – провозгласил Якоб Бриль, обращаясь к Алисе.

– Я обожаю всех, с кем вожу дружбу, – ответила Алиса.

– И почему тебе знать, какая у Господа для кого уготована судьба! – сказала Элс Брилю.
– Никто не знает, что там себе думает Господь, – добавила Саския.
– Он видит все, даже мельчайшие грехи! – возопил Бриль. – Он помнит каждое прелюбодеяние!

– Подумаешь, великое дело! Это все мужчины помнят, и с большой точностью, – открыла ему глаза Элс.

Саския пожала плечами:

– Наверное, а вот я почему-то забываю.

Якоб Бриль заторопился прочь от них вниз по Синт-Анненстраат, с видом кошки, гонящейся за мышью, они же глядели ему вслед. Одинокая проститутка пропала – должно быть, заметила, что Якоб направляется к ней.

– Вот и причина, по которой мне надо бы убраться с улицы до полуночи, – сказала Алиса. – Я вообразить боюсь, что будет, если Якоб увидит, как я сижу в витрине и пою гимны.

Она громко рассмеялась тем самым резким смехом, который, как хорошо знал Джек, всегда переходит у мамы в рыдания.

– Есть и другие причины убраться с улицы до полуночи, посерьезнее Якоба Бриля, – сказал кто-то, то ли Элс, то ли Саския.

Они вышли на площадь Дам.

– Что такое прелюбодеяние? – спросил Джек, когда они подошли к отелю.

– Это такое слово, означает то же самое, что «давать совет», – ответила Алиса.

– Но очень хороший совет, – сказала Саския.

– Уж во всяком случае, остро необходимый, – добавила Элс.

– А что такое грех? – спросил Джек.

– Что угодно, – ответила Алиса.

– Бывают хорошие грехи и плохие грехи, – сказала Джеку Элс.

– Не может быть! – сделала круглые глаза Саския, удивившись не меньше Джека.

– Ну, я хочу сказать, бывают хорошие советы, а бывают и плохие, – объяснила Элс.

Джек пришел к выводу, что грех – более сложная штука, чем прелюбодеяние.

Войдя в номер, Алиса сказала сыну:

– Главное в грехе – это вот что, Джек, – одни люди думают, что эта штука очень важная, а другие думают, что ее и вовсе не существует.

– А ты как думаешь? – спросил мальчик.

Кажется, в этот миг Алиса споткнулась, хотя вроде бы было не обо что: она просто вдруг ни с того ни с сего начала падать; хорошо, Элс ее поймала.

– Чертовы шпильки, – сказала Алиса, только вот ведь какая штука: туфли на ней были без шпилек.

– Послушай-ка меня, Джек, – перехватила инициативу Саския. – Нам тут нужно кое-что сделать, подобрать твоей маме правильную одежду, это очень важно. Поэтому будь добр, не отвлекай нас – грех слишком сложная штука, чтобы обсуждать его, выбирая одежду.

– Но мы обязательно поговорим про это потом, – успокоила мальчика Элс.

– Да-да, только без меня. Дождитесь, пока я начну петь, – сказала Алиса, но Элс уже тащила ее к шкафу.

Саския тем временем рылась в Алисином комод, вынула оттуда лифчик – для Саскии ну невозможно велик, а для Элс явно мал. Саския сказала что-то по-нидерландски, Элс рассмеялась.

– Моя одежда вас разочарует, – сказала Алиса проституткам.

Насколько помнил Джек, после этого мама перемерила буквально весь свой гардероб. При Джеке Алиса всегда следила за тем, чтобы быть прилично одетой, – он никогда не видел маму ни голой, ни полуобнаженной, и в те полтора часа в «Краснапольски» он впервые увидел

маму, на которой были только трусики и лифчик, и то она обхватывала себя руками, прикрывая грудь и живот. Правду сказать, Джек больше смотрел на Саскию и Элс, чем на маму, они все время прыгали вокруг Алисы, одевая и раздевая ее и не замолкая ни на минуту. За чем другим, а уж за советом эти две дамы в карман не лезли.

Наконец нашли нужное платье, Джеку показалось, что оно чересчур простое, хотя очень красивое, точь-в-точь как его мама – простая и очень красивая, особенно если сравнивать с тем, как одевались женщины в квартале красных фонарей. Платье было черное, без рукавов и почти без выреза, не очень обтягивающее, но точно по фигуре.

У Алисы не было настоящих шпилек, но она нашла у себя туфли на среднем каблуке (она-то сама считала, что для нее это высокий каблук), а еще надела жемчужное ожерелье. Оно принадлежало ее маме, папа подарил его Алисе, когда она отправилась из старой Шотландии в Новую. Алиса считала, что жемчуг искусственно выращенный, но наверняка не знала, впрочем, это было и не важно – так много ожерелье для нее значило.

– Я не замерзну в платье без рукавов? – спросила Алиса Элс и Саскию; те тут же нашли в шкафу черный шерстяной кардиган.

– Он мне мал, я не могу его застегнуть, – пожаловалась Алиса.

– И не надо, – сказала Элс, – просто надень, если рукам станет холодно.

– Да-да, распахни его как следует, а руки опусти, – поддакнула Саския и показала Алисе, как это надо делать. – Если женщина выглядит будто немного замерзла, мужчинам она кажется сексуальнее.

– Я не хочу выглядеть сексуально, – ответила Алиса.

– А что значит «сексуально»? – спросил Джек.

– Когда женщина выглядит сексуально, мужчины сразу понимают, что она может дать им очень хороший совет, – объяснила Элс.

Проститутки трудились над Алисиной прической, а нужно было еще решить насчет помады и косметики.

– Не хочу ни помады, ни косметики, – сказала Алиса, но они и слушать не хотели.

– Поверь мне, без помады никак нельзя, – сказала Элс.

– Да-да, и потемнее, – сказала Саския. – И еще тени для глаз.

– Я ненавижу тени для глаз! – едва не заплакала Алиса.

– Ты же не хочешь, чтобы Уильям заглянул тебе в глаза и узнал тебя? – спросила Элс. – Это если предположить, конечно, что он вообще появится.

Эта мысль успокоила Алису, и она позволила накрасить себя.

Джек просто следил за тем, как меняется мама. Черты ее лица стали резче, словно высечены из камня, выражение губ – бесстрашнее, но самым странным была тьма вокруг глаз; казалось, у нее умер кто-то из близких и теперь она единственная, кто стоит между Джеком и смертью. Плюс ко всему мама стала выглядеть куда старше своих лет.

– Ну как я выгляжу? – спросила Алиса.

– Сногшибательно! – ответила Саския.

– Да какая там толпа, я не я буду, если весь, я говорю, весь город не сбежится на тебя посмотреть, – заявила Элс.

Кажется, впрочем, эта мысль не очень-то обрадовала Алису.

– Джеки, теперь ты мне скажи: как я выгляжу? – спросила мама.

– Ты очень красивая, – сказал он, – но на маму мою не похожа.

Это ее обеспокоило.

– С моей точки зрения, ты та же Алиса, что была, – уверенным тоном сказала Саския.

– Ну разумеется, еще бы, – поддакнула Элс. – Джек, мы просто сделали так, что твоя мама стала немного таинственнее.

– А зачем мне быть таинственнее? – спросила Алиса.

– Элс хочет сказать, мы решили немного тебя замаскировать, – объяснила Саския.

– Понимаешь, Джек, нам надо было немного замаскировать в твоей маме маму, – добавила Элс.

– Ведь только тебе позволено видеть в ней свою маму, правда же? – сказала Саския и взъерошила Джеку волосы.

– Спасибо, чувствую, все будет отлично, – сказала Алиса и отошла от зеркала, не обернувшись.

Амстердамский квартал красных фонарей меньше, чем представляют себе туристы. Просто в нем такая паутина мелких улиц и улочек и в горячие часы там такая толпа народу, что те, кто попадает туда в первый раз, чувствуют себя словно в лабиринте и им кажется, будто дома с проститутками в витринах и дверях уходят в бесконечность. На самом же деле из конца в конец – от Дамстраат до Зеедейк – квартал можно пройти шагом за десять минут, а от Аудекерк до комнаты Саскии на Блудстраат, а равно от комнаты Элс до Стоофстеег – менее пяти минут пешком.

Субботним вечером новость о новой девчонке распространилась быстро, мол, появилась какая-то новенькая, на вид не проститутка, стоит то на Стоофстеег, то на Блудстраат и поет что-то, вроде церковный гимн. Не прошло и часа, как весь квартал только о ней и говорил. Еще до заката пожилые дамы с Аудекерксплейн взяли друг друга под руки и отправились послушать своими ушами, как поет Дочурка Алиса. Пришли Аня с Аннелис и Гадкой Нандой, и Катя со Злючкой Анук, и Миссис Мис, ближе к ужину появились Рыжая Роос и Старуха Иоланда. Пожилые проститутки ничего не говорили и слушали недолго. Они надеялись увидеть, как по-дурацки выглядит Алиса на панели, но оказалось, что, если у красивой женщины к тому же еще и красивый голос, она никак не может выглядеть по-дурацки.

На мужчин, проходивших мимо, Алисино пение действовало так же сильно, как звон браслетов на руке у Саскии, однако от Алисы все получали отказ. Да, она была женщина и стояла в витрине, где стоят проститутки, и все же отрицательно качала головой каждому, кто бросал на нее вопросительный взгляд; порой ей приходилось прерывать на время пение и говорить «нет» более внятно. Одному особенно назойливому господину на Стоофстеег ей пришлось даже сказать, что она ждет своего друга и не хочет пропустить его; что, если он появится, пока она будет занята с клиентом? Тот не сразу понял, Саскии пришлось перевести, только тогда господин отстал. Чуть позже Алиса дала от ворот поворот группе молодых людей, те обиделись и принялись горланить хором какую-то свою песню, не отходя от Алисы.

Тогда она зашла внутрь к Саскии, закрыла дверь и села в окне, не переставая петь гимн, хотя ее уже никто не слышал. Элс сказала ребятам, чтобы те шли своей дорогой, они не хотели и стали ругаться, только один был готов уйти. Тут как раз появился Нико Аудеянс, они нехотя засобирались, Нико пришлось прикрикнуть на них, они побежали прочь; тот, который не ругался с Элс, бежал спиной вперед – так ему не хотелось терять из виду Алису.

Нико улыбнулся Джеку, а тот помахал маме в окне рукой. Она все пела и пела.

– Я за вами слежу, не беспокойтесь, – сказал Джеку полицейский.

Конечно, легче было бы пригласить мужчин в комнату; все они были чрезвычайно разочарованы отказом, у иных это вызывало недоумение, у других ярость, иные просто принимали растерянный вид и как бы украдкой шли на другие улицы, иные громко выражали свое недовольство. Алиса же все пела и пела, она не хотела делать перерыв даже на круассан с сыром и ветчиной, который ей принесли Саския и Джек. Вскоре после заката к Алисе зашел Тату-Тео, он принес целую корзину с бутылкой вина, фруктами и сыром, но Алиса отказалась принять ее, лишь поцеловала и обняла Радемакера, а потом подозвала Элс и Джека и отдала корзину им, а они тут же отнесли всю снедь вечно голодной Саскии.

Появился и Робби де Вит, вид у него был самый разнесчастный, а увидев, как Алиса беззвучно поет в витрине у Саскии, он совсем пал духом. Зато Алиса взяла у него две самокрутки с марихуаной, закурила и затягивалась между строчками гимна.

Лишь много лет спустя Джеку пришлось в голову, что об этой ночи Боб Дилан мог бы написать совершенно сногшибательную песню.

Около десяти часов вечера, когда в квартале стало особенно людно, Саския, Джек и Элс провожали Алису от Блудстраат до комнаты Элс на Стоофстеег. Элс несла Джека на руках, он почти спал, положив ей голову на плечо. Алиса шла молча.

– Как думаете, Уильям появится? – вдруг спросила она.

– Я думаю, он никогда не появится, – сказала Саския.

– А я думаю, Алиса, на сегодня хватит, – сказала Элс и отперла дверь в свою комнату.

Алиса встала в проем. Она уже было собиралась запеть, как вдруг увидела Фемке, та шла к ним по Стоофстеег.

– Ну и где же обещанное пение? – спросила Фемке.

– Он не придет, я правильно понимаю? – вопросом на вопрос ответила Алиса.

Тут на Фемке накинудись Саския и Элс, обе были очень на нее злы и не собирались этого скрывать. Джек проснулся, но не понял ни слова из перепалки – женщины ругались на голландском. Только Фемке так просто не возьмешь, она и не думала отступить, хотя Элс и Саския кричали все громче. Джек думал, что сейчас Элс повалит Фемке на землю, но тут Алиса начала петь, и все три дамы мигом замолкли. Никогда еще Джек не слышал, чтобы мама пела «Приди ко мне, дыхание Господне» так красиво. Кажется, ее голос лишил Фемке сил. Наверное, она сказала так:

– Я не думала, что ты в самом деле на это пойдешь.

Алиса все пела и пела, только теперь чуть громче. Джек, правда, почти спал, так что на самом деле Фемке могла сказать и так:

– Я не думала, что он в самом деле на это согласится.

Джек понял так, что вроде бы его папа устроился играть на пианино на круизный лайнер – а может, и не папа, а вовсе кто-то другой. Новость про пианино удивила Алису, но обычно органисты начинают образование с того, что учатся играть на фортепиано, во всяком случае, Уильям начинал именно так. Возможно, маму удивило решение Уильяма отправиться в Австралию и сделать себе татуировку у Синди Рей.

Алисе, видимо, наскучило «Дыхание», но петь она не перестала, правда перешла на повторение одной и той же фразы «Мой пастырь – вся моя любовь». Казалось, ей совершенно наплевать и на Уильяма, и на то, что он, возможно, уже в Австралии.

Интересно, почему он туда поехал, может, он подумал, что Джек с мамой не решатся отправиться за ним в такое далекое плавание? Джек снова заснул у Элс на руках, на этот раз положив голову на ее гигантские мягкие груди. Алиса снова сменила пластинку, теперь она повторяла «О сладость Тела Твоего». Фемке ушла, ее преследовал безупречно чистый Алисин голос. Когда она скрылась из виду, Алиса вернулась к «Приди ко мне, дыхание Господне», и тут Джек проснулся.

– Алиса, ну теперь-то ты можешь остановиться, – сказала Саския, но Алиса и не думала ее слушать.

– А где это, Австралия? – спросил Джек у Элс.

Он знал лишь, что Австралия не значится в их маршруте.

– Не бойся, Джек, Австралия тебе не грозит, это слишком далеко, – успокоила его Саския.

– Она на другом краю света, – сказала Элс.

Джек подумал, ага, папа сейчас, наверное, на другом краю света, и почему-то сразу почувствовал себя лучше, но это не помешало ему воображать, что папа каким-то образом все равно наблюдает за ним из толпы.

– Так, Алиса, в самом деле пора кончать, – сказала Саския.

– Мой пастырь – вся моя любовь, – снова затынула Алиса, словно нехотя.

Им было так приятно смотреть, как прочь по улице уходит побежденная Фемке, что они не заметили, как рядом появился Якоб Бриль. Время еще не перевалило за полночь, но вот он, тут как тут, собственной персоной, и вовсе даже не идет, а стоит как вкопанный, парализованный религиозной яростью.

– Это же!.. Это же гимн, это же молитва! Ты!!! Поешь молитву!!! – завопил Бриль, обращаясь к Алисе.

Она глянула ему прямо в глаза и сменила пластинку на «О, сладость Тела Твоего». Наверное, она пребывала в таком состоянии, что могла вспомнить только эти три гимна, точнее, их первые строчки.

– Богохульство!!! – вопил Бриль. – Святотатство!!!

Саския что-то сказала ему по-нидерландски, что-то не слишком уважительное в религиозном смысле, а Элс подскочила к Якобу и хорошенько толкнула его плечом; он упал на одно колено и оперся рукой о мостовую, пытаясь подняться. Это ему удалось, но Элс снова толкнула его плечом, как следует приложив о стену здания. На этот раз, правда, он удержался на ногах.

– Не надо при Джеке, – холодно сказала ему Элс и сделала вид, словно собирается приложить его еще раз.

Бриль отступил.

– Ну и где этот Нико, когда нам нужна его помощь? – с деланным возмущением (Элс отлично справилась самостоятельно) заметила Саския.

Алиса снова затынула «Приди ко мне, дыхание Господне». Тут-то они его и увидели – того самого юношу, который ранее не стал ругаться с Элс на Блудстраат и уходил оттуда спиной вперед. Ему очень хотелось еще раз поглядеть на Алису, потому-то он и пришел – но на сей раз без компании. Элс обратилась к нему по-нидерландски, казалось, она и его намерена приложить о мостовую, как Бриля.

– Не трогай его, он же единственный вел себя как подобает, – сказала Алиса, прекратив наконец свои песнопения. Она улыбнулась юноше; тот стоял перед ней с совершенно беспомощным видом.

– Кажется, ему срочно нужен совет, вы не согласны? – спросила Алиса.

– Алиса, ну зачем тебе это, – сказала Саския.

– Но мне кажется, ему очень нужен совет, – сказала Алиса.

– Ну, он может получить его от меня или Саскии, – резонно заметила Элс.

– Нет, он хочет получить совет от меня, – сказала Алиса.

– Алиса, на сегодня хватит, – настаивала Элс.

– Эй, хочешь ко мне? – обратилась Алиса к юноше.

Тот не понял – наверное, не говорил по-английски. Элс перевела, он кивнул.

– Так, Джек, нам пора, – сказала Саския и взяла мальчика за руку. – Умираю без круасана. А ты?

Бросалась в глаза кожа оливкового цвета и очень черные, коротко стриженные волосы юноши, он был небольшого роста, с круглыми глазами и тонкими чертами лица, вылитая девушка. Его пригласили зайти, но он все стоял как столб посреди улицы. Он только хотел еще разок посмотреть на Алису и никак не ожидал, что ему хватит смелости попросить ее снова, что ему выпадет такая возможность (это если считать, что в тот, первый раз он уже ее просил, – судя по его лицу, он был жутко перепуган, и тогда, наверное, к Алисе обратился кто-то из его друзей).

Элс зашла ему за спину и подтолкнула к Алисе, та взяла юношу за руку и завела в комнату; он едва доставал ей до подбородка. Алиса закрыла дверь и задернула занавески, Элс подошла к Джеку и Саскии.

– Он что, девственник? – спросил проституток Джек.

– Вне всякого сомнения, – ответила Элс.

– А ему нужно количество лет? – вспомнив слова Нико Аудеянса, полюбопытствовал Джек.

– В это время суток всем нужно количество лет, – уверенно ответила Саския.

Джек уже немного поспал в этот день – сначала часок или вроде того в комнате у Элс, потом у Саскии, а потом еще на руках у Элс, пока та таскала его по кварталу, – и все равно он очень устал, до изнеможения. Дойдя до своей комнаты, Саския положила Джека на кровать и задернула занавески – пусть спит, а сама встала в дверях как часовой. Элс же каждые пятнадцать-двадцать минут совершала рейды к себе, проверяла, как там Алиса, все еще дает советы юноше или тот уже ушел.

Джек усилием воли не дал себе погрузиться в сон, пока Элс совершала первые два рейда.

– Элс же говорила, что девственники не отнимают много времени, – заметил он.

– Спи себе, Джек, – сказала Саския. – Этот юноша не понимает по-английски, поэтому он задерживается так долго. Твоей маме приходится все ему повторять по два, а то и по три раза.

– Вот оно что.

– Спи, Джек.

А потом он услышал шепот и проснулся; прошло, кажется, довольно много времени. Три женщины сидели на кровати, освещенные красным светом лампы; Джеку почти не осталось места, но он не подал виду, что проснулся. Мамино ожерелье порвалось, Элс и Саския помогали ей нанизать жемчужины обратно.

– Вот всегда так с этими молокососами, – сказала Саския. – Руки-крюки, одно расстройство.

– Он не хотел, просто он никогда в жизни не снимал с женщины ожерелье, – шепотом ответила Алиса. – Я думаю, это не настоящий жемчуг, а выращенный. Как по-вашему, можно починить?

– Алиса, надо было тебе сказать, чтобы он не снимал ожерелье.

– Он был так мил, так нежен – он еще никогда ничего такого не делал, – прошептала Алиса.

– Зато у него полные карманы денег, раз он так долго тебя занимал, – сказала Саския.

– Да ты что, я ни гроша с него не взяла – я же не проститутка какая-нибудь!

Они расхохотались.

– Тсс! Мы разбудим Джека.

– А я не сплю, – сказал мальчик. – Ты дала этому юноше хороший совет?

Мама обняла и поцеловала сына, а Элс и Саския продолжили попытки починить ожерелье.

– Думаю, я дала ему отличный совет, – ответила Алиса.

– Лучший совет за всю его жизнь, – сказала Саския.

– Уж точно лучший бесплатный совет, – добавила Элс.

Они снова рассмеялись.

– Алиса, придется тебе эту штуковину снести к ювелиру, – сказала Саския, возвращая Алисе порванное ожерелье и кучку жемчужин, которые им не удалось нанизать.

Алиса убрала все это в сумочку.

Саския и Элс вызвались проводить Джека с мамой в «Краснапольски», но Алиса захотела пойти кружным путем, через Аудекерксплейн, просто чтобы показать этим старухам, что она все еще на ногах.

– Уже поздно, они давно разошлись по домам, – сказала Элс.

– Нет, почему же, – возразила Саския. – Кроме того, даже если на посту осталась всего одна, она обязательно расскажет остальным.

Было то ли два, то ли три часа ночи; повернув с Аудекеннисстеег, они услышали музыку, лучше сказать, она камнем упала на них. На мосту через канал звук был даже громче, чем на набережной. Этот орган в Аудекерк в самом деле что-то вроде чудовища, хотя и священного.

– Это Бах? – спросил Джек маму.

– Верно, Бах, – сказала Алиса, – но играет не папа.

– Откуда ты знаешь? – спросила Элс. – Фемке же такая сука, надо нам зайти и посмотреть самим.

– Это Бах, фантазия соль мажор, – сказала Алиса, – очень популярная мелодия для свадеб.

Видимо, Алиса имела в виду, что Уильям редко играет свадебную музыку, но Элс и Саския настояли на проверке.

Алиса хотела пройти по Аудекерксплейн прежде, чем войти в церковь, они так и сделали. На улице и в самом деле оставалась одна-единственная проститутка, из молодых, по имени Маргрит; она стояла в дверях и слушала музыку.

– Джеки, что это ты не спишь в такой час? – спросила Маргрит.

– Да мы тут все не спим, такая наша судьба, – ответила Элс.

Они вошли в Аудекерк. На скамье сидели две старые проститутки, одна из них, Гадкая Нанда, уже спала, другая, Злючка Анук, увидев Алису, отвернулась.

Они дошли до лестницы, ведущей к мануалу, но наверх пошли только Элс, Саския и Джек; Алиса осталась внизу.

– Он уже в Австралии или на пути туда, – упрямо сказала она. – Только подумайте, сколько там на корабле дамочек, то-то он повеселится!

Сначала они учуяли запах пудры и только потом увидели Франса Донкера, от неожиданности он перестал играть – что это вдруг Элс и Саския делают у него за спиной? Но тут он заметил Джека.

– А, понимаю, ты подумал, играет твой папа, – сказал Франс.

– Вот уж нет, – ответила Саския.

– Ты не говори, ты играй, – сказала Элс.

Юный гений продолжил исполнять Баха, а визитеры отправились восвояси.

– Это малыш Донкер? – спросила Алиса; получив в ответ три кивка, она продолжила: – Ну еще бы! Вот он-то играет как самый настоящий настройщик.

Фантазия соль мажор донимала их даже на самой Тромпеттерстеег, где все еще работали несколько проституток помоложе, и только в конце Синт-Анненстраат оставила в покое.

– Ты же не поедешь в Австралию? – кажется, спросила Элс у Алисы.

– Нет, Австралия слишком далеко, для Джека это чересчур тяжелое путешествие, – вероятно, ответила Алиса.

– Верно, и не только для Джека, порой не выдерживают и люди постарше, – поддакнула Саския.

– Наверное, вы правы, – только и сказала Алиса.

Она говорила очень тихо и неразборчиво, что было для нее необычно, да и на ее лице – Джек заметил это сразу, как проснулся в комнате у Саскии, – было какое-то необычное выражение, мечтательное, беззаботное. Джек потом решил, что все дело в самокрутках из марихуаны, ведь до Амстердама мама травой особенно не баловалась, а в ту субботу и наутро в воскресенье очень близко с ней подружилась.

Саския и Элс проводили их до отеля, но не потому, что считали опасным ходить ночью по кварталу, нет, – они не хотели бросать Алису одну на Якоба Бриля, они знали, что он тоже живет в «Краснапольски».

Женщины обняли и поцеловали Джека с мамой, пожелали им спокойной ночи и ушли, а те отправились спать. Впервые на памяти Джека мама пошла в душ первой. Что-то ее там очень развеселило, из ванной донесся ее смех.

– Почему ты смеешься?

– Кажется, я забыла свое белье у Элс!

Давать советы, оказывается, непростое занятие, забываешь про все остальное, решил Джек, – когда он вернулся из ванной, почистив зубы, мама уже спала. Джек выключил свет в спальне, но оставил в туалете, немного приоткрыв дверь, пусть будет такой импровизированный ночник. Насколько он помнил, мама впервые в жизни заснула раньше его. Он лег рядом, а мама даже во сне продолжала петь. Слава богу, подумал Джек, это уже не гимны. И еще она поет с шотландским акцентом, давненько я его не слышал, наверное, дело в марихуане, акцент у мамы появлялся, только если она была под кайфом или выпила лишнего.

Песню Джек не узнал, может, это старинная народная баллада, заученная мамой, когда она была еще девочкой, а может, что-то ее собственного сочинения, и стихи, и мелодия (скорее последнее). В самом деле, она же пела целый день, наверное, сочинила что-нибудь по дороге.

Вот что Алиса пела во сне:

Ни за что не стану шлюхой,
я ж не вовсе без ума,
знаю точно – хуже Доков
только Литская тюрьма.
Нет, нет, шлюхой я не стану,
это клятва вам моя,
никогда не быть мне в Доках,
на панель не выйду я.

Джек решил, что это колыбельная, – мама всегда пела ему колыбельные, и пусть сегодня она заснула первой, все равно: не могла же она не спеть сыну песенку?

Джек помолился на ночь за них обоих – как обычно, с закрытыми глазами, но громче, чем обычно, ведь мама спала, так что ему пришлось отдуваться за двоих.

– День, что Ты даровал нам, Господи, окончен. Спасибо Тебе.

Они проспали до полудня, а там Джек спросил маму:

– А что такое шлюха?

– Ты где услышал это слово? Я его во сне сказала?

– Да, ты пела песенку, там было это слово.

– Шлюха – это вроде проститутки, она тоже дает мужчинам советы, Джеки.

– А что значит выходить на панель?

– Это тоже значит давать советы, Джек.

– Вот оно что.

Они шли рука в руке через квартал красных фонарей к Тату-Петеру, и мальчик снова спросил маму:

– А что это за Доки такие?

– Это место, где мне никогда не быть, – только и ответила мама, сколько он ни переспрашивал.

– А как Тату-Петер потерял ногу? – в сотый раз спросил Джек.

– Я же сказала тебе: спроси у него сам.

– Наверное, с велосипеда упал.

Было часа три пополудни, многие дамы уже вышли на панель давать советы. Все они здоровались с Алисой и Джеком, называли их по имени – даже старухи из района вокруг Аудекерк. Алиса специально прошла по Аудекерксплейн, мимо каждой двери и каждой витрины, словно Якоб Бриль, только медленнее. Никто не пропел им ни нотки гимна «Приди ко мне, дыхание Господне».

Они шли на Синт-Олофсстеег прощаться с Тату-Петером.

– Алиса, я всегда рад тебя видеть; если захочешь, приезжай снова ко мне работать, – сказал ей одноногий. – А ты, Джек, смотри не теряй ног, их у человека всего две! Ты уж мне поверь – передвигаться на двух ногах куда удобнее!

А потом они шли на Зеедейк прощаться с Тату-Тео и Робби де Витом. Робби захотел, чтобы Алиса сделала ему татуировку.

– Ладно, идет, только не очередное разбитое сердце: мне сердца уже осточертели, что целые, что разбитые.

Робби согласился на ее автограф у себя на правом плече; изящество букв произвело на Радемакера такое впечатление, что он не отстал от Алисы, пока она не вывела свою подпись и у него на теле – на левом предплечье. Радемакер сказал, что это место он берег для чего-нибудь особенного. Буквы шли от локтевого сгиба до запястья, а поскольку Тео носил часы, то отныне всякий раз, когда он смотрел, сколько времени, перед его глазами оказывалась «Дочурка Алиса».

– Ну, что скажешь, Джек, может, еще послушаем Дер Циммермана? – спросил Тео. Как всегда, «дер» вместо «ден», ведь Тео не знал немецкого – впрочем, Джек тоже, во всяком случае тогда.

Джек снял с полки какую-то пластинку Дилана и поставил ее. Робби де Вит сразу же стал подпевать, но Алиса не любила эту песню, так что пели только Боб да Робби, а Алиса работала.

– На рассвете встань и окно открой, – пели Боб и Робби. – Погляди мне вслед и помаши рукой. – (В этот момент Алиса выводила букву «А».) – Я уйду, и пусть ты тому виной, – лезли в душу Боб и Робби, – я не в обиде, все путем.

Это была, конечно, полная чушь, и насчет обиды, и насчет «все путем», но Алиса не повела бровью и не сняла ногу с педали.

Элс проводила их в кассы порта, там царила полная неразбериха, без Элс они ни за что не смогли бы купить билеты. В результате они сначала должны были сесть на поезд до Роттердама, оттуда на корабль до Монреаля и только оттуда добраться до Торонто.

– Но почему Торонто? – спросила Алису Саския. – Канада же тебе чужая страна.

– Станет родной, что поделаешь, – ответила Алиса. – Я никогда не вернусь на солнечные берега речки Лит, ни за что, предлагайте мне хоть все виски Шотландии.

Она так и не объяснила почему. Наверное, слишком много призраков водится на берегу той речки.

– Кроме того, я нашла Джеку отличную школу, как раз для него, – услышал он слова мамы, обращенные к Элс и Саскии. А потом мама наклонилась к нему и шепнула на ухо: – Там девочки, а с девочками тебе будет хорошо.

Джек вздрогнул – мысль оказаться среди девочек школы Святой Хильды, особенно среди девочек постарше, не очень его обрадовала. И тогда он снова взял маму за руку – в последний раз по эту сторону Атлантики.

Часть вторая. Океан девиц

Глава 8. С девочками хорошо

Джеку казалось, что девочки в школе Святой Хильды, особенно те, что постарше, не очень-то довольны присутствием в школе мальчиков. Да, мальчики покидали их после четвертого класса, но все равно считалось, что они, даже самые маленькие, плохо влияют на девочек. А Эмма Оустлер добавляла:

– Особенно на тех, что постарше.

Эмма была как раз из тех, что постарше, и вид имела пугающий. Шестой класс – последний в начальной школе, и в обязанности шестиклассниц входило стоять у школьного входа на Россетер-роуд и открывать и закрывать дверцы машин, на которых в школу привозят малышей. Джек пошел в подготовительный класс осенью 1970 года; Эмма в тот год перешла в шестой, а школа Святой Хильды впервые открыла прием мальчиков. Стало быть, Джеку было пять, а Эмме – двенадцать (она пропустила год из-за каких-то проблем в семье). И в первый Джеков день в школе дверцу машины для него открыла как раз Эмма. Сие событие не прошло для Джека бесследно.

Уже в машине Джек почувствовал себя не в своей тарелке – уж слишком хорош был роскошный черный «линкольн-таун-кар» миссис Уикстид. Он не принадлежал ей, она нанимала его вместе с водителем в агентстве; ни она, ни Алиса, ни Лотти водить не умели. За рулем сидел миловидный ямаец, крупный мужчина по имени Пиви, такой же черный, как «линкольн». Миссис Уикстид любила его больше других.

Ну какой мальчик хочет начинать свой первый день в школе с появления в черном лимузине да с шофером? Однако Алиса до сих пор всегда соглашалась с идеями миссис Уикстид, и из этого всегда выходило только благо. Плюс старинная подруга платила не только за обучение Джека в школе, но и за лимузин.

Алиса частенько задерживалась по вечерам на работе в салоне Китайца, поэтому в школу Джека собирала Лотти, она же кормила его завтраком. Час был ранний, но у миссис Уикстид обычно хватало сил завязать мальчику галстук (казалось, впрочем, что она делает это автоматически, как бы не просыпаясь). По вечерам Лотти выкладывала Джеку одежду на завтра, а утром одевала его.

Джек обязательно заходил в полутемную мамину комнату и целовал ее на прощание, а затем Лотти выводила его на угол Спадайны и Лаутер-авеню, где их уже ждал Пиви. В первый день, впрочем, Алиса вызвалась проводить сына лично.

– Алиса, – укоризненно сказала миссис Уикстид, – не стоит, ведь Джек обязательно будет плакать.

Миссис Уикстид делала все, что в ее силах, дабы у Джека не было поводов плакать. Однажды утром, завязывая мальчику галстук, она сказала:

– Джек, тебя обязательно будут дразнить. Но запомни: ни в коем случае не позволяй себе плакать. Плакать можно, только если тебя ударили, – но вот уж если тебя ударили, то нужно плакать как можно громче.

– А что делать, когда меня дразнят? – спросил Джек.

По утрам миссис Уикстид, не вынимая из своей седой шевелюры бигуди, надевала поверх пижамы покойного мужа халат сливового цвета и садилась за кухонный стол, грела пальцы, сжав в руках чашку с горячим чаем, а после этого завязывала Джеку галстук, пока мальчик разглядывал ее намазанное маслом авокадо лицо.

– Тут требуется творческий подход, – сказала миссис Уикстид.

- Когда дразнят, требуется творческий подход?
- Да-да, – поддакнула Лотти. – Главное, будь вежлив.
- Именно, причем вежлив дважды, – добавила миссис Уикстид. – Это легко запомнить
- «веж-лив», «дваж-ды».
- А на третий раз? – опять спросил Джек.
- Вот на третий раз потребуется творческий подход, – вернулась к своей изначальной версии миссис Уикстид.

Завязав галстук, миссис Уикстид целовала Джека в лоб и в переносицу, после чего Лотти вытирала масло с его лица. Лотти тоже целовала Джека – обычно в передней, перед тем как открыть входную дверь и отвести его за руку к Пиви.

Джек частенько разговаривал с мамой про Лоттину хромоту – как и отсутствующая нога Тату-Петера, она очень беспокоила его, он ничего не мог с собой поделать.

- Почему Лотти хромотает? – спрашивал он маму в сотый раз.
- Спроси у Лотти сам.

Но и отправившись в первый раз в приготовительный класс, Джек не набрался храбрости спросить у няни, почему она хромотает.

- А что тебе до ее хромоты, мой милый? – спросил его Пиви.
- Я не знаю, мне интересно. Можешь ты спросить ее, Пиви?
- Нет, мой милый, спроси сам. Ведь это ты у нас тут господин, хозяин дома. А я просто водитель.

Джек Бернс позднее думал, что и на смертном одре сможет, словно наяву, представить себе перекресток Пиктол и Хатчингс-Хилл-роуд, вспомнить, как Пиви замедлял ход, как девочки из тех, что постарше, очень скептически отнеслись к появлению очередного барчука на очередном лимузине. Стоял сентябрь, было тепло; Джеку снова бросились в глаза незаправленные в юбки блузки-матроски, перевязанные у горла серо-малиновыми платками в полоску (через два года их место заняли воротники на пуговицах, при этом верхнюю полагалось держать расстегнутой). Но лучше всего он запомнил выражение их лиц, точнее, губ – презрительное и упрямое.

Девочки не стояли на месте – они то обнимали друг друга, то вставляли на одну ногу, а другой стучали по асфальту. Иногда они приседали на корточки и закидывали одну ногу на другую, постоянно балансируя. Юбки, их серые юбки в складку, оказались весьма коротки, и это привлекло внимание Джека к их ногам – он сразу заметил, какие тяжелые, крупные у них бедра. Девочки все время что-то делали пальцами, теребили кольца, рассматривали ногти, ворошили волосы, прикасались к бровям. Они даже заглядывали под ногти, словно там крылись какие-то тайны, – казалось, у девочек полным-полно тайн. Если они видели подруг, то махали им как-то по-особенному, у них явно имелась какая-то своя система знаков, вроде языка глухонемых.

Пиви остановил лимузин у входа в школу со стороны Россетер-роуд, и девочки, стоявшие там, показались Джеку особенно загадочными – и одновременно очень раскованными.

Когда девочкам исполняется одиннадцать или двенадцать лет, они начинают думать, что выглядят ужасно. Детство осталось позади (по крайней мере, такова их собственная точка зрения), но они еще не превратились в юных женщин. В этом возрасте все девочки очень разные – одни уже начали двигаться и выглядеть как девушки, у других все еще тела и движения как у мальчиков, только очень заносчивых.

Все это не про двенадцатилетнюю Эмму Оустлер, которая выглядела на все восемнадцать. Она открыла дверцу Джекова лимузина, и мальчик сразу заметил у нее усики на верхней губе, правда поначалу принял их за пот. У нее были загорелые руки, а волосы на них почти белые (выгорели на солнце), толстая темно-коричневая коса переброшена через плечо и, оттеняя лицо, почти красивое, достает до самого пупка, по дороге пролегая между ясно намечен-

ными грудями, подчеркивая и разделяя их. Заметных размеров груди были примерно у четверти шестиклассниц.

Джек вышел из лимузина и встал рядом с Эммой; он едва доставал ей до пояса.

– Не споткнись о галстук, конфетка моя, – сказала Эмма.

Галстук у Джека и в самом деле доставал до колен, но, пока она не сообщила ему об этом, Джек и не думал, что есть опасность споткнуться. Еще на Джеке были серые бермуды, но он уже немного вырос из них, так что они оказались короче, чем «полагается» (по крайней мере, так сказала миссис Уикстид), и носки (только для мальчиков, девочкам полагалось носить гольфы).

Эмма бесцеремонно и грубовато взяла Джека за подбородок и повернула лицом к себе:

– Ну-ка, посмотрим на твои ресницы, конфетка... о боже ж ты мой!

– Что такое?

– Э-э... добром это не кончится, вот что, – сказала Эмма Оустлер.

Джек посмотрел на ее лицо и решил, что мог бы сказать ей то же самое. Еще он понял, что на губе у девочки не пот, а усики. Джеку было всего пять лет, и он не знал, что женщине нельзя так вот просто сказать, что у нее усики, можно и нарваться; Джеку же показалось, что усики Эмме очень идут, и ему тут же захотелось их потрогать – такие они были на вид мягкие.

Первый день в школе, как и первая татуировка, – откровение, и в тот день Джека ожидало его первое откровение, а именно прикосновение к усикам Эммы, во многом определившее его дальнейшую судьбу.

– Как тебя зовут? – спросила Эмма, наклоняясь все ближе.

– Джек.

– А фамилия?

На какой-то миг Джек совсем забыл, какая у него фамилия, – так его зачаровала верхняя губа Эммы, покрытая мягкой шерсткой. Правда, еще одно обстоятельство объясняло нерешительность Джека. При крещении его записали как Джека Стронаха, ведь отец бросил его, не женившись на матери, и Алиса не видела причин давать мальчику фамилию отца. Но миссис Уикстид придерживалась другого мнения. Алиса всем своим поведением подчеркивала, что «миссис Бернс» не существует, миссис же Уикстид считала, что мальчику ни к чему страдать от славы незаконнорожденного, и по ее настоянию Джеку поменяли фамилию, так что теперь он стал как законнорожденный. К тому же миссис Уикстид считала очень важным ассимилироваться, и, с ее точки зрения, «Джека Бернса» скорее станут принимать за канадца, чем «Джека Стронаха». В общем, она считала, что оказывает мальчишке услугу.

Пока Джек никак не мог решиться, что ответить Эмме, это заметила учительница; школьницы звали ее Серым Призраком. В самом деле, в миссис Макквот было что-то потустороннее – она мастерски овладела искусством возникать словно ниоткуда, когда ее никто не ждет. Наверное, в прошлой жизни она была покойницей – как еще объяснить холод, который она распространяла вокруг себя? Даже дыхание было ледяным.

– Что у нас тут такое? – спросила миссис Макквот.

– Некто Джек, но он не помнит свою фамилию, – ответила Эмма Оустлер.

– Я уверена, Эмма, под твоим благотворным влиянием он сразу ее вспомнит, – сказала миссис Макквот.

Среди предков миссис Макквот азиатов не числилось, и все же у нее были немного раскосые глаза – так туго она стягивала свои стального цвета волосы в пучок на затылке. Ее тонкие губы все время были плотно сжаты, в противоположность Эмме, которая всегда держала их раскрытыми. Ее рот походил на цветок, а тонкие усики на верхней губе – на пыльцу, просыпавшуюся на лепесток.

Джек старался удерживать под контролем правую руку, особенно указательный палец. Миссис Макквот исчезла столь же неожиданно, как и появилась, – а может, Джек просто закрыл

глаза, силясь не дать руке коснуться этой черной шерстки, и поэтому не заметил, как удалился Серый Призрак.

– Джек, сосредоточься, – выдохнула Эмма. Ее дыхание было столь же ярким и теплым, сколь дыхание Серого Призрака – холодным. – Скажи мне свою фамилию, я уверена, ты на это вполне способен.

– Джек Бернс, – через силу прошептал мальчишка.

Что же застало ее врасплох, звук его имени или его палец? Наверное, и то и другое. Он совсем не хотел, но так получилось само – он произнес свою фамилию и провел указательным пальцем по ее верхней губе в один и тот же миг. Усики оказались такими невозможно мягкими, что он прошептал:

– А тебя как зовут?

Эмма схватила Джека за палец и резко отогнула его назад, он упал на колени, вскрикнув от боли. Из-под земли немедленно возник Серый Призрак.

– Эмма, я сказала «под твоим благотворным влиянием», слова «пытка» я не произносила, – грозно изрекла миссис Макквот.

– Эмма, а как фамилия? – спросил Джек у девочки, пытавшейся сломать ему палец.

– Эмма Оустлер, – сказала она и отогнула Джеков палец еще раз и только потом отпустила. – Забудешь – пожалеешь.

Как же, забудешь ее. И сама Эмма, и ее имя оставили в жизни Джека неизгладимый след. Даже боль, что она ему причинила, показалась мальчику естественной, правильной – словно бы Джеку на роду было написано служить ей, а ей – вести его. Может быть, миссис Макквот увидела все это в искаженном болью лице Джека. Он только потом сообразил, что Серый Призрак работал в школе в то самое время, когда его папа переспал с девушкой из одиннадцатого класса и обрюхатил другую из тринадцатого. Как еще объяснить ее следующий вопрос:

– Уж не Уильяма ли Бернса ты сын?

Сию же секунду угасший было интерес Эммы Оустлер к ресницам Джека разгорелся с новой силой.

– Так это ты сын той татуировщицы! – воскликнула Эмма.

– Верно, – ответил Джек.

Боже, подумал он, а я еще боялся, что меня тут никто не знает!

За прибытием пригостишек наблюдала и другая учительница, Джек узнал ее четко поставленный голос сразу, словно слышал его раньше во сне. Звали ее мисс Каролина Вурц, именно она излечила маму от шотландского акцента. Ей не просто не было равных в искусстве ставить правильное произношение и технику речи – тон ее голоса ни с чьим нельзя было перепутать, даже во сне. На родине, в Эдмонтоне, мисс Вурц, несомненно, считалась первой красавицей; в более многонациональном Торонто ее хрупкая миловидность куда-то улетучилась, возможно, она пережила какое-то глубокое разочарование в жизни – безответную любовь, например, или скоротечный роман.

– Передай от меня привет маме, Джек, – сказала мисс Вурц.

– Спасибо большое, конечно передам, – ответил мальчик.

– У татуировщицы свой лимузин? – удивилась Эмма.

– Это машина и шофер миссис Уикстид, Эмма, – назидательно сказала мисс Вурц.

Серого Призрака уже и след простыл. Джек ощутил, как Эмма положила ему руку на плечо и ведет его куда-то, а еще заметил, что трется ей о бедро подбородком. Она наклонилась и шепнула ему на ухо, так чтобы не слышала мисс Вурц:

– Наверное, вы довольны такой заботой, ты и твоя мама, а, конфетка моя?

Джек подумал, это она о «линкольне» и Пиви, дело же заключалось в том, что весть о том, как миссис Уикстид помогает татуировщице и ее внебрачному сыну, пересекла порог школы

Святой Хильды куда раньше Джека. Эмма Оустлер имела в виду сразу все, что делала для них миссис Уикстид, и продолжила:

– Да, Джек, тебе можно позавидовать. Не каждому выпадает возможность жить на всем готовом.

Джек не понял, о чем она, но ответил:

– Спасибо.

И потянулся взять Эмму за руку. Он был очень рад, что в первый же день в школе нашел себе друга.

Разведенная дочь миссис Уикстид тоже говорила, что они с мамой «живут на всем готовом»; Джек подумал: наверное, мама Эммы тоже разведенная. Наверное, решил он, разведенные женщины вообще вызывают у миссис Уикстид сочувствие.

– Твоя мама разведена? – спросил Джек Эмму Оустлер.

И попал в самую точку.

За несколько лет до этого мама Эммы прошла через очень болезненный развод, и был в этой истории один исключительно гадкий нюанс, из-за чего мама Эммы навсегда стала воспринимать себя как «миссис Оустлер». Рана же, нанесенная Эмме, жгла ее как пламя до сих пор.

Поэтому она с силой сжала Джеку руку, и он опять истолковал ее неправильно – решил, это знак доверия и близости, понимания без слов. Ему, конечно, было больно, но он понимал, что Эмма этого не хотела, просто у нее сильная рука, как у того администратора из отеля «Бристоль» в Осло.

– Ты родом из Норвегии? – спросил Джек, но Эмма пребывала в остром расстройстве чувств и не расслышала.

Она тяжело дышала, ее недавно обретенная грудь поднималась и опускалась, то ли оттого, что она хотела как можно сильнее сжать Джеку руку, то ли потому, что пыталась сдержать чувство отвращения к чудовищу, в какое обратилась после развода ее мужененавистница-мать. По щеке у Эммы стекла слеза (Джек принял ее за капельку пота) и застряла у нее в усиках, словно росинка на мху. Все страхи Джека перед школой для девочек совершенно рассеялись. Какая это отличная идея, что девочки из шестого класса встречают пригостишек в первый день учебы!

Джек споткнулся, поднимаясь по ступенькам к двери в школу, и Эмма не просто удержала его от падения, а взяла на руки и перенесла через порог – внесла его в школьную жизнь. Джек проникся к ней такой нежностью и благодарностью, что обнял, а Эмма в ответ обняла его так сильно, что он едва не задохнулся. Говорят, у задыхающихся бывают галлюцинации, наверное, поэтому Джек принял откуда ни возьмись появившегося Серого Призрака за галлюцинацию. Так или иначе, рядом с ними вновь возникла миссис Макквот и спасла Джека то ли от перелома позвоночника, то ли от смерти от удушья, которая неизбежно должна была наступить с минуты на минуту прямо на груди у двенадцатилетней Эммы.

– Эмма, отпусти его, – сказал Серый Призрак.

У Джека вылезла из шорт рубашка, ее края доставали почти до колен, хотя галстук свисал еще ниже. Джек тяжело дышал, у него немного кружилась голова.

– Помоги ему заправить рубашку, Эмма, – распорядился Серый Призрак и немедленно исчез, должно быть растворился в мире духов.

Эмма встала на колени, теперь они с Джеком были одного роста. Оказалось, его бермуды не просто короче, чем надо, они еще очень узкие – Эмме пришлось растянуть верхнюю пуговицу и молнию, иначе рубашку было никак не заправить. Эмма запустила руки в шорты, схватила его за ягодицы и, крепко сжав их, прошептала:

– У тебя шикарная попа, Джек.

Джек почти отдышался и смог ответить любезностью на любезность:

– А у тебя красивые усики.

Этими словами он спаял их дружбу на весь срок своей учебы в школе Святой Хильды – да что там, на всю жизнь. Джек решил, что эта школа и в самом деле хорошая, как и говорила мама, а встречу с Эммой – первую, неожиданную, волнующую – принял за доказательство, что ему и правда будет с девочками хорошо.

– О Джек, – прошептала ему на ухо Эмма, проведя своей невозможно мягкой верхней губой ему по шее, – нам с тобой будет так весело!

Арочные своды коридоров в начальной школе ассоциировались у Джека с раем – если есть дорога в рай, думал Джек, то на ней обязательно должны быть такие же своды и арки. На полу лежал линолеум с узором из черных и серых треугольников, и Джек решил, что и школа, и взрослая жизнь потом – это игра, в которую надо играть по правилам. Он, конечно, еще не умел играть в нее, но это же дело наживное.

Все в школе напоминало об играх – например, окно в туалете на третьем этаже (единственном туалете для мальчиков во всей школе), сквозь него было видно школьное поле, поделенное как бы на квадратики, потому что окно представляло собой черную металлическую решетку, в прямоугольники которой были вправлены маленькие кусочки полупрозрачного стекла. Один такой прямоугольник кто-то расколотил, и все четыре года Джековой учебы никто его так и не заменил. В туалете имелся ряд писсуаров; их специально вешали пониже, и все-таки весь свой первый школьный год Джеку приходилось вставать на цыпочки и целиться вверх, чтобы пописать как следует.

Еще на третьем этаже изредка появлялись устрашающего вида девочки (из тех, что постарше), жившие в интернате при школе; ход в интернат вел как раз через начальную школу. Интернат полагался девочкам начиная с седьмого класса, там имелось ровно сто мест, а всего в неполной средней и средней школе учились пятьсот девочек. Больше мест в интернате не требовалось – школа Святой Хильды располагалась в городе, и ученицы, как правило, жили у себя дома.

Девочки из интерната казались Джеку намного старше всех остальных. Их мрачные взгляды предназначались отнюдь не только дочкам всяческих дипломатов и иностранцев, и не сказать чтобы здесь играло роль происхождение – две двоюродные сестры по прозвищу Грязнули из Галифакса выглядели ничуть не приветливее, чем девочка из Британской Колумбии, которую Эмма Оустлер звала Колумбийской Крысой. У всех обитательниц интерната был такой вид, словно они беженцы, а интернатовский хор славился слезоточивостью своего репертуара.

В начальной школе девочек из интерната видели не часто, но однажды, будучи в третьем классе, Джек вышел из туалета, застегивая на ходу молнию на брюках, и увидел двух таких девочек. Те шли прямо на него – блеск покрашенных ногтей, спущенные до икр гетры, изящные ноги, широкие бедра, налитые груди. Джека охватила паника, и он спешно попытался застегнуть ширинку – и, разумеется, его пенис попал в молнию. Джек вскрикнул от боли.

– Боже мой, смотри-ка, мальчик! – сказала одна из девочек.

– Еще бы не мальчик, гляди, он едва не отрезал себе молнией свой окаянный отросток, – ответила другая.

– Интересно, когда они начинают играть с этими своими штуками? – спросила первая. – А ну брось плакать! – резко сказала она Джеку. – Ты же не отрезал его на самом деле?

– Давай я все сделаю, – сказала другая, опускаясь на колени рядом с Джеком. – У меня есть младший брат, так что я знаю, как надо.

– Ты трогаешь у него это? – спросила первая девочка и встала на колени рядом с другой.

– Так, для начала убери руки! – скомандовала Джеку вторая.

– Мне больно! – вопил Джек.

– Ты просто зацепил кожу, у тебя даже кровь не идет.

Девочкам было лет по семнадцать, если не больше.

– А когда эта штука делается большая-большая? – спросила первая.
– Мередит, когда эта штука попадает в молнию, она совершенно не хочет делаться большой.

– Ого! Значит, она делается большой, только когда ей захочется? – спросила Мередит.
Девочка из тринадцатого класса взяла одной рукой пенис Джека, а другой схватила замок молнии и дернула вниз.

– Ой!

– Ну, чего ты от меня хочешь? – спросила невольная помощница. – Мне подождать, пока ты вырастешь?

– У тебя такие ресницы! Едва завидев их, девушки будут падать направо и налево, – сказала Джеку Мередит. – Когда ты вырастешь, у тебя будет масса возможностей засунуть свой пенис в самые разные места, куда только пожелаешь!

– Ой-ой!

– Вот, теперь и кровь пошла, – сказала подруга Мередит.

Пенис Джека освободился из молнии, но девочка и не думала выпускать его из рук.

– Аманда, что ты делаешь?! – воскликнула Мередит.

– Смотри, и увидишь, – сказала Аманда, не Джеку, Мередит.

Джеку и смотреть не надо было, он сам почувствовал, как его пенис делается больше.

– Как тебя зовут? – спросила Мередит.

– Джек.

– Ну как, тебе лучше, Джек? – спросила Аманда.

– Боже мой, ты только посмотри на эту штуковину! – ахнула Мередит.

– Это полнейшая ерунда, – ответила Аманда. – Он же умеет делаться куда больше, не так ли, Джек?

Джек посмотрел, – кажется, больших размеров его пенис покамест не принимал. Он боялся, что если он сделается больше, то лопнет.

– Мне снова больно, – сказал Джек.

– Это особая боль, не бойся, – сказала Аманда и дернула его за пенис напоследок.

– Смотри больше не попадай своей сосиской в молнию, Джек, – сказала Мередит и взъерошила Джеку волосы.

– Знаешь, может, мы еще приснимся тебе, Джек, – сказала Аманда.

Рана на пенисе зажила за пару дней, а вот девочки продолжали сниться.

В начальной школе Джека учила дама по имени мисс Синклер. По ее мнению, Джеку и в самом деле было хорошо с девочками – среди них, мол, ему самое место. Эту иллюзию поддерживало еще одно школьное правило. Девочкам из шестого класса полагалось приходиться в начальную школу в тихий час и помогать укладывать пригостишек спать. Эмма Оустлер регулярно вызывалась добровольцем в «сонную команду», равно как и ее подруги Шарлотта Барфорд и Венди Холтон. Они помогали мисс Синклер; считалось, что с ними пригостишки лучше засыпают, на самом же деле они оказывали совершенно противоположный эффект.

Мисс Синклер больше всего запомнилась Джеку тем, что, во-первых, во время тихого часа почти всегда отсутствовала, а во-вторых, что этим обрекала его на необходимость спать с тремя шестиклассницами.

Тихий час начинался с «истории, под которую легко заснуть», как это называла Эмма Оустлер. Историю всегда рассказывала Эмма (здесь можно разглядеть ее будущее призвание). Венди и Шарлотта ходили меж кроватей, проверяя, чтобы резиновые коврики были на месте, одеяла подоткнуты, обувь снята, а Эмма тем временем вещала в полутемной комнате.

– У вас был плохой день, и вы очень устали, – было неизменное начало.

Разумеется, приготовишки сразу же пугались и речь о сне больше не шла. Чаще всего Эмма рассказывала, с небольшими вариациями, историю про то, как мисс Синклер потеряла целый класс приготовишек в Королевском музее Онтарио, в зале, посвященном летучим мышам. Сам Джек первый раз попал в Королевский музей только в третьем классе, под водительством мисс Каролины Вурц.

О мисс Вурц Джек сохранил самые теплые воспоминания; дело было не только в ее хрупкой красоте – она преподавала ему много важных уроков. Именно благодаря ей Джек так рано научился правильно держать себя на сцене (развитие сценических навыков было ее коньком). Во всем, что касалось драматического искусства, мисс Вурц была настоящим знатоком; Джек сыграл в доброй сотне школьных постановок, и почти всегда мисс Вурц была режиссером. Напротив, в классе ее педагогический талант проявлялся реже, и как держать под контролем целую кучу третьеклашек, она совсем не знала. Сходя со сцены, покидая пространство, пронизанное огнями рампы, мисс Каролина Вурц превращалась в существо, которое то и дело путалось, терялось, в женщину, напрочь лишенную управленческих навыков и уверенности в себе. Школьный класс представлял для нее хаос, а внешний мир в этом плане отличался от школы крайне незначительно.

Эмма сочиняла истории про мисс Синклер, но на самом деле ей следовало поставить на ее место мисс Вурц – они много бы выиграли в убедительности, настолько мисс Вурц была не способна следить за детьми. Когда мисс Вурц привела свой класс в зал летучих мышей, на нее напал такой ужас, что детям показалось, будто прямо перед их глазами воплощается в реальность один из рассказов Эммы Оустлер. Детям тоже стало страшно – ну да, им было уже восемь, а не пять, зато про ужасы зала летучих мышей они знали уже три года.

Едва по громкоговорителю объявили, что в ряде залов, где выставлены млекопитающие, будет временно отключено электричество, как дети поняли – началось.

– Пожалуйста, оставайтесь на своих местах, нет причин для паники, – продолжил громкоговоритель, а мисс Вурц зарыдала. – Подача электропитания будет восстановлена в кратчайший срок.

Ультрафиолетовые лампы в зале летучих мышей почему-то не отключились, – правда, другого света в зале и не было, точь-в-точь как говорила Эмма.

В рассказе Эммы несчастным детям не осталось ничего другого, кроме как залезть в пещеру к летучим мышам и там заночевать. Эмма сказала, что детям обязательно нужно помнить очень важную вещь – существенную для выживания разницу между повадками мышивампира и гигантской мышифруктоеда. Кроме того, нужно все время держать глаза закрытыми, а то в ультрафиолетовом освещении можно каким-то неведомым образом ослепнуть.

Итак, закрыв глаза, нужно было ждать – через некоторое время дети обязательно почувствуют горячее, влажное дыхание. Главное – где они его ощутят. Если в районе горла – это прилетела мышь-вампир, ее надо отбить в сторону, а потом сразу же закрыть руками горло и вопить – или, в краткой версии рассказа, «нужно махать руками и кричать, словно вы обезумели». Если же дыхание чувствуется в районе пупка, то это гадкая мышь-фруктоед. Она делает так: сначала долго греет детские животики своим дыханием, а потом начинает лизать им пупки, потому что питается спрятанной в них солью. Ощущение, конечно, не из приятных, зато это безболезненно. Иначе говоря, при появлении мышивампира надо лежать неподвижно. Да и в любом случае – это же гигантская мышь, и отогнать ее руками просто не получится; хуже того, эти мышивампиры представляют большую опасность, если их бить.

– Но что же мышь-фруктоед сделает, если ее ударить? – такой вопрос, как помнится Джеку, задал его одноклассник Джимми Бэкон.

– Эмма, лучше им этого не знать, – сказала Шарлотта Барфорд.

Конец Эмминой истории был ужасен. Разумеется, никто и не думал спать, поэтому дети прекрасно понимали, что дышат на них не страшные летучие мышивампиры, а Эмма, Венди и

Шарлотта. Однако они вели себя точно так, как им наказала Эмма. Приготовишки, которым дышали в пупки, лежали неподвижно. Поскольку историю рассказывали не один раз, вскоре Джек научился отличать языки трех девочек друг от друга. Языки были не шершавые, и в самом деле, если не считать последующих ночных кошмаров, вся процедура протекала для приготовишек совершенно безболезненно.

Те же, кому дышали на горло, старательно отбивались от летучей мыши и орали как резаные.

– А теперь пора просыпаться, Джек, – говорили под конец Эмма, Венди или Шарлотта. Но Джек ни разу не засыпал.

Шарлотта Барфорд походила на Эмму Оустлер – почти сформировавшаяся женщина, правда нормального для ученицы шестого класса роста. Венди Холтон, напротив, была худющая и какая-то дикая на вид. Если не обращать внимания на круги под глазами и набухшие, покусанные губы (знаки наступления пубертатного периода и связанных с ним проблем), ее можно было принять за девятилетнюю. Несмотря на незначительные габариты, способности к лизанию пупков у Венди были развиты не хуже прочих; в ее исполнении мышшь-фруктоед оказывалась агрессивнее той, что у Эммы, и настырнее, чем у Шарлотты (у той язык размерами был под стать бедрам, и в пупок Джеку не помещался даже кончик).

Интересно, что думала мисс Синклер, когда возвращалась в начальную школу после тихого часа? Принимала ли она возбужденность детей за свидетельство того, что они хорошо выпались и отдохнули? Плюс к этому дети выглядели довольными – еще бы, очередной ужас от рассказов Эммы Оустлер был позади, так что на их лицах читалось большое облегчение.

У истории с летучими мышами был серьезный конкурент – тоже повторявшаяся из раза в раз драма о раздавленном ребенке. У нее было три конца, но начиналась она так же, как и все остальные:

– У вас был плохой день, и вы очень устали.

Джек спал между двойняшками Гордоном и Каролиной Френч. Они друг друга на дух не выносили, и Джек служил демаркационной линией. Вторая пара близнецов в классе мисс Синклер, Хизер и Пэтси Бут, две совершенно одинаковые девочки, напротив, не выносили разлуки друг с другом. Когда одна болела, другая тоже сидела дома – грустила, а может, ждала своей очереди заболеть. Сестры-близнецы Бут спали под одним одеялом, наверное изображая свое пребывание в одном чреве.

Обе пары вели себя чрезвычайно возбужденно, когда рассказывалась история про раздавленного ребенка, но по-разному. Сестры Бут сосали свое общее одеяло, издавая какое-то мокрое жужжание; оно очень быстро доводило Джимми Бэкона, и он начинал стонать. Гордон и Каролина Френч же принимались совершать бессмысленные, но крайне мощные телодвижения – синхронно (даром что не касались друг друга, разделенные Джеком) стучали ногами по кровати. В этом было что-то очень странное и неприятное, но самая жуть наступала, когда они вдруг переставали сучить ножками, – это всякий раз происходило так неожиданно и так синхронно, что казалось, они одновременно умерли от общей болезни.

Поскольку у истории имелось три разных конца, дети ни на миг не могли расслабиться.

– Но для троих из вас плохой день вдруг стал еще хуже, – неизменно провозглашала Эмма.

Тут же двойняшки Френч начинали стучать ногами, но вскоре неожиданно замирали, словно убитые, а близнецы Бут – сосать одеяло под аккомпанемент стонов Джимми.

– Итак, вы ночуете у папы, он с вами давно не живет, мама с ним развелась, – продолжала Эмма. – Он только что упал без сознания, потому что у него было слишком много секса.

Эту часть истории Джек терпеть не мог.

Морин Яп, нервная девочка, дочь китайского папы, как-то раз перебила Эмму, спросив:

– А что такое – «слишком много секса»?

– Это то, чего у тебя никогда не будет! – сказала как отрезала Эмма.

В другой раз этот же вопрос задал Джек, но получил совсем другой ответ:

– Ты очень скоро узнаешь, Джек.

Джек дрожал под одеялом. Дело в том, что он хорошо помнил плохо им понятый разговор мамы с Элс и Саскией. Элс говорила, что если выглядишь сексуально, значит можешь дать мужчине хороший совет. Стало быть, секс как-то связан с советами; следовательно, как и советы, секс может быть хорошим или плохой. А поскольку разведенный папа из Эмминой истории потерял сознание, так как у него было слишком много секса, Джек сделал вывод, что этот секс был очень плохой.

– У твоего папы и раньше были подружки, – продолжала Эмма, – но та, что с ним сейчас, просто ребенок. Тощий, злобный ребенок, – уточняла она. – Но она очень сильная, у нее кулаки крепче камня, и она хочет сжить тебя со свету! Ты стоишь у нее на дороге – если бы не ты, у нее могло бы быть куда больше секса с твоим папашей. И вот, когда твой папа падает без сознания, она начинает сдавливать тебе череп своими кулаками! Ой-ой-ой, она вот-вот раздавит тебе голову!

Двойняшки Френч немедленно начинают мучить кровать, их соседи – сосать одеяло и стонать.

– А еще, – непременно добавляла Эмма, – у одного из вас есть мама, она мать-одиночка, и она тоже потеряла сознание.

Эту часть истории Джек просто ненавидел.

– У нее тоже было слишком много секса!!! – вопила тут Морин Яп.

– Плохого секса? – иногда спрашивал Джек.

– Нет, у нее был плохой дружок, – извещала пригостишек Эмма. – Ее дружок – самый здоровенный и самый плохой из всех, что живут на планете Земля. И вот, когда твоя мама теряет сознание, он идет к тебе и ложится на тебя сверху! Он закрывает тебе животом лицо.

– А как дышать-то? – задавал свой вечный вопрос Грант Портер, записной тупица.

– Видишь ли, в этом-то и проблема! – бодрым голосом отвечала обычно рассказчица. – Думаю, дышать никак не получится.

К этому моменту двойняшки Френч были так перепуганы, что принимались стучать по кровати несинхронно, близнецы Бут начинали рыдать, не вынимая изо рта одеяло, а Джимми Бэкон, казалось, сейчас и правда задохнется.

– Но это еще не все. Потому что есть третья мама – и у нее не дружок, у нее подружка! – победно заявляла Эмма.

Эту часть истории Джек ненавидел сильнее всего.

– У нее очень большие груди, больше, чем у всех матерей вселенной, вместе взятых. А еще они крепче, чем груди самых юных подружек твоего папы. У нее кибергруды, – говорила Эмма. – У них внутри металлический каркас! Они здоровенные и очень, очень крепкие!

Мысль о том, что внутри грудей может быть металл, будет пугать Джека еще очень долго – они будут ему сниться, и он будет просыпаться в холодном поту. Стоит ли говорить, что ни один пригостишка ни на минуту не смыкал глаз, когда Эмма рассказывала историю про раздавленного ребенка.

– Итак, выбирайте себе родителя! Есть добровольцы? – вопрошала наконец Эмма.

– Я никем не хочу быть! – всякий раз в ужасе пищала Морин Яп.

– А я совсем не хочу, чтобы мне было невозможно дышать, потому что у меня на лице лежит плохой дружок, – обычно вставлял Грант Портер.

– Только не железные груди! – вопил Джеймс Тернер, еще один законченный тупица.

Иногда Джеку хватало храбрости сказать:

– Я думаю, что больше всего боюсь злой, тощей подружки с каменными кулаками.

Фокус, однако, заключался в том, что Эмма, Венди и Шарлотта заранее выбирали, кто будет кем. Лежа с закрытыми глазами, Джек каким-то шестым чувством знал, что три девочки уже идут между кроватей к своим жертвам.

Тошная, злая подружка разведенного папы с кулаками из камня – разумеется, ее роль исполняла Венди Холтон. Она сжимала виски избранного пригостишки коленями. Колени у нее были маленькие и жесткие, как бейсбольные мячи. Всего минута этой пытки – и у Джека начинала болеть голова; плюс никакого удовольствия – под юбкой у Венди темно и ничего не видно.

Грудь с железом внутри – разумеется, это были колени Шарлотты Барфорд, здоровенные, как дыни. Пока не появились имплантаты, в мире не было грудей, на ощупь похожих на колени. Под юбку ей Джек даже и не думал заглядывать – он дрожал от одной мысли, к каким последствиям это может привести.

А плохой дружок, душивший детей животом, – разумеется, это была роль Эммы Оустлер. Первым делом Джек находил носом ее пупок – так он мог немного дышать. Однажды он попробовал ее там лизнуть. Эмма отреагировала так:

– Мама дорогая, Джек! И как только ты это делаешь, ведь ты еще ничегошеньки не знаешь!

В реальности приключение в пещере летучих мышей оказалось почти таким же страшным, как в школе. Третьеклашки хорошо понимали, что опасность может исходить только от мышей-вампиров и мышей-фруктоедов. Во-первых, мисс Каролина Вурц стоит, парализованная страхом, во-вторых, подружки разведенных пап, а равно подружки и подружки матерей-одиночек им точно не угрожают – ну что им делать в пещере летучих мышей! А летучие мыши по сравнению с этими страшными сексуальными хищниками – сущий пустяк. Но бдительность терять нельзя.

Те, кто не ходил в подготовительный класс, сначала и вовсе не думали бояться: ну отключили электричество, и что? Они же не слышали страшных историй про пещеры и мышей. Впрочем, одноклассники, знакомые с Эммой и ее историями, видимо, источали страх, поэтому скоро бояться начали все.

Страх мисс Вурц тоже сначала казался естественным – дети видели, какой ужас ее охватывает при входе в класс. Но в Королевском музее Онтарио она не могла прибегнуть к помощи палочки-выручалочки – то есть не могла вызвать Серого Призрака; миссис Макквот не раз спасала коллегу в самых неожиданных ситуациях, появляясь, как обычно, словно из воздуха. Однако, как было сказано, музей не школа, призраки в нем не водятся, и, когда дети вокруг мисс Вурц стали один за другим закрывать глаза, воя от ужаса, бедная учительница окончательно перестала понимать, как быть.

– Дети, откройте глаза немедленно! Не засыпайте! Пожалуйста, только не здесь! – завопила мисс Вурц.

Каролина Френч, зажмурившись, тут же дала бьющемуся в истерике педагогу отличный совет:

– Мисс Вурц, только ни в коем случае не бейте мышей-фруктоедов, они очень опасны, если их ударить. А так они вам ничего не сделают.

– Каролина, открой глаза! – кричала мисс Вурц.

– Но если вы ощутите у себя в районе горла мокрое, горячее дыхание – тогда совсем другое дело! – продолжила Каролина Френч.

– Что-что в районе горла? – воскликнула мисс Вурц, схватившись за шею руками.

Ее состояние вызвало у Джека противоречивые чувства. С одной стороны, ему было за нее стыдно – ну как же можно настолько не уметь вести себя в реальной жизни, так хорошо

делая это на сцене; с другой стороны, он находил ее красивой. Он даже был тайно в нее влюблен.

– Каролина ведет речь о мышах-вампирах, – попытался объяснить Джек, несмотря на то что знал, как Каролина не любит, когда ее перебивают (особенно в этом усердствовал ее брат-близнец).

– Джек, не надо пугать мисс Вурц, – недовольно сказала Каролина. – Мисс Вурц, слушайте меня – если вы ощутите у себя на горле мокрое, горячее дыхание, ведите себя так, словно обезумели. Бейте ее, машите руками, кричите!

– Кого я должна бить? – застонала мисс Вурц.

– Но если вдруг вам станут дышать в пупок, ничего не делайте, стойте спокойно, – сказал Гордон Френч.

– Да-да, в этом случае просто не двигайтесь, – поддакнул Джек.

– В какой еще пупок, ради бога! – орала мисс Вурц.

– Вот видишь, Джек? – укоризненно сказала Каролина Френч. – Все стало только хуже!

– Нет причин для паники, – повторил голос из репродуктора. – Электричество включат через несколько минут.

– Кстати, я забыл, а почему мы вообще должны лезть в пещеру к мышам, – сказал Джимми Бэкон.

В этом он был не одинок – эту часть истории Эммы никто не помнил.

– Так, в пещеру никто не лезет!!! – закричала мисс Вурц. – Вы все, откройте глаза немедленно!

Джек думал было рассказать, что в ультрафиолетовом свете она ослепнет, но решил, что лишняя информация мисс Вурц ни к чему, она и так напугана.

– Ого, я чувствую! Ко мне прилетела мышь-фруктоед, – сказал Джек и застыл.

Оказалось, это Морин Яп упала на колени рядом с ним и дышит изо всех сил.

– Да что это, черт побери! – опять закричала мисс Вурц.

Джимми Бэкон стонал и терся головой о ее бедро. Наверное, мисс Вурц схватила его за горло ненамеренно, но он отреагировал, как полагается при атаке мыш-вампира, – завопил и замахал руками изо всех сил. Мисс Каролина Вурц, забыв обо всем на свете, завопила пуще прежнего. (Кто бы мог подумать! И это та самая женщина, что учит вести себя на сцене «сдержанно и с самообладанием»!)

Так прошла первая Джекова школьная экскурсия в музей. И если бы не тщательная подготовка, полученная от Эммы Оустлер, самопровозглашенной путеводной звезды Джека, означенное происшествие не стало бы для мальчика событием. Впрочем, это касалось почти всего его опыта жизни в начальной школе.

Какой же Джек, в самом деле, везунчик! Воистину, ничего не скажешь – с девочками ему хорошо.

Глава 9. Мал еще

Джек перешел в первый класс, а Эмма Оустлер и ее подружки – в седьмой, то есть первый в средней школе. Новоиспеченные же шестиклассницы оказались совсем не страшными, и Джек их не запомнил. Теперь выпадали дни, когда Джек ни разу не виделся с Эммой; правда, она пообещала ему «постоянно быть на связи», поэтому такие дни редко шли подряд. Периодически Джек видел и Венди Холтон, и Шарлотту Барфорд, но, слава богу, с некоторого расстояния. Про себя он давно называл их Холтон Каменные Кулаки и Барфорд Железные Груды и не отказался от этой привычки уже никогда.

В первом классе преподавала мисс Вонг. Она родилась на Багамских островах во время урагана, но от бури в ней ничего не осталось, если не считать привычки постоянно извиняться. Как назывался тот ураган, она никогда не говорила, и первоклашки решили, что, наверное, ужас, пережитый ею во время рождения, до сих пор живет у нее в подсознании.

Итак, в ее вялом теле не осталось и намек на ураган, как и в ее тихом голосе.

– Прошу прощения, милые, но должна вас огорчить – между первым классом и приготовительным есть важная разница. У нас нет тихого часа, – известила своих подопечных мисс Вонг в первый день учебы.

Разумеется, извинения были встречены единодушным вздохом облегчения и радостными, хотя и нечленораздельными звуками – топотом, устроенным двойняшками Френч, свистом (имитировавшим сосание одеяла) сестер Бут и стенаниями от Джимми Бэкона. Если дети ожидали по этому поводу урагана любопытных вопросов от «мисс Багамские острова» (так дети называли за глаза мисс Вонг), то были разочарованы и решили, что новая учительница не очень интересная.

Каждый день детей собирали в Большом зале, а раз в неделю вместо этого проводилась служба в школьной часовне. Однажды во время службы Морин Яп шепнула на ухо Джеку:

– Слушай, а ты не скучаешь по Эмме Оустлер и ее рассказам?

У Джека перехватило дыхание, он не мог ни ответить Морин, ни петь.

– Я тебя понимаю, – продолжила девочка. – А скажи, по чему ты скучаешь больше всего?

– По всему сразу, – выдавил из себя Джек.

– Мы все скучаем, Джек, – сказала Каролина Френч.

– Мы все скучаем по всему сразу, – назло Каролине поправил ее брат.

– Гордон, заткни рот, – ответила сестра.

– Я тоже скучаю, – сказал Джимми Бэкон, – так хочется постонать, а повода нет.

Сестры Бут издали свои любимые звуки, снова без помощи одеяла.

О чем скучали первоклашки? Они что, правда хотели еще раз услышать рассказ про разведенного папу, который потерял сознание, так как у него было слишком много секса? Про мать-одиночку и ее страшных дружков и подружек? Они что, действительно хотели еще раз пережить ужас пещеры летучих мышей в Королевском музее Онтарио? Или на самом деле они скучали по Эмме Оустлер? По Эмме, Шарлотте Железные Груды и Венди Каменные Кулаки, какими те были год назад – на пороге периода полового созревания или уже за его порогом.

В первый класс пришла новая девочка, Люсинда Флеминг, – высокая, тощая, с бледно-синими глазами и хвостом почти белоснежных волос. У нее была особая болезнь, мисс Вонг назвала ее «тихое бешенство» – девочка имела привычку наносить себе травмы (а еще все время засовывала волосы в рот, словно зубную нить). Мисс Вонг рассказала об этом перед всем классом, но так, словно бы Люсинды в этот момент там не было.

– Запомните: за Люсиндой нужен глаз да глаз, – сказала мисс Вонг; ученики как один уставились на Люсинду, та и бровью не повела. – Если увидите ее с чем-нибудь острым в руках,

не стесняйтесь, сразу говорите мне. Если вам покажется, что она куда-то собралась одна, то тоже говорите мне – кто знает, куда она забредет, там ей может грозить опасность. Прости меня, Люсинда, может, я и не права, но тебе не кажется, что именно так мы должны поступить?

– Я не против, – сказала Люсинда и безмятежно улыбнулась.

Каролина Френч спросила, а опасно ли, что Люсинда ест волосы, – ее интересовало, не знак ли это скорого наступления приступа «тихого бешенства».

– Я прошу прощения, Каролина, но вынуждена не согласиться, – ответила мисс Вонг. – Ты ведь не пытаешься сделать себе волосами больно, Люсинда?

– В данный момент нет, – пробубнила Люсинда, немедленно засунув в рот прядь волос.

– По-моему, тут ничего опасного, – сказала Морин Яп (она и сама периодически делала то же самое).

– Опасности нет, но это отвратительно, – сказала Хизер Бут, а ее сестра Пэтси согласно закивала.

Джек подумал: а хорошо, что Люсинда Флеминг пришла к ним только сейчас. Кто знает, как наложились бы на ее «тихое бешенство» экзерсисы Эммы Оустлер. Как-то Люсинда, прожевав очередную порцию волос, доложила Джеку, что ее мама забеременела от инопланетянина. Джеку было всего шесть, но он догадался, что за рассказом про папу-инопланетянина, скорее всего, стоит очередной развод. А раз так, решил Джек, то Эммина интермедия про раздавленного ребенка обязательно привела бы Люсинду в такое бешенство, какого еще никто не видывал.

Джек Бернс избегал появляться на школьном дворе даже весной, когда цвели вишни. На двор выходили окна классов, где занимались музыкой, и ее было отлично слышно. Джек то и дело воображал, что там до сих пор преподает папа, и звуки музыки в школьном дворе стали ему невыносимы.

А белые круглые плафоны в столовой ассоциировались у него с глобусами – обычными, но без наклеенной карты, без границ, без стран, без океанов, без континентов. В такой-то мир и сбежал его папа; наверное, Джек тоже может говорить, что его отец – инопланетянин.

Джек все время следил за Люсиндой Флеминг, пытаясь уловить признаки наступления «тихого бешенства», но безуспешно. Он периодически сомневался, что сможет опознать симптомы, – а вдруг у него тоже бывали приступы бешенства, только он не понимал, в чем дело? Интересно, у кого можно поподробнее разузнать про бешенство (уж точно не у мисс Вонг, она давно утратила внутренний контакт с ураганом)?

Джек не привык так редко видеть маму; он уходил в школу, пока она еще спала, и засыпал прежде, чем она возвращалась. Алиса, наверное, могла бы рассказать ему кое-что про бешенство – и как для него полезны иглы, которыми она оставляет неизгладимые следы на людях, как правило на мужчинах.

Миссис Уикстид продолжала с несколько отсутствующим видом завязывать Джеку галстук и наставлять его на путь истинный, особенно с помощью формулы «будь вежлив дважды»; сколько Джек ни пытал ее, а что делать, если его будут донимать трижды, миссис Уикстид хранила молчание. Совет применять «творческий подход» казался Джеку слишком общим, но, судя по всему, среди подпадающих под это описание манер поведения бешенство не значилось. Лотти тоже, хотя и потеряла ребенка, оставила все свое бешенство на острове Принца Эдуарда, – по крайней мере, так она намекнула Джеку.

– Джек, я давно ни на кого не злюсь, – сказала Лотти, когда Джек спросил ее, что она знает о бешенстве, особенно о «тихом». – Могу только одно сказать – если тебя подмывает взбеситься, лучше попробуй совладать с собой.

Позднее Джек подумал, что Лотти, наверное, принадлежала к тому типу женщин, в которых сексуальность просыпается очень ненадолго; в случае Лотти намеки на желание можно

было видеть только в каких-то редких жестах, – например, она изредка как-то по-особенному разглядывала свой профиль в зеркале. В молодости Логги, наверное, была привлекательной, но Джек видел отголоски этого лишь в моменты, когда та не могла уследить за собой: например, когда Джек будил ее среди ночи (мальчику разрешалось это делать, если ему снился страшный сон) или когда она будила его рано утром, забыв привести себя в порядок.

Прямо спрашивать Люсинду Флеминг про ее «тихое бешенство» Джек не стал – слишком это простой и очевидный метод для шестилетнего мальчика. Вместо этого он набрался храбрости и решил спросить Эмму Оустлер; в самом деле, кому еще знать, как не ей? Но Эммы Джек боялся, поэтому его храбрости хватило лишь на то, чтобы получить у нее ответ, задав вопрос ее подружкам, Венди Холтон и Шарлотте Барфорд. Сначала он пошел к Венди Холтон – все-таки она поменьше ростом.

В начальной школе обед начинался на полчаса раньше, чем в остальных. Джек решил поговорить с Венди в столовой – какой подходящий антураж эти круглые плафоны, словно глобусы без карт, миры без границ и географии. Джек навсегда запомнил ее перепуганные глаза, ее нечесанные грязно-белые волосы, ее исцарапанные колени, твердые, как каменные кулаки, ее плотно сжатые губы. Как же хорошо он это все запомнил!

– Какое-какое бешенство, Джек?

– Тихое.

– Ты чего это задумал, хитрюга?

– Я ничего не задумал, просто хочу знать, что это такое – тихое бешенство, – сказал Джек.

– Ты белены объелся? – спросила Венди, с ужасом смотря ему в тарелку.

– Ни в коем случае! – ответил Джек и отодвинул вилкой белую капусту на край.

– Значит, хочешь узнать, что такое бешенство?

– Наверное, – осторожно произнес Джек, не сводя с Венди глаз.

Она странно вела себя, все время прижимала кулаки к тому месту, где у нее должны были быть груди, Джек даже начал бояться.

– Тогда нам надо поговорить наедине. Как насчет туалета?

– Туалета для девочек?

– Разумеется, болван; если нас поймают, я предпочитаю находиться в женском, а не в мужском туалете!

Джек понял, что речь идет о чем-то важном, но хорошо подумать у него не получилось – Венди встала из-за стола и наклонилась над ним; он испугался. Еще ему не понравилось слово «болван» – слишком грубое для школы, где учатся одни девочки.

– Прошу прощения, что встречаю в ваш разговор, но я хотела узнать, Венди, разве ты не хочешь пообедать? – спросила мисс Вонг.

– Я лучше умру с голоду! – ответила Венди.

– Прошу прощения, мне жаль! – сказала мисс Вонг.

– Ну что, пошли, или ты трус? – шепнула Венди на ухо Джеку и пихнула его коленом в ребра.

– Ладно, – ответил Джек.

Вообще-то, ему следовало отпроситься у мисс Вонг, но та временно испытывала особенно острую потребность перед всеми извиняться (наверное, винила себя за попытку заставить Венди поесть, в то время как девочка хотела, наоборот, умереть с голоду).

– Мисс Вонг... – начал было Джек.

– Разумеется, конечно да, Джек! – не сказала, а выплюнула мисс Вонг. – Я очень прошу прощения, я не хотела ставить тебя в неловкое положение, тем более задерживать тебя за столом. Раз ты куда-то собрался, значит так надо, иди. О боже! Не смею тебя больше отвлекать!

– Я мигом, – только и сумел сказать Джек.

– Не сомневаюсь, – сказала мисс Вонг.

Наверное, возродившийся в ней было ураган оказался подавлен раскаянием.

Венди завела Джека в ближайший к столовой женский туалет, закрылась с ним в кабинке и поставила его с ногами на унитаз, просто схватила за руки и подняла; так он стал с ней одного роста и мог заглянуть ей прямо в глаза, а чтобы он не отвернулся, Венди держала его за пояс.

– Что, Джек, хочешь узнать, что такое бешенство, внутреннее?

– Я говорил «тихое», «тихое бешенство».

– Это одно и то же, пенис мой сладенький, – ответила Венди.

О, это что-то новое! Оказывается, пенисы бывают сладкими! Эта мысль преследовала – и беспокоила – Джека еще много лет.

– Ну вот, что чувствуешь? – сказала Венди, взяла Джековы руки и приложила себе к грудям – точнее, к тому месту, где они должны были быть, так как Джек ничего не почувствовал.

– Что я должен чувствовать? – удивленно спросил он.

– Джек, не будь тупицей, ты же знаешь, что у меня тут.

– У тебя тут бешенство? – спросил мальчик.

Что там еще может быть, подумал он, грудей-то явно нет.

– Я единственная во всем седьмом классе, у кого они не растут! – гневно воскликнула Венди.

В эти слова было вложено столько силы, что Джек испугался, как бы кабинка не вспыхнула. Вот уж правда, бешенство так бешенство.

– Вот оно что.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Прошу прощения, – сказал Джек; мисс Вонг хорошо научила его извиняться.

– А, Джек, да что с тобой делать, ты мал еще, – заключила Венди и убрала руки; Джек испугался, что упадет сейчас с унитаза. – Подожди тут, а когда я постучу в дверь трижды, можешь выходить.

– Бешенство, понимаешь, – бросила в пространство Венди, покидая кабинку.

– Тихое бешенство, – снова уточнил Джек.

Он понял, что с Шарлоттой Барфорд ему придется говорить как-то иначе, но как именно?

В дверь трижды постучали, и Джек вышел в коридор – едва не сбив с ног мисс Вурц. Кроме нее, там никого не было.

– Джек Бернс, – удивленно, но, как всегда, идеально поставленным голосом произнесла учительница, – я весьма тобой разочарована. Что это ты делал в женском туалете?

Джек тоже был разочарован и, не стесняясь, известил об этом мисс Вурц, что, видимо, заставило ее его простить; она очень любила, чтобы люди разделяли ее чувства. Как правило, однако, разочарование не покидало ее так быстро, как в тот раз.

От Шарлотты Барфорд Джек ожидал узнать куда больше; в конце концов, у нее-то груди имелись, и еще какие. Если в ней и живет бешенство, то причина его – явно не недопустимо малый объем бюста. К сожалению, прежде чем Джек придумал, как ему подойти к Шарлотте, та подошла к нему сама.

Раз в неделю после обеда Джек пел в главном хоре школы; исполнялась обычно музыка для главных праздников – Дня благодарения, Рождества, Дня памяти погибших, Пасхи. Джек старательно прятал глаза от органиста – он слишком хорошо был знаком с этой братией, и пусть за мануалом в школе Святой Хильды сидела женщина, она все равно напоминала Джеку папу.

Джек бежал по коридору, напевая что-то из хорового репертуара, какие-то молитвы, и неожиданно столкнулся с Шарлоттой Барфорд. Точнее, он пробежал мимо того самого туалета, где Венди дала ему потрогать свои отсутствующие груди (кабинку, где это произошло, Джек не забудет и на смертном одре), как вдруг дверь туалета открылась и оттуда вышла Шарлотта. Еще мокрыми и пахнувшими этим гадким жидким мылом руками она немедленно затащила его в туалет.

– Что за бешенство тебя интересует, Джек? – спросила она, прижав его коленом к раковине.

Вот тут-то он и ощутил «железные груди» – одна такая упиралась ему прямо в живот.

– Тихое, внутреннее, такое, которое тебя не покидает, – нерешительно произнес Джек.

– Ага. Ну так знай – это такое состояние. Его вызывает все, чего ты не знаешь, все, что люди отказываются тебе говорить, сколько бы ты их ни спрашивал, все, что ты вынужден узнавать в одиночку, без посторонней помощи, – сказала Шарлотта и еще поднажала коленом. – Все эти вещи приводят тебя в бешенство, то есть в такое состояние, когда ты испытываешь ярость, когда ты очень зол.

– Но как мне понять, зол я или не зол? – спросил Джек.

– А тут и понимать нечего, Джек. Ты очень, очень зол, – сказала Шарлотта. – Ведь твой папаша – бессовестный ходячий болт! Он бросил тебя и маму на произвол судьбы, вам повезло, что на свете есть хорошие люди! А еще, Джек, все знают, кем ты будешь.

– И кем же?

– Бабником, как твой папа.

– А что это значит – быть бабником?

– Ты очень скоро узнаешь, кролик мой ненасытный, – ответила Шарлотта. – Кстати, свои груди я тебе трогать не дам. – И добавила шепотом, прикусив ему мочку уха: – Я имею в виду, пока не дам.

Джек знал, что будет дальше. Дождавшись, пока в дверь туалета постучат трижды, Джек вышел в коридор и, к своему удивлению, не обнаружил там мисс Вурц, только Шарлотта удалялась прочь, качая бедрами, точь-в-точь как Ингрид Му. Правда, оказалась Шарлотта в Осло зимой в своей юбке, она бы замерзла – слишком короткая.

Да, он в самом деле очень многого не знает – ни что такое бабник, ни что такое хорошие люди, ни как они связаны с ним и мамой и почему им с мамой повезло, что такие люди есть. Ему все это надо обдумать, а особенно значения слов «сладкий пенис», «ходячий болт» и «ненасытный кролик».

Джек каким-то шестым чувством понял, что обсуждать эти вещи с миссис Уикстид, когда та завязывает ему по утрам галстук, не стоит, равно как и с Лотти. Трудные вопросы ей лучше не задавать, слишком многое было у нее в жизни – и таинственная хромота, и остров Принца Эдуарда, и всякое другое. Знал Джек и то, что ответит ему мама, задай он эти вопросы ей:

– Мал еще, обсудим, когда подрастешь.

Любопытно, некоторые вопросы – как первая татуировка: пока ты «мал еще», тебе ее не видать (по крайней мере, от Алисы).

Ну да это не беда – была у Джека знакомая, которая не следовала «правилу первой татуировки». Пока за Джеком присматривала вечно извиняющаяся мисс Вонг с ее неурганистым темпераментом, Эмме Оустлер исполнилось тринадцать, а выглядеть она стала на все двадцать. Эмма никогда не отшивала Джека этим «мал еще», с ней можно было обсудить что угодно; проблема только в том, что она все время чем-то недовольна (Джек хорошо себе представлял, чем угостит его Эмма, когда узнает, что первым делом он обратился к Венди и Шарлотте).

Не следует так уж осуждать поведение девочек в коридорах и туалетах школы Святой Хильды. Школа-то была очень хорошая и даже строгая – во всем, что касалось учебы как таковой. Возможно, именно высокие требования, предъявляемые к ученицам в классе, и заставляли девочек постарше вести себя вне занятий как бог на душу положит; возможно, им жизненно необходимо было таким вот образом реагировать на вкладываемые в них правильное произношение и технику речи, да и на прочее, – коллеги мисс Вурц по школе Святой Хильды мало чем отличались от нее в стремлении и способности сделать из своих учеников воплощение идеала. Девочкам в силу этого требовался их собственный язык – с коридорным произношением и туалетной грамматикой. Между собой и с Джеком девочки использовали исключи-

тельно формы вроде «падумаишь» и «пашла вон, дуррра» – как еще им было выпустить пар, ведь если бы они позволили себе такое в классе, мисс Вурц устроила бы им головомойку, а коллеги поддержали бы ее.

Но только не Пиви, ямайский водитель миссис Уикстид. Статус Пиви не позволял ему критически отзываться о лексике и грамматике, какими Эмма Оустлер потчевала Джека на заднем сиденье лимузина. Когда она в первый раз туда запрыгнула, и Пиви, и Джек вздрогнули от неожиданности. Случилось это одним холодным дождливым днем. Эмма жила на Форест-Хилл-роуд и в школу ходила пешком, а после уроков обычно сидела в кофейне на углу Спа-дайны и Лонсдейл-роуд с другими девчонками. В тот важный день привычка была нарушена, и вовсе не из-за дождя или холода.

– Джек, ты помнишь, мы договорились, я помогу тебе с домашним заданием, – заявила Эмма.

Каким-то образом никто не обратил внимания, что Джек всего-то в первом классе и домашних заданий у него считай что и нет (а настоящая помощь с ними ему впервые потребуется только в четвертом классе).

– Куда прикажете мне отвезти эту леди, сэр? – спросил Пиви у Джека.

– К Джеку домой, – ответила Эмма. – Ему столько всего задали, он никак без меня не справится, правда, Джек?

– Похоже, сэр, приказы здесь отдает ваша леди, – усмехнулся Пиви.

Джек не посмел возразить. Эмма устроилась поудобнее на заднем сиденье и прижала Джека к себе.

– Запоминай, Джек, пригодится в будущем, – шепнула Эмма ему на ухо.

– Что запоминать? Что пригодится?

– Если ты не видишь лицо водителя в зеркале заднего вида, значит он тебя тоже не видит.

– Вот оно что.

Джек посмотрел в зеркало и лица Пиви не увидел.

– Итак, нам с тобой многому надо выучиться, – продолжила Эмма. – Урок первый: если ты чего-то не понимаешь, первым делом надо идти ко мне. Венди Холтон – мерзкая сука, никогда ничего не спрашивай у Венди! А Шарлотта Барфорд – она спит и видит, как отсасывает у первого встречного! Только подумай – каждый раз, когда ты с ней говоришь, ты подвергаешь свою жизнь и свой юный болт страшной опасности! Поэтому запоминай крепко: если в твоей жизни случится что-то новое, ты первым делом сообщишь об этом мне.

– О чем ты?

– Поймешь в свое время, – ответила Эмма. – Например, когда тебе впервые в жизни захочется потрогать девочку. Вот когда у тебя появится такое желание, причем не просто желание, а непреодолимое желание, скажи мне.

– Потрогать девочку где?

– Поймешь в свое время, – ответила Эмма.

– Вот оно что.

Он задумался, надо ли признаваться Эмме в неодолимом желании потрогать ее усики, вроде он уже и так их потрогал.

– Хочешь потрогать меня, Джек? – спросила Эмма. – Не бойся, мне ты можешь сказать что угодно.

Он с трудом доставал ей до плеч, даже сидя; ему вдруг захотелось положить голову ей на грудь, ровно между подбородком и тем местом, где у Эммы начинали расти груди. Но все равно Джек решил, что самое привлекательное в Эмме – это ее усики, и он не забыл, как она отреагировала в тот раз.

– Хорошо, с этим разобрались, – сказала Эмма. – Пока что ты не хочешь меня потрогать, ну и ладно.

Джек расстроился – упустил момент. Видимо, на его лице отразилось разочарование, так как Эмма сказала:

– Не стоит, Джек, это все равно рано или поздно произойдет.

– Что произойдет?

– Что-что! То, что ты станешь как твой папа. Мы все очень на это рассчитываем. Тебе предстоит распахнуть много, много дверей, Джек.

– Каких еще дверей?

Эмма не ответила ему, Джек решил, что мал еще задавать такие вопросы.

– А что такое бабник? – спросил он тогда, думая, что сменил тему.

– Это тот, конфетка моя, кому сколько женщин ни дай, ему все мало. Это тот, кто хочет одну женщину за другой, и желательно без перерыва между ними.

Ну, это точно не я, подумал Джек. Вот уж я плаваю в целом океане девочек, куда уж больше. В школе Святой Хильды от женщин было некуда деться – что там, даже над алтарем располагался витраж, где самого Иисуса окружали четыре женщины, видимо святые. Самого Иисуса, вы только подумайте!

– А что такое «добрые люди» и как они связаны со мной и мамой?

– Это люди, которые помогают тем, кто в беде. На случай, если ты не понял, Джек, ты и мама – в беде. Обучение в нашей школе стоит денег, и в мире нет ни одного татуировщика, который мог бы заработать столько. Ты ходишь в школу только потому, что у миссис Уикстид много денег и она добрый человек.

– Приехали, госпожа моя, – сказал Пиви, словно вез одну лишь Эмму.

Он остановил машину на углу Спадайны и Лаутер-авеню, где их уже ждала Лотти.

– Гляжу, Хромоножка тебя встречает, конфетка моя, – шепнула Эмма на ухо Джеку.

– Ой, Эмма, здравствуй! Боже, как ты выросла! – только и сумела сказать Лотти.

– У нас нет времени на разговоры, Лотти, – сказала Эмма. – У Джека проблема – он покамест не понимает кое-каких важных вещей, так что я взялась ему помочь.

– Ничего себе, – сказала Лотти, едва успевая за ними: у Эммы был широкий шаг.

– Надеюсь, старуха дрыхнет, Джек, – шепнула Эмма. – Нам с тобой надо вести себя потише, ни к чему ее будить.

При Джеке еще никто не называл миссис Уикстид старухой, но раз Эмма сказала, значит так надо. Она знала все – даже где находится черная лестница, ведущая в комнаты мамы и Джека.

Позднее все прояснилось – Эммина мама, разведенное чудовище-мужененавистница, дружила с разведенной же дочерью миссис Уикстид, отсюда их представление, будто мама с Джеком живут у «старухи» на всем готовом. К тому же и Эммина мама, и дочь миссис Уикстид состояли в Ассоциации старинных подруг, они даже учились в школе Святой Хильды в одном классе, Алиса была лишь чуть-чуть их младше.

С верхней ступеньки лестницы Эмма обратилась к Лотти, ходившей по кухне из угла в угол:

– Лотти, если нам что-нибудь будет нужно, ну там чай или что-нибудь в этом роде, мы спустимся сами. Пожалуйста, не надо подниматься – дай своей несчастной ноге отдохнуть!

Оказавшись в комнате Джека, Эмма первым делом разобрала постель и тщательно осмотрела простыни. Результат, как заметил Джек, чем-то Эмму разочаровал. Она заправила кровать обратно и сказала:

– Запоминай, Джек. Однажды произойдет вот что: ты проснешься и все твоё белье будет кое-чем измазано.

– Чем?

– Поймешь в свое время.

– Вот оно что.

Джек задумался, о чем это она, а Эмма тем временем ушла в комнату к маме.

В Алисиной комнате стойко пахло травой; Джек ни разу не видел, чтобы мама курила марихуану дома, наверное, запах впитывался в одежду. Он знал, что у Китайца она иногда затягивается – Джек порой чувствовал запах у нее в волосах.

Эмма Оустлер потянула любопытным носом воздух, обернулась к Джеку и подмигнула, а затем принялась изучать, что у мамы в ящиках, – вынув какой-то свитер, приложила его к себе и повертелась перед зеркалом, потом проделала то же самое с какой-то юбкой.

– Твоя мама – вылитая хиппи, правда, Джек?

Джек никогда не воспринимал маму как хиппи, но теперь задумался и решил, что Эмма права. Во всяком случае, в глазах не слишком осведомленных девочек из школы Святой Хильды и их мам, одна за другой вступавших в армию разведенных, Алиса однозначно сходила за хиппи. Возможно, слово «хиппи» – наименее оскорбительное из тех, какими можно было назвать мать-одиночку, зарабатывающую на жизнь татуировками.

Позднее Джек Бернс перестал удивляться этой способности женщин – оказавшись в спальне у незнакомки, сразу понять, в каком ящике у той лежит нижнее белье. Эмме было всего тринадцать, но она открыла нужный ящик с первой попытки. Вытащив какой-то лифчик, она приложила его себе к груди; пока что он был ей велик, но даже Джек сразу понял, что в один прекрасный день он станет Эмме как раз. Вдруг он ощутил, что его пенис стал твердый, как карандаш, – отчего, он не знал. Размером он был с мамин мизинец, а руки у мамы были маленькие.

– Ой, конфетка моя! Да у тебя же стоит, ну-ка, покажи мне, – сказала Эмма, не выпуская из рук Алисин лифчик.

– Что у меня стоит?

– Джек, не глупи, покажи мне его!

Эмма таким тоном сказала «его», что Джек понял и спустил штаны. Эмма внимательно осмотрела его пенис, но осталась крайне разочарована; наверное, впечатление ей испортил шум снизу – Лотти снова стала ходить по кухне, а в соседней комнате проснулась миссис Уикстид.

– Ох, Джек, Джек! Видимо, ты еще не готов к этому. Так что некоторое время, даже довольно длительное, нам придется подождать.

– К чему я не готов?

– Поймешь в свое время.

– Чайник кипит! – крикнула Лотти снизу.

– Ну так сними его! – заорала Эмма. Обернувшись к Джеку, она продолжила шепотом: – В общем, так, Джек: следи за этой своей штукой и, как только она начнет плевать, сразу скажи мне.

– В каком смысле плевать? Я каждый день хожу писать.

– Ты хорошо помнишь, что из нее льется, когда ты писаешь? Ну так вот, когда из нее польется что-то ну совсем другое, сразу скажи мне.

– Вот оно что!

– И вообще, запомни главное – рассказывай мне все, вообще все, – сказала Эмма и взяла его рукой за пенис; Джек очень испугался, он не забыл, как Эмма чуть не сломала ему палец. – Но только, ради бога, ничего не говори маме про сегодня, она с ума сойдет, зачем тебе это. И Лотти тоже не говори: она только сильнее станет хромать.

– А почему она хромает? – спросил он; Эмма знала все, Джек решил, она сумеет ему ответить.

Она и ответила – к ужасу Джека.

– Что-то не так было с эпидуралкой, – объяснила Эмма, – да и ребенок умер. Очень, очень грустная история.

О-го-го! Оказывается, если роды прошли плохо, можно захромать! А насчет «эпидуралки» Джек решил, разумеется, что это орган в теле человека, и, наверное, он есть только у женщин. Еще немного раздумий – и логика первоклашки, в свое время определившая, что «кесарево» – это название отделения в больнице, постановила, что, кроме ребенка, Лотти потеряла при родах заодно и свою эпидуралку. Конечно, ведь эпидуралка – очень важная часть женского тела, решил Джек, именно она позволяет ходить не хромя. Много позже, не сумев найти в именном указателе к учебнику анатомии слова «эпидуралка», Джек вспомнил о своей ошибке с «кесаревым» (как же он был ошарашен, узнав, что и кесарева маме не делали).

– Я заварила чай! – позвала Эмму и Джека Лотти.

Лишь гораздо позже Джек догадался, что Лотти, конечно, знала, как Эмма умеет наводить на малышей страх и заставлять их делать то, что она хочет.

– Милый, пожалуйста, ты знаешь, что мне нужно, сделай это поскорее, – обратилась Эмма к пенису Джека.

Какая она хорошая все-таки – сама засунула пенис на место, в трусы, и очень аккуратно застегнула молнию на штанах.

– Ты с ним разговариваешь! Я не знал, что пенисы понимают речь.

– Еще как понимают и умеют говорить сами! Твой-то еще не умеет, но он обязательно научится. А ты не забудь – как только он научится, сразу скажи мне.

Глава 10. Единственный зритель

Во втором классе Джека учил мистер Малькольм, редкий мужчина-учитель в школе Святой Хильды (в те годы у него был лишь один коллега его пола). Мистера Малькольма везде сопровождала жена, точнее, это он ее сопровождал. Она почти ничего не видела, была прикована к инвалидной коляске, и, как говорили, звук голоса мистера Малькольма успокаивал ее боли. Сам он был отличный педагог, добрый и терпеливый. Его все любили, а второклашки еще и жалели, так как его жена представляла собой подлинное чудовище. В школе Святой Хильды девочки, из тех, что постарше, вели себя жестоко по отношению к окружающим, а к себе так и вовсе были беспощадны; считалось, что виной тому – жуткие разводы их родителей. Так вот, на фоне всего этого второклашки едва не молились, чтобы мистер Малькольм развелся. Если бы он убил свою жену, они бы его простили, а сделай он это у них на глазах, устроили бы ему овацию.

Мистер же Малькольм, напротив, вел себя исключительно миролюбиво. Он и выглядел не так, как все, – опережая время, он, начав лысеть, брил голову (в семидесятые это было не принято), кроме того, носил щетину (бриться начисто он не брился, но и отпускать бороду не хотел). В те годы тот факт, что школа Святой Хильды взяла его на работу, следовало считать знаком либерализма администрации; как и второклашки, коллеги и начальство решили, что на долю мистера Малькольма и так выпало достаточно испытаний. Один лишь взгляд на его слепую жену в коляске вызывал к нему жалость.

Второклашки очень старались сделать так, чтобы мистер Малькольм был ими доволен. Ему никогда не приходилось кричать на них или наказывать, дети сами вели себя как следует. Они считали, что жизнь и без них обошлась с мистером Малькольмом чересчур круто.

Разумеется, мнение Эммы о нем было окрашено ее собственным знакомством с человеческой жестокостью, но в данном конкретном случае она, вероятно, была полностью права. Джейн – так звали жену мистера Малькольма – упала с крыши на церковном празднике. Она оканчивала школу, была красивая и всеми любимая девушка – и на тебе, неожиданно-негаданно у нее парализовало ноги. Если верить Эмме, мистер Малькольм был одним из ее дыхателей, несколько ее младше, и влюбился в нее после травмы – так как она стала куда доступнее.

– Я думаю, на него в школе никто и смотреть не хотел, до травмы Джейн и не думала его замечать, – говорила Эмма. – Но после падения с крыши Колясочнице Джейн пришлось позабыть о своей былой разборчивости.

Если так оно и было, то выбор Джейн сделала идеальный. Ей, можно сказать, повезло.

Ослепла она спустя много лет, уже состоя в браке. У Джейн Малькольм началась макулярная дегенерация – старческая болезнь, поразившая ее раньше срока. Как объяснял второклашкам мистер Малькольм, его жена ничего не видела прямо перед собой, различала только свет-тьму и движение, сохраняя лишь боковое зрение. Впрочем, и тут было не все в порядке, так как боковым зрением Джейн не различала цвета, то есть страдала дальтонизмом.

Вдобавок Джейн начала терять и рассудок, и тут у мистера Малькольма не имелось для второклашек нужных слов. Слова не могли защитить от ужаса ни детей, ни его самого. Слова «дальтонизм» и «макулярная дегенерация» считались во втором классе «словарными трудностями» – то есть новыми и незнакомыми, каждый день мистер Малькольм дарил детям по два слова из этой категории, у него имелся длинный список. В списке этом не нашлось места для слов «параноидальный» и «бред», однако именно они лучше других описывали поведение Колясочницы Джейн, чей разум давно выкатился за пределы разумного.

Она любила громко скрежетать зубами и, хорошенько разогнавшись, врезаться на своей коляске в парту Пэтси Бут. Джек в такие моменты оглядывался на Люсинду Флеминг – он боялся, как бы этакое поведение не вызвало у нее еще один приступ «тихого бешенства». Это

же полное безумие – атаковать сестер-близнецов; вместо одного вопля обязательно раздавались два – Хизер вторила Пэтси.

Иногда Джейн начинала качать головой из стороны в сторону – с силой, агрессивно, словно хотела избавиться уже и от бокового зрения; наверное, казалось ей, полная слепота лучше неполной. Когда кто-либо из подопечных мистера Малькольма поднимал руку, чтобы ответить на вопрос, Джейн обязательно прятала голову между колен – словно бы кто-то попытался перерезать ей горло, а она увернулась. Такие эпизоды повторялись регулярно, благодаря чему второклашки во всякую минуту были все внимание – то есть они очень внимательно слушали мистера Малькольма, смотря при этом – тоже очень внимательно – на миссис Малькольм.

Пару раз в неделю, не более, мистеру Малькольму приходилось делать в своей плавной речи паузы, – видимо, он так отдыхал, он вообще выглядел уставшим. Как только муж замолкал, Колясочница Джейн немедленно трогалась с места, разгонялась между рядами парт и принималась кататься туда-сюда, задевая парты костяшками пальцев (они у нее все были в садах).

Мистеру Малькольму ничего не оставалось, как бежать за школьной медсестрой или аптечкой (в зависимости от тяжести травм жены), и на некоторое время Джейн оставалась под присмотром учеников мужа – кто-то один держал сзади ее коляску, чтобы она не носилась по классу как очумелая, а остальные в страхе дрожали, отойдя от нее подальше. Детям строго наказали пресекать попытки Джейн выбраться из коляски; сомнительно, чтобы им это удалось, попробуй она в самом деле покинуть инвалидное кресло. Она и не пыталась, просто размахивала руками и вопила что есть мочи, выкрикивая имена мужниных учеников и учениц, заученные ею по перекличкам.

– Мооооорин Яаааап!!! – вопила миссис Малькольм.

– Здесь, мэ! – вопила в ответ Морин Яп, и слепая женщина поворачивала лицо в ее сторону.

– Джиинииимми Бэээээкон! – голосила миссис Малькольм.

Джимми в ответ выпускал стон. Ясно, со слухом у Колясочницы Джейн проблем не имелось, она сразу же поворачивала лицо туда, где сидел Джимми.

– Джеееек Бееееернс! – крикнула она однажды.

– Я к вашим услугам, миссис Малькольм, – ответил Джек.

Уже во втором классе умение говорить четко и правильно отличало его от одноклассников.

– Твой папа тоже умел говорить красиво, – изрекла миссис Малькольм. – Твой отец – исчадие ада. Не позволяй диаволу проклясть тебя, дабы не стать тебе как твой отец.

– Ни в коем случае, миссис Малькольм, я не позволю ему, – ответил Джек.

Ему-то казалось, что он говорит весьма уверенным тоном, однако учился он в школе для девочек, школе Святой Хильды с ее эммами и шарлоттами, так что силы в этой битве за нравственную чистоту, конечно, были неравны. Считалось, что гены Уильяма Бернса чрезвычайно сильны и обязательно себя проявят – поэтому-то в «Большом тотализаторе», как это называла Эмма (она произносила эти слова с уважением, словно бы вела речь о любимых книгах и фильмах), все и ставили на то, что Джек станет бабником. Иначе говоря, предполагалось, что это – свойство быть бабником – передается по наследству, а потому Джек просто обязан им стать. Не было человека, связанного со школой Святой Хильды, в чьих глазах Джек не был бы сыном своего отца – даже в ослепших глазах миссис Малькольм.

– Джек, не стоит обижаться – люди просто не могут совладать с любопытством, – философски рассуждала Эмма. – Гадать, кто из тебя выйдет, – это же жутко интересно, пойми и смиришься.

Миссис Малькольм явно придерживалась того же мнения.

Худший час наступал, когда мистер Малькольм возвращался обратно в класс с медсестрой или аптечкой.

– А вот и я, Джейн, я снова с тобой! – всякий раз восклицал он.

– Вы хорошо расслышали, дети? – вопрошала миссис Малькольм. – Он снова со мной!

Он никогда не уходит надолго и обязательно возвращается!

Но это было только начало.

– Пожалуйста, Джейн, не надо, – говорил мистер Малькольм, зная, что будет дальше.

– Мистер Малькольм просто обожает за мной ухаживать, – объясняла детям Колясочница Джейн. – Он делает за меня все, ну просто все – все, что я не могу сама.

– Джейн, ну что ты, что ты, – пытался урезонить ее мистер Малькольм, но она не давала ему обработать ссадины у себя на костяшках пальцев.

Вместо этого она давала ему пощечину – сначала одну, затем другую, затем постепенно обращалась в подлинную ветряную мельницу.

– Мистер Малькольм делает за меня все! – верещала Джейн. – Он кормит меня, он одевает меня, он моет меня, слышите, вы!..

– Джейн, милая...

– Он подтирает мне задницу!!! – раздавался последний и решительный вопль, после чего миссис Малькольм переходила на стоны и рыдания.

В тот же миг к ней присоединился Джимми Бэкон, за ним – сестры Бут (и как им удавалось издавать эти звуки, ведь одеял у них с собой не было), чуть позже – двойняшки Френч. Услышав барабанную дробь, Джек оборачивался к Люсинде Флеминг – как она там; всякий раз их взгляды встречались, и всякий раз на ее лице сияла блаженная улыбка, за которой, казалось, не может крыться ничего похожего на пресловутое «тихое бешенство». Джеку чудилось, что эта улыбка говорит ему: «Ну что, ты хочешь увидеть, как это? Я знаю, хочешь. Ну так я тебе покажу, будь покоен, только не в этот раз».

«Невэотраз». Джек порой думал, что это хорошее название для мира, в котором он живет с самого приготовительного класса.

Научиться жалеть мистера Малькольма – важный жизненный опыт, важная ступень в образовании. Но образованием Джека занимался не только и не столько мистер Малькольм; куда большее влияние на него оказала Эмма Оустлер.

Когда шел дождь или снег, Эмма садилась в лимузин рядом с Джеком и обращалась к водителю так:

– Пиви, будь добр, просто покатай нас по городу. Только уговор – не оборачивайся. Заднего сиденья для тебя не существует, понял?

– Сэр, вы утверждаете этот приказ? – спрашивал Пиви у Джека.

– Разумеется, Пиви, спасибо, что спросил, – отвечал мальчик.

– Мэм, что и говорить, вы у нас начальник, – подытоживал обмен репликами Пиви.

Джек и Эмма устраивались на заднем сиденье и жевали жвачку, то мятную, то фруктовую. Эмма разрешала Джеку распустить ей косу, но не давала снова ее заплести. Волос у нее было столько, что они, как вуаль, закрывали их обоих.

– Если твоя жвачка окажется у меня в волосах, конфетка моя, я тебя убью, – частенько говорила Эмма.

Джек в ответ смеялся.

Однажды в ответ на его смех Эмма ответила тоном его мамы:

– Когда жуешь жвачку, не смейся – подавишься.

Дальше они всегда смотрели на ее лифчик – Эмма униженно называла его «тренировочный». С Джековой-то колокольни «тренировки» давали эффект – груди у Эммы постепенно делались больше. Разве не для этого надо носить «тренировочный» лифчик?

Не то с его пенисом.

– Ну как там твой малыш? – обязательно спрашивала Эмма, и Джек показывал ей как.
– Малыш, скажи мне, о чем ты думаешь? – однажды спросила Эмма у Джекова пениса.
Джек не удивился – он уже знал, что пенисы понимают речь, а раз так, то, наверное, должны уметь и думать. Правда, судя по всему, его пенис пока что не очень старался.

Перейдя в третий класс, Джек простился с мистером Малькольмом. Встречались они лишь случайно, обычно в туалете – несчастный учитель порой заходил туда поплакать, хотя чаще Джек заставлял педагога перед зеркалом за изучением собственной щетины. Видимо, в изучении состояния недоусов и недобороды проявлялось то небольшое, что было в мистере Малькольме от тщеславия.

Еще реже Джек видел миссис Малькольм. Раз-другой в день на двери какого-нибудь женского туалета появлялась табличка «Не работает», это значило, что там мистер Малькольм производит с женой какие-то операции. Девочкам было приказано не беспокоить их в такие моменты.

Однажды Джек, проходя мимо туалета с означенной табличкой, четко услышал, как миссис Малькольм охаживает мужа по физиономии. В ужасе он побежал прочь, и, пока в коридоре не появились девочки – их было семь-восемь, но шуму от них как от пары-тройки дюжин, – мольбы мистера Малькольма («Ну что ты, Джейн», «Джейн, милая, пожалуйста») звенели в его ушах.

Джек провел в школе Святой Хильды еще два года и все это время скучал по мистеру Малькольму – но только по нему самому, а не по зрелищу его унижения. Видя людей в инвалидных колясках, Джек всегда испытывал к ним жалость – как до знакомства с миссис Малькольм, так и после. Изменилось другое – со второго класса он стал испытывать жалость к людям, которые ухаживают за людьми в инвалидных колясках, и куда большую, чем к самим парализованным.

Джеку и его малышу исполнилось восемь лет, и они вместе пошли в третий класс. Позднее «малыш» научился думать и говорить совершенно независимо от Джека, но чем-то вроде собственной жизни зажил уже тогда.

Как было сказано, мисс Вурц отличалась «хрупкой миловидностью», и эту хрупкость только подчеркивал ее небольшой рост. Она была меньше многих матерей своих учениц. Еще она душилась какими-то особыми духами, чей запах вдохновлял мальчиков-третьеклассников притворяться, будто они плохо понимают задание по математике. В таких случаях мисс Вурц подходила к парте очередного «тупицы» и наклонялась над ней, что позволяло притворщику хорошенько вдохнуть этот запах, а заодно насладиться видом родимого пятна у нее на правой ключице и шрама в форме рыболовного крючка на той же стороне шеи.

Когда мисс Вурц волновалась, и шрам, и родимое пятно словно вспыхивали. Джек хорошо помнил, как они светились и пульсировали в ультрафиолетовых лучах пещеры летучих мышей. Джеку очень хотелось знать, откуда у нее шрам, – не меньше, чем как Тату-Петер потерял ногу и отчего хромотает Лотти (впрочем, возможности Джека разобраться в последнем вопросе были ограничены в силу того, что мальчик считал «эпидуралку» частью женского тела).

В начальной школе все знали, что любимый писатель мисс Вурц – Шарлотта Бронте, а «Джейн Эйр» – ее библия. Вклад начальной школы в репертуар школьного театра в основном и сводился к постановкам отрывков из этого романа. Наверное, те девочки, что постарше, лучше бы могли изобразить столь непростой материал на сцене (а здесь и несгибаемая воля Джейн, и слепота Рочестера, и его превращение в верующего), однако мисс Вурц стояла на том, что играть в «Джейн Эйр» – неотъемлемое право учеников начальной школы. Джеку и в третьем, и в четвертом классе выпала честь играть Рочестера.

Ну кто еще, кроме Джека, сумел бы запомнить фразы вроде: «Мисс Эйр, опасайтесь угрызений совести, особенно когда вас искушают, когда вам хочется сойти с пути истинного; знайте – совесть есть яд, она отравляет человеческую жизнь».

Джек умел произнести эти слова так, словно понимал их смысл.

В постановке третьего класса партнершей Джека в роли Джейн оказалась Конни Тернбулл, девочка из шестого класса. Мрачная, замкнутая, она отлично подходила на роль сироты. Сам Станиславский не произнес бы свое «Не верю!», услышав, как Конни изрекает:

– Говорят, человеческие существа довольны покоем. Какая чушь!

Чем-чем, а покоем Конни никогда не осталась бы довольна.

Разумеется, зрители лопались со смеху, когда Джек – Рочестер обнимал Конни – Джейн и рыдал у нее на груди:

– Никогда, никогда еще я не видел женщину столь хрупкую и столь мужественную! Я мог бы переломить ее двумя пальцами!

Еще бы, Джек едва-едва доставал Конни до груди (и не только Конни). Но Джек плакал, зрители смеялись, а Конни Тернбулл смотрела на него так, словно хотела сказать: «Только попробуй, пенис мой сладенький!»

Однако Джек брал не способностью запоминать сложные реплики. Мисс Вурц научила его держать себя на сцене как полагается; там он был король.

– Но как мне это сделать?

– Джек, вообрази, что в зале – всего один зритель, один-единешенек, – сказала мальчику мисс Вурц. – Вообрази, что на тебя смотрит единственный зритель, и вот ты должен проникнуть ему в самое сердце.

– А кто этот зритель?

– А в чье сердце ты хотел бы проникнуть?

– В мамино?

– Нет, Джек, в ее сердце ты можешь проникнуть во всякую минуту.

Ну а в чье сердце мог проникнуть старина Рочестер? Разве это не Джейн проникала в сердца окружающих? Но кажется, мисс Вурц вела речь не об этом. Она имела в виду кого-то, кто хотел бы видеть Джека, а сам оставаться невидимым; так кто же этот неведомый зритель, чужак в театре, кому есть дело только до Джека, до Джека, и ни до кого другого? Кто хотел бы восхититься способностями Джека и в то же время скрыться от его глаз?

Конечно, Джеков единственный зритель был папа. И как только Джек научился воображать себе, что в зале сидит Уильям, он завоевал сцену. С тех пор он чувствовал – каждый шаг его, каждый миг жизни он в объективе камеры, на виду у всех. Джек позднее узнал, что искусство актера – несложное, в нем всего две тайны. Первая – ты должен уметь заставить зрителей влюбиться в тебя; вторая – затем ты должен разбить им сердце.

Как только Джек научился воображать, что в любом зале где-то в темном углу прячется папа, он победил – с тех пор он мог сыграть все, все, что угодно.

– Подумай, Джек, – упорствовала мисс Вурц. – К кому в сердце ты хочешь проникнуть? Ну, кто это?

– Папа?

– Отличная идея, для начала очень неплохо! – восхищенно сказала мисс Вурц, полыхнув родимым пятном и шрамом. – Давай посмотрим, как это работает в твоём случае.

Все и в самом деле сработало на отлично – даже когда крошке Джеку приходилось обнимать великаншу Конни. Все сработало с первой же попытки.

– Джейн! – сказал Рочестер – Джек. – Осмелюсь сказать, вы полагаете меня презренным атеистом...

И с этого момента зал принадлежал ему. Все выглядело донельзя, до колик смешно, но Джек завоевал даже Конни Тернбулл. Вот как он понял, что завоевал ее, – в ответ на эту

реплику она взяла его руку и поцеловала ее, но не притворяясь, а раскрыв губы, прикоснувшись к ней и языком, и зубами.

– Отлично сыграно, Джек, молодчина, – шепнула Конни ему на ухо.

Джек сразу почувствовал, как возненавидела Конни сидящая в зале Эмма, ее ревность ворвалась на сцену как ураган.

А больше всего в «Джейн Эйр» Джеку нравилась возможность побыть слепым; разумеется, моделью для этой части роли Рочестера служила миссис Малькольм. Почему Джеку нравилось быть слепым? Потому что, когда он спотыкался и падал, на помощь к нему бежала мисс Вурц. Разумеется, она не могла ничем ему помочь (тем более что Джек только притворился, будто ему больно), зато восхищала Джека своими глупыми вопросами:

– Джек, но почему же ты упал? Как же так получилось?

Первую сознательную реакцию вызвал у Джекова пениса вовсе не «французский» поцелуй Конни Тернбулл – ну что вы, конечно нет! Первую мысль в малыше пробудила мисс Вурц. Страсть к женщинам постарше – она пробудилась в Джеке еще в Осло, во время разговора с Ингрид Му, а преследовала его всю сознательную жизнь.

Руки у мисс Вурц были не больше рук ее же учениц-третьеклассниц; когда она утешала одну из них – или одного из мальчиков, – она всегда клала руку ребенку на плечо, и тот сразу чувствовал, как дрожат ее пальцы, словно там не рука, а маленькая трепещущая птица. Казалось, ладонь мисс Вурц собирается с минуты на минуту вспорхнуть и улететь прочь. Если бы одним прекрасным утром мисс Вурц и в самом деле выпорхнула из окна класса и не вернулась, никто бы из третьеклашек не удивился. Такая она была хрупкая и изящная, словно из перьев.

Но управлять детьми мисс Вурц не умела. Дети вели себя, в общем, нормально – не хуже других третьеклашек (один только Роланд Симпсон впоследствии стал вести себя хуже прочих и в итоге попал в тюрьму). Джимми Бэкон, конечно, стонал, но с ним вообще было не очень весело – однажды он вырядился на Хеллоуин привидением, то есть напялил на себя простыню, под которой не было ничего, совсем ничего, даже нижнего белья. И когда неожиданно, как из-под земли, перед ним появился Серый Призрак, Джимми так перепугался, что обкакался прямо в этой самой простыне.

Мисс же Вурц была столь хрупкой, что не справилась бы даже с пригостишками, да что там, со своими собственными детьми. Интересно, наверное, ее сила умела проявляться лишь на сцене. Интуиция подсказала Алисе такое вот безжалостное объяснение характера мисс Вурц:

– Бедная Каролина! Глядя на нее, думаешь, что кто-то разбил ей сердце, а она так и не смогла это пережить.

Главное, чему научила Джека мисс Вурц: жизнь – не пьеса, жизнь – импровизация. Мисс Вурц совершенно не выносила импровизации; у нее дети железно заучивали реплики и произносили их точно так, как те были напечатаны. В театре мисс Вурц Джекова способность к запоминанию пришлась ко двору как нельзя лучше; а ее подсказка вообразить себе единственного зрителя стала для Джека настоящим даром – и от нее, и от папы. Но Джек был внимательный ученик – он извлек урок и из беспомощности мисс Вурц в классе, и из ее безупречного знания, как достичь успеха на сцене. Ему сразу же стало ясно, что успеха в жизни без умения импровизировать не достичь. Нет, кто бы спорил, роли-то надо знать назубок, это верно. Но в иных ситуациях ты должен сам придумывать себе реплики, экспромтом. Мисс Вурц полностью завладела мыслями Джека – и потому, что многому могла его научить, и потому, что многое не способна была исполнить; неудивительно, что в своей памяти Джек отвел ей куда больше места, чем девочкам. Более того, она стала частью его жизни.

Мисс Вурц частенько снилась Джеку, он ее, конечно, целовал, а одета она была, конечно, не как школьная учительница. Во сне она являлась Джеку в старомодном дамском белье, какое Джек впервые увидел в каталогах у Лотти. В связи с этим его очень беспокоила одна вещь

– почему-то это белье каталоги предлагали для двух категорий женщин: тинейджеров и незамужних. Джек так никогда и не понял, почему это женщины, выйдя замуж, начинают носить другое белье.

Изредка мисс Вурц и правда появлялась перед учениками и ученицами в кремовой, почти прозрачной блузке; но в классе было холодно, так что обычно поверх блузки красовался свитер, каждый день новый. Все это очень мисс Вурц шло. Алиса сказала сыну, что это кашемировые свитеры, а значит, денег, что мисс Вурц получает в школе, на них никак не может хватать.

– У этой Вурц точно есть дружок, – говорила Эмма. – Причем богатенький, и уж точно с хорошим вкусом. Так я думаю, по крайней мере.

Джек не уставал опровергать обвинения Эммы, что у него стоит на Конни Тернбулл, особенно – что стоит всякий раз, как она целует ему руку. Он клялся, что малыш ну никак не реагирует, когда Джек обнимает Конни – Джейн, зарывшись (по необходимости) ей в груди. Секрет простой – у Джека отчаянно стоял все время, что рядом была Каролина Вурц, только до Эммы это никак не доходило. При этом понятие «рядом» распространялось как на реальную действительность, так и на мир снов.

Джек очень не хотел, чтобы Эмма оказалась права и у Вурц в самом деле был дружок. Уж очень он боялся, что этот дружок проникнет в его сны и застанет их с Вурц, одетой в разные корсеты, пояса и лифчики из старомодных каталогов.

Ни одна из одноклассниц, даже Люсинда Флеминг, которая как-то умудрилась за целых два года так ни разу и не проявить свое «тихое бешенство», и не думала сниться Джеку. Правда, у мисс Вурц во сне периодически возникал на верхней губе намек на усики – но тут уж всему виной Эмма Оустлер. Джек ничего не мог поделать со своей страстью к верхней губе Эммы, даже во сне. И постепенно малыш стал оживать, причем все чаще – по собственной воле, а не по желанию Джека.

– Ну, есть ли новости, Джек? – непременно шептала Эмма ему на ухо, сидя на заднем сиденье лимузина.

– Пока нет, – отвечал Джек; он как-то почувствовал, что это самый правильный, то есть самый безопасный, ответ, – и на сей раз угадал.

После того как Лотти подтыкала ему одеяло, Джек частенько вылезал из кровати и отправлялся к маме в спальню, ложился у нее и засыпал. Режим дня у них был разный, и чаще всего Джек спал в маминой спальне один. Она приходила поздно и ложилась рядом с Джеком, который уже спал там не один час. Засыпая, мама частенько перекидывала через Джека ногу, обычно он от этого просыпался. От мамы пахло табачным дымом и травой, а еще чем-то вроде бензина (перегар от белого вина, объяснили Джеку). Иногда они начинали перешептываться, лежа рядышком в полутьме. Джек не понимал, зачем они шепчут – явно не из опасений, что миссис Уикстид или Лотти подслушают их беседу.

– Ну ты как, Джеки?

– Я ничего, ты-то как?

– Мы с тобой так говорим, будто совсем не знакомы друг с другом, – шепнула однажды мама.

Джек расстраивался, что мама ни разу не видела, как он играет.

– Что ты, Джеки, я много раз видела, как ты играешь! – возразила она.

Джек-то имел в виду игру на сцене, в «Джейн Эйр» и других постановках мисс Вурц. Мисс Вурц обожала драму, но обычно ставила не пьесы, а перерабатывала романы. Джек лишь позднее сообразил, что таким способом мисс Вурц могла контролировать в постановке буквально все. Никакой чуждый ей драматург не мог дать детям неправильную команду. Мисс Вурц перерабатывала романы в пьесы так, как она одна считала нужным. Да, она требовала

от детей, чтобы на сцене они как актеры были хозяевами – но сама как драматург и режиссер контролировала каждое их движение, каждое их слово.

Позднее Джек заметил, какие восхитительные вещи не попадали в постановки мисс Вурц. Она была не только драматургом и режиссером – она была еще и цензором. Ставя «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», мисс Вурц очень много материала взяла из главы «Девушка» и почти ничего из главы «Больше не девушка». Хуже того, она доверила роль Тэсс Джеку.

«Никто не корил Тэсс так, как она сама» – так начиналась постановка (мисс Вурц обожала роль рассказчика, блистая своей дикцией). Джек, конечно, был идеальный выбор для роли существа, известного миру как «сосуд, переполненный эмоциями без малейшей примеси опыта».

Мальчик, однако, умел завоевать сцену, даже одетый в женское платье (мало того, в белое!), даже играя доярку.

– Разные эпохи детства до сих пор проявлялись в ее облике, – извещала зрителей мисс Вурц, а тем временем на сцене Энджел Клэр не мог набраться храбрости и пригласить Джека – Тэсс на танец.

Этот Энджел – какой же он слабак и трус! Какой отличный режиссерский ход – поручить эту роль Джимми Бэкону, любителю постонать и накакать в простыню.

– Несмотря на яркую женственность, щеки ее иной раз наводили на мысль о двенадцатилетней девочке, сияющие глаза – о девятилетней, а изгиб рта – о пятилетней крошке.

Джеку – Тэсс, одетому во все белое, было нечего делать на сцене. Он стоял и излучал в зал бесполою невинность своей героини. Он больше гордился ролью Рочестера, но даже тут у него были свои любимые моменты – взять хоть эту самую бесполою невинность. А еще была реплика Тэсс в адрес д'Эрбервилля (его, свинью этакую, играла не кто иная, как Шарлотта Барфорд, которую Вурц позаимствовала у средней школы):

– Вам не приходило в голову, что может найтись на свете женщина, которая будет чувствовать то, о чем другие женщины лишь говорят?

Глядя на Шарлотту Барфорд, можно было подумать, что она чрезвычайно рада соблазнить Джека – Тэсс.

Хороня своего мертвого ребенка на церковном кладбище, Джек отлично слышал, как девочки в зале, из тех, что постарше, плачут в голос. А ведь история падения Тэсс только начиналась! Джек зачитывал прозу Гарди, словно это был диалог над могилой ребенка:

– В Богом забытом уголке Его же земли, где растет одна лишь крапива... – начал Джек, а девочки в зале уже вообразили, что это может в будущем ожидать и их; именно такого эффекта и хотела добиться мисс Вурц (а возможно, и ее соавтор Томас Гарди). – Там, где лежат все некрещенные дети, известные на весь свет пьяницы, самоубийцы и прочие, кому, предположительно, уготован ад... – продолжал Джек, раззадоренный рыданием, доносящимся из первых рядов.

Мисс Вурц терпеть не могла импровизацию и поэтому не позволила Джеку пропустить наречие «предположительно», хотя он старался пропускать его на репетициях.

Когда Джек сказал слабаку Джимми Бэкону – Энджелу Клэру «но ты не смеешь танцевать со мной», он снова пронзил сердца своих зрительниц из тех, что постарше.

– Надеюсь, это не дурной знак для нас с тобой, – сказал Джек – Тэсс Джимми – Энджелу, а у девочек в зале началась истерика, ведь у Гарди что ни возьми, все дурной знак.

Девочки точно знали, что Тэсс обречена. Именно этого и добивалась мисс Вурц.

Вот что она хотела сказать им – будьте бдительны! Каждая из вас может забеременеть! А любой мужчина – или слабак, как Джимми – Энджел, или грязная похотливая свинья, как Шарлотта – д'Эрбервилль. И Джек – Тэсс отлично донес эту мысль мисс Вурц до зала. Постановки Вурц, хотя играли в них младшеклассники, служили моралью для учениц старших классов.

Джек, однако, учился в третьем всего классе! Все эти чувственные тонкости «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» были ему совершенно непонятны. Но мысль, вложенная мисс Вурц в постановку, предназначалась не Джеку. В школе Святой Хильды все самые важные мысли предназначались для девочек из тех, что постарше. А Джек был просто актер. Мисс Вурц знала, что с репликами у него проблем нет, даже если он не понимает их смысла. А на случай, если среди учениц попадались какие-нибудь законченные идиотки (из тех, разумеется, что постарше), до которых с одного раза не доходит, мисс Вурц предусмотрела вот что – весь репертуар ее театра состоял без исключения из пьес о женщинах, которым приходится преодолевать трудности.

Джеку выпало также играть Хестер Принн из «Алой буквы», но он не сумел уговорить маму прийти в школу посмотреть на него в роли прелюбодейки с красной буквой «П» на груди.

– Ненавижу этот роман, – шепнула Алиса сыну в полутьме своей спальни, – там творится такая чудовищная несправедливость. Я попрошу, чтобы Каролина сделала несколько фотографий. На них я посмотрю обязательно, Джеки, но на сцене я эту историю видеть не хочу.

Мисс Вурц глазом знатока сразу увидела в тощем теле Венди Холтон, в ее несгибаемых коленях, в ее каменной твердости, в жестокости, которую она излучала, идеального двойника злобного, одержимого мстителя Роджера Чиллингворта. Снова мисс Вурц позаимствовала из средней школы одну из мучительниц Джека.

С преподобным Димсдейлом удача оставила мисс Вурц – на эту роль она определила Люсинду Флеминг, которая в третьем классе была на голову выше Джека. Мисс Вурц рассчитывала, что в тот момент, когда преподобный переживает самый острый момент своего грехопадения, «тихое бешенство» Люсинды сыграет, вырвется на сцену и перепугает весь зал до полусмерти. Мисс Вурц явно рассчитывала, что, когда преподобный обращается к Хестер, чуть не плача: «О Боже, прости нас обоих! Ведь мы, Хестер, мы с тобой – не худшие грешники на свете! Есть еще один человек, и он мерзее даже павшего священника!», Люсиндино «бешенство» проявит себя. В самом деле, могло и получиться, если бы у девочки прямо на сцене начался приступ и она принялась бы душить себя или биться головой об осветительные приборы.

Но Люсинда и не думала сходить на сцене с ума. Возможно, ее душа выла от боли не меньше души преподобного Димсдейла, но в тот раз она решила оставить этот вой при себе. Джек был совершенно уверен, что она бережет этот момент специально для него. И все же играть на сцене с Люсиндой – Димсдейлом было лучше, чем с Венди – Чиллингвортом; Венди, когда знала, что мисс Вурц не видит, лупила Джека что есть мочи. Она винила именно Джека в том, что на роль Чиллингворта выбрали ее (нечего и говорить, роль в самом деле неблагодарная). «Алая буква» оставила на теле Джека алые ссадины.

– О боже мой, – шептала Алиса на ухо сыну в полутьме своей спальни; мама сразу поняла, что мальчику больно даже от прикосновения, и зажгла свет. – Что эти пуритане с тобой сотворили? Они что, решили, буквы «П» на одежде маловато, надо вывести ее у тебя на теле?

Отказалась мама и посмотреть, как Джек бросается под поезд в роли Анны Карениной («Я попрошу Каролину сделать несколько фотографий»). Арсенал несчастных женщин мисс Вурц был поистине неисчерпаем. А как вам решение мисс Вурц поставить на роль Вронского Эмму Оустлер? У нее даже усы были, как требуется по сюжету!

После школы – в комнате у Джека или на заднем сиденье лимузина Пиви – ведущей в их беседах по-прежнему оставалась Эмма. Ее Джек не мог завоевать, подчинить себе, ведь шла не пьеса, а импровизация, а этому искусству Джек еще только учился.

– Джек, это же восхитительно! У нас с тобой любовный роман!

– Правда? – с ужасом спросил Джек.

– Ну конечно – на сцене, ты понимаешь.

– А что у нас с тобой происходит тут? – спросил Джек, имея в виду заднее сиденье лимузина.

Он не раз лежал там, прижатый сверху ногой Эммы (она перекидывала ногу примерно так же, как Алиса); то же самое происходило и у него в комнате, когда Эмме удавалось убедить Лотти, что она помогает Джеку делать домашнее задание.

– Лотти, он очень отстаёт, но я могу ему помочь. Мне нужно только, чтобы он научился наконец меня слушать.

Интересно, о чем это она? Джек только и делал, что слушал ее; как ее не слушать, когда она физически сильнее? Вдобавок она знала, что Джек не в силах совладать со страстью к ее усикам, и принялась теперь гладить его верхнюю губу своей, а еще стала проводить ею по тыльной стороне его ладони, точь-в-точь как Конни Тернбулл. Надо сказать, у Эммы получалось лучше. А еще она щекотала его губой по щекам и, расстегнув рубашку, – по груди и животу, уделяя особое внимание пупку.

– Джек, ты вообще моешь себе там? У тебя же там нитки от одежды и одеял!

Все это была лишь прелюдия. Эмма могла играть Вронского, а могла быть самой собой (роль Эммы Оустлер в пьесе «Жизнь Джека Бернса» всегда была главной) – все это вело к последней реплике. Последняя реплика – это самое главное, не уставала повторять мисс Вурц.

– Последнюю реплику нужно сказать так, Джеки, чтобы зрители ахнули. Так ее сказать, чтобы ее до самой смерти никто не забыл, понимаешь?

В пьесе, которую играли Джек и Эмма, последняя реплика была такая:

– Ну а как поживает малыш? Он ничего себе не надумал, а, Джек?

Время было самое критическое – они репетировали «Анну Каренину», потом им предстояли «Разум и чувства» (мисс Вурц в соавторстве с Джейн Остин). А Джек и Эмма делали в постели у Джека «домашнее задание». Снизу доносились звуки – Лотти копошилась на кухне. На вопрос Эммы Джек всегда отвечал:

– Да так, ничего пока не надумал.

– Ну дай мне посмотреть, конфетка моя.

Джек показывал, Эмма вздыхала. Какая же грусть заключалась в этом вздохе (правда, Джек мог ее и вообразить – он слишком много думал о судьбе бедняжки Анны). Во всяком случае, он хотел, чтобы разочарованиям Эммы был скорее положен конец.

– Ну, иногда ему снятся сны, – продолжил однажды Джек.

– Какие сны? Кто тебе снится, Джеки?

– Ты, – отвечал мальчик (ну это еще не так страшно, вот как ей сказать про мисс Вурц?).

– А что я делаю?

– Ну, как бы это... твои усики, они играют важную роль.

– Ах ты, юный извращенец, penis мой сахарный, негодник Джек...

– А еще на мисс Вурц только нижнее белье! – выпалил от неожиданности мальчик.

– Я чего-то делаю вместе с мисс Вурц? Джек, о боже мой!

– Нет-нет, мисс Вурц совершенно одна, просто у нее твои усики, – признался Джек. –

И нижнее белье.

– Чье нижнее белье?

Джек сбегал в комнату Лотти и принес Эмме ее каталоги.

– Джек, ты полный кретин! Только подумайте – он вообразил, что я это надену! Побойся Бога, Джек, вот я тебе сейчас покажу настоящее нижнее белье!

Джек уже видел ее старый «тренировочный» лифчик – теперь на ней был новый, на первый взгляд лишь чуть-чуть побольше. Тут Эмма его сняла, и оказалось, что под ним кроется нечто более массивное, чем прежде; а потом Эмма сняла и трусики и приложила их к юбке. Кружева, украшавшие предмет интимного туалета, произвели на Джека и его малыша новое, невиданное раньше впечатление.

– О-го-го, он дернулся, – сказала Эмма.

– Кто?

– Кто-кто, а то сам не знаешь.

Джек и Эмма вместе смотрели на малыша, который вдруг стал совсем не такой уж маленький. Эмма наклонилась к пенису Джека.

– Мисс Вурц, – сказала Эмма. – Джек, закрой глаза.

Джек немедленно закрыл.

– Каролина Вурц, – шепнула Эмма пенису Джека. – Вот что, милый, я тебе принесу настоящее нижнее белье, вот увидишь!

Не открывая глаз, Джек чувствовал – малышу идея понравилась.

– Джек, ну, я скажу, кажется, у нас наметился прогресс.

– Эмма, можно я расплету тебе косу?

– Прямо сейчас?

– Ага.

Эмма позволила ему расплести себе косу, но не спускала с его пениса глаз. Волосы ниспадали ей до бедер, Джек почувствовал, как они ласкают ему ноги.

– Конфетка моя, заработало! – сказала Эмма. – Ты угадал!

– Чайник кипит! – донесся снизу крик Лотти.

– Так, скажи мне еще раз, – уточнила Эмма. – Тебе снится мисс Вурц, у нее мои усики, а одета она в Лоттино нижнее белье.

– Нет, не Лоттино – просто белье из ее каталога, – ответил Джек.

Вид мисс Вурц в белье самой Лотти не казался Джеку привлекательным.

– А чьи у нее волосы?

– Твои, наверное. Они длинные.

– Отлично, – сказала Эмма; Джек не видел ее лица – волосы закрывали его целиком. – Кажется, мы выделили нужные приоритеты.

– Какие?

– Значит, ясно – тебя возбуждают волосы, конфетка моя. И еще женщины старше тебя, но это обычное дело.

– Вот оно что.

Ничем обычным тут для Джека и не пахло.

– О, ты посмотри, у нас в самом деле прогресс! – провозгласила Эмма и откинула волосы за спину.

У Джека стоял так, как не стоял еще никогда. А если бы малыш сделался подлиннее, его тень дотянулась бы до самого пупка.

– Боже мой, Джек, что ты намерен с этим делать?

– А я должен что-то с ним делать? – в полном изумлении спросил Джек.

Эмма обняла его, прижалась к нему обнаженными грудями; пенис Джека терся о ее шерстяную юбку, Джек немного подвинулся, чтобы пенис касался Эмминого бедра, так ему было удобнее.

– О, Джек, – сказала Эмма, – сладкий мой, какие слова! Ты такой милый, слова тебе вообще не нужны! Разумеется, тебе ничего не надо с ним делать! Просто в один прекрасный день ты захочешь сделать с ним кое-что, в тот день ты заодно узнаешь, что именно. И этот день будет не просто день, а о-го-го какой день!

Джек накрыл грудь Эммы рукой, Эмма сжала его лицо сильнее. А потом – ну, это все придумал малыш, Джек тут ни при чем. Эмма и Джек сидели рядом на кровати, обнимались, но пенис каким-то образом все еще касался Эмминого бедра. Стало быть, Джек чувствовал пенисом бедро Эммы; раз так, то и Эмма должна была чувствовать бедром его пенис. Ему было восемь, Эмме – пятнадцать. И тут Джек перекинул ногу через другое бедро Эммы, и получилось, что он лежит на ней сверху, а малыш зажат у нее между ног и касается обоих ее бедер.

– Джек, ты понимаешь, что делаешь? – спросила Эмма.

Разумеется, ни черта Джек не понимал. Эмма жевала мятную жвачку, Джек чувствовал запах.

– Ну, зато малыш, наверное, понимает, – ответила сама себе Эмма.

Джек не мог дотянуться руками до ее бедер, только до кружев на трусиках, которые Эмма положила поверх юбки.

– Ну, конфетка моя, покажи мне, что знает твой малыш, – дразнила Джека Эмма.

Ласкательное «конфетка моя» в устах Эммы служило заодно и дразнилкой.

– Я не знаю, что знает малыш, – не стал скрывать Джек, и тут и он, и малыш сделали одно важное открытие.

Оказалось, между бедер у Эммы растут волосы!

Едва пенис коснулся этих волос, Джека пронзила мысль – сейчас Эмма его убьет. Она изо всех сил сжала ноги и перевернула его на спину. Малыш весь запутался в складках ее юбки. Эмма не сразу нашла его рукой, Джек боялся, что она его вовсе оторвет. Ничего подобного – она лишь немного грубо его сжала.

– А это что такое? – спросил Джек; ему было страшно – не от того, как Эмма держит его пенис, а от этих странных волос.

– Нет, это я тебе не покажу, конфетка моя. Это уже будет надругательство над несовершеннолетними.

– Чего-чего?

– Ты не поймешь, но тебе будет очень страшно и неприятно, – сказала Эмма.

Джек сразу же поверил. Странно было другое – и Джек, и «малыш» почему-то очень хотели быть там (другое дело, что Джек и правда боялся увидеть, что там спрятано).

– Я не хочу туда смотреть, – быстро сказал он.

Эмма разжала ноги, отпустила пенис, затем снова взяла его в руки, но куда нежнее.

– Итак, одну вещь мы установили – тебя и правда возбуждают волосы, – сказала Эмма.

– Эй, чай будет слишком крепкий! – закричала снизу Лотти.

– Ну так вынь пакетики из чашки! – крикнула в ответ Эмма.

– Стынет! – не унималась Лотти.

Эмма повернулась спиной к Джеку и надела трусики; затем лифчик. Джек понял, что малыш прикоснулся к чему-то интимному, но почему там волосы?

– Как там ваше домашнее задание? – снова крикнула Лотти.

Судя по тону, еще немного, и у нее начнется истерика, – наверное, она так себя вела, когда потеряла эпидуралку.

– Эх, тяжелая жизнь у твоей Лотти, а, Джек? – спросила Эмма, глядя на пенис.

Малыш на глазах принимал свои обычные небольшие размеры.

– Джек, тебе нужно следить за этим твоим другом ежесекундно, это же надо, какое у тебя карманное чудо! Причем не маленькое! Восхитительно! Кажется, он решил пока от нас спрятаться, – сказала Эмма.

– Наверное, ему грустно, – сказал Джек.

– Вот-вот, конфетка моя, запомни эти слова. Однажды они тебе пригодятся.

Джек не мог взять в толк, при каких обстоятельствах ему могут пригодиться слова «моему пенису грустно». Мисс Вурц много знала о словах, и Джеку почему-то показалось, что эти слова ей не понравятся. Наверное, в них слишком много импровизации.

Через неделю Эмма принесла Джеку лифчик своей разведенной мамы, черного цвета. Джек сказал бы, что это пол-лифчика: в чашки вправлены жесткие металлические дуги, а сами чашки маленькие, но выглядят на удивление агрессивно. Эмма сказала, что это «пышный»

лифчик, такой, который приподнимает груди вверх. Да, решил Джек, более агрессивным лифчик и быть не может.

– А зачем приподнимать груди вверх? – спросил мальчик.

– У моей мамы маленькие груди, – сказала Эмма, – вот она и пытается выжать из них максимум.

У лифчика имелась и другая особенность – он очень сильно пах духами и потом (запах пота был лишь чуть слабее). Эмма утщила его из бака с грязным бельем.

– Но ведь так оно и лучше, – сказала Эмма.

– Не понял.

– Чего тут понимать – ты чуешь ее запах!

– Я твою маму даже не знаю. Зачем мне ее запах?

– Ты просто попробуй, конфетка моя, откуда тебе знать, что понравится малышу.

Черт, а ведь точно! Жалко только, что Джек это понял лишь много лет спустя.

Много лет спустя Джек узнает и другое, например что салон Китайца на углу Дандас-стрит и Джарвис-стрит закрывался довольно рано, часов в пять вечера. Джек забыл, кто ему раскрыл эту тайну, наверное какой-нибудь «подсевший на чернила» посетитель салонов на Квин-стрит. Когда – это Джек помнил, мама как раз открыла свой салон на этой же улице.

В семидесятые Алисе и ей подобным нечего было искать на Квин-стрит – в те времена туда ходили выпить виски мексиканцы в белых футболках, на дух не выносившие хиппи. Может, один из таких ему и сказал про салон Китайца. Наверное, говорил правду. Безмянный салон по ночам был закрыт, в крайнем случае – работал в пятницу и субботу до восьми вечера.

Так где же она проводила вечера все эти годы, что Джек учился в школе Святой Хильды? Джек не знал, что и думать. После долгих размышлений он решил, что, наверное, мама пыталась сломить свою болезненную привязанность к сыну, ведь чем старше он становился, тем больше походил на Уильяма, а чем больше он на него походил, тем больше от мальчика отдалялась Алиса.

Наверное, виной этому был и лифчик миссис Оустлер, принесенный Эммой Джеку. Алиса должна была найти его рано или поздно. Джек же ложился с ним спать каждый вечер – и даже брал с собой в постель к маме, когда ночью переползал к ней в спальню. И вот однажды мама пришла и перекинула, как обычно, ногу через спящего Джека. Джек проснулся – но Алиса проснулась тоже. Ей в ногу впились жесткие металлические дуги лифчика Эмминой мамы. Она села на кровать и зажгла свет.

– Что это у тебя тут, Джек? – спросила мама, взяв в руки вонючий лифчик.

Как она посмотрела на сына в этот миг! Джек на всю жизнь это запомнил. Казалось, она нашла в постели не лифчик, а саму Эммину маму; казалось, она застала ее и Джека в момент совершения страшного – то есть когда малыш касался того странного места, покрытого волосами.

– Это «пышный» лифчик, – объяснил Джек.

– Я знаю, что это такое, я хотела спросить, чей он.

Алиса понюхала лифчик и состроила гримасу, затем откинула одеяло и уставилась на малыша, который стоял по стойке смирно, натягивая пижамные штаны хозяина.

– Джек, рассказывай.

– Это лифчик мамы Эммы Оустлер, Эмма украла его и дала мне. Я не знаю зачем.

– А вот я знаю, – сказала Алиса.

Джек заплакал. Лицо Алисы изменилось, куда-то подевалось чудовищное омерзение, которое Джек видел только что, да и «малыш» стал уменьшаться в размерах.

– Так, не глотай сопли, не глотай, кому сказала! – рявкнула Алиса.

Джеку нужен был платок, мама протянула ему лифчик, Джек замялся.

– Давай сморкайся! Я все равно выстираю его, прежде чем отдать ей.

– Вот оно что.

– Рассказывай, Джек. Все как есть, начистоту. Например, вот с чего начни – в какие такие игры вы тут играете с Эммой?

Сын рассказал маме все – ну почти все. Наверное, он умолчал, что Эмма показывала ему свои обнаженные груди, наверное, он преуменьшил число случаев, когда Эмма просила показать ей «малыша», разумеется, не сказал, как малыш касался странных волос у Эммы между бедер. Но мама и так прекрасно поняла, в чем дело.

– Ей всего пятнадцать, а тебе, Джек, всего восемь! Боюсь, мне придется хорошенько поговорить с миссис Оустлер.

– Она накажет Эмму?

– Я искренне на это надеюсь.

– А ты меня станешь наказывать?

Как она посмотрела на него! Сначала Джек не понял, что мама хотела сказать своим «Мы с тобой так говорим, будто совсем не знакомы друг с другом». Вот теперь он понял – они с мамой друг другу чужие, так она на него глянула.

– Чего тебя зря наказывать, все равно вляпаешься во что-нибудь в этом духе, дай только срок, – только и сказала Алиса.

Глава 11. Папа, который сидит внутри

Отношения Джека и Эммы, как мы видели, развивались весьма драматически, этот же путь был уготован и отношениям Алисы и миссис Оустлер (им, впрочем, еще только предстояло зародиться). На фоне этой драмы последствия неспособности мисс Вурц держать класс в руках выглядели незаметными; впрочем, драма (импровизационного свойства) крылась и тут.

В классе Джек сидел за спиной Люсинды Флеминг. Девочка она была высокая, из-за нее бедняга Джек не видел доску, но мало этого – Люсинда еще завела привычку регулярно (и намеренно) хлестать его по лицу своим хвостом, толщиной с хорошую швабру и длиной до середины спины. Джек не знал уже, что и делать, и в ответ стал хватать Люсинду за хвост и изо всех сил дергать; силенок едва хватало, чтобы притянуть Люсинду затылком к парте, поэтому Джеку приходилось еще и нажимать ей на лоб подбородком. Но ему было больно, а Люсинде – хоть бы что, и Джек уже начал сомневаться, а правда ли она любит наносить себе травмы. Может, она просто невзлюбила Джека после того, как ей пришлось играть препоподобного Димсдейла (на пару с Джеком в роли Хестер), а может, за то, что была выше его на голову. Наверное, решил мальчик, Люсинда подумала, что если хлестать его хвостом по лицу, то он, то есть Джек, вырастет.

Каролина Вурц не видела, что Люсинда охаживает Джека хвостом. Она обратила на них внимание, когда Джеку впервые удалось притянуть Люсинду затылком к парте.

– Джек, будь так добр, – сказала мисс Вурц, – не надо меня расстраивать.

Когда Вурц снилась Джеку, ее «Не надо меня расстраивать» произносилось тоном томной соблазнительницы, в классе же – совсем иначе. Расстраивать мисс Вурц – себе дороже, она очень не любила расстраиваться и плохо умела с расстройством справляться. А третьеклашки частенько – и намеренно – ее расстраивали. Уж слишком идеальным тираном она была в своей другой роли, когда учила их играть на сцене; поэтому они с удовольствием пользовались ее слабостями в классе.

Как-то раз Гордон Френч запустил своего хомяка в волосы ненавистной сестре-двойняшке. Глядя на бедную Каролину Френч, можно было подумать, что хомяк укусил ее, да к тому же заразил бешенством, на самом же деле тот просто бегал у нее по голове туда-сюда. Мисс Вурц заплакала – наверное, испугалась, что хомяку несдобровать. Рыдание было ее последним средством защиты, и она прибегала к нему с пугающей регулярностью.

– О боже мой, не думала, что вы можете так меня расстроить! – надрывалась мисс Вурц. – Вы совершенно, совершенно не щадите мои чувства!

Когда мисс Вурц начинала рыдать, дети уже не обращали внимания на ее слова, думая лишь о том, что будет дальше и к чему невозможно подготовиться. Речь шла, конечно, о внезапном появлении Серого Призрака – все знали, что она обязательно появится, и все равно каждый раз жутко пугались.

В класс вела единственная дверь, и, несмотря на свой статус призрака, миссис Макквот не умела проходить сквозь стены; но все-таки, даже видя, как поворачивается ручка двери, дети не могли не вздрогнуть. Иногда бывало так – дверь распахивалась, а там – никого! Лишь из коридора доносится тяжелое дыхание Серого Призрака; Джимми Бэкон начинал стонать, а две пары близнецов – производить свои обычные звуки. Иногда же миссис Макквот влетала в класс, а ручка двери перед этим даже не дергалась! И только Роланд Симпсон, единственный во всем классе будущий преступник, намеренно закрывал глаза (он любил, когда его пугали).

Миссис Уикстид утверждала, будто Серый Призрак потерял на войне одно легкое. Какое легкое и на какой войне, Джек так и не узнал. Миссис Макквот служила полковой медсестрой и попала под газовую атаку (где и что был за газ, Джек тоже не знал), отсюда ее тяжелое дыхание. Серому Призраку вечно не хватало воздуха.

Третьеклашки заучили реплики миссис Макквот наизусть. После своего неожиданного появления Серый Призрак вел себя как персонаж пьесы в постановке мисс Вурц. Холодным как могила, прерывающимся на вдохи голосом миссис Макквот неизменно спрашивала:

– Кто из вас... довел мисс Вурц... до слез?!

В тот же миг все как один указывали на виновного. Когда третьеклашкам задавали этот ужасный вопрос, они были готовы предать кого угодно. В тот миг у них не было ни друзей, ни правил, ничего. Ибо они рассуждали так: если правда, что миссис Макквот попала под газовую атаку и потеряла легкое, то, значит, она умерла. Кто поручится, что она и взаправду не призрак? Ее кожа, волосы, одежда – все серое, серое, серое! И почему у нее такие холодные руки? Почему никто никогда не видел, как она приходит в школу, почему никто никогда не видел, как она ее покидает? Почему она всегда появлялась именно там, где ее никто не ждал?

Джек на всю жизнь запомнил, как Серый Призрак спросил у Гордона Френча:

– Как-как?.. Что ты там такое... запустил в волосы... своей сестре?

– Хомяка, просто хомяка, доброго и ручного! – отвечал Гордон.

– Гордон, я решила, что это мерзкая вонючая собачонка! – ответила Каролина.

Гордон знал, как себя вести: стоял, вытянув руки по швам, рядом с партой и с трепетом ожидал, когда настанет неизбежное наказание.

– Надеюсь, Каролина... ты не сделала... хомяку больно, – изрекла миссис Макквот, временно забыв о Гордоне.

– Знаете, когда у тебя хомяк в волосах, об этом не думаешь, – отвечала Каролина.

– Где хомяк? – внезапно всхлипнула мисс Вурц.

Она перепутала – миссис Макквот обращалась к ее теще, сестре Гордона.

– Пожалуйста, Каролина... отыщи хомяка, – сказал Серый Призрак.

Мисс Вурц немедленно, опередив Каролину Френч, встала на четвереньки и залезла под ее парту.

– Милая, я не тебя имела в виду, – укоризненно изрекла миссис Макквот, но поздно: все дети последовали примеру учительницы и стали ползать под партами.

– Как его зовут, Гордон? – спросила Морин Яп.

Но Серый Призрак не собирался так просто отпустить виновника.

– Гордон, ты... пойдешь со мной... и молись, чтобы хомяк... не потерялся... потому что если он... потерялся, то он обязательно... обязательно умрет, – сказала миссис Макквот и вывела за руку Гордона из класса.

Дети проводили их взглядом.

Все знали, куда Серый Призрак ведет Гордона – в школьную часовню. Обычно там никого не было, но даже если шла репетиция хора, миссис Макквот ставила провинившегося на колени посреди каменного пола в центральном проходе спиной к алтарю.

– Ты посмел... повернуться к Господу спиной, – обращалась к провинившемуся миссис Макквот. – Тебе остается лишь надеяться... что Господь не заметил.

Гордон с ужасом рассказывал, какое это мерзкое чувство – знать, что ты повернулся к Господу спиной, и не знать, заметил Он или нет. Минут через пять Гордон почувствовал, как кто-то смотрит на него сзади, откуда-то из алтаря или с кафедры. Наверное, какая-то из четырех женщин вокруг Иисуса (они ведь тоже призраки теперь) вышла из витража и прикоснулась к нему, Гордону, своей ледяной рукой.

Занятия в третьем классе прерывались на подобный манер столько раз, что дети никогда не помнили, кого последним водили в часовню и ставили спиной к Господу. Миссис Макквот никогда никого не приводила из часовни назад – она лишь уводила детей туда (Роланд Симпсон фактически жил в часовне, повернувшись спиной к Господу на веки вечные). По прошествии некоторого времени кто-нибудь из детей, обычно Морин Яп, задавал неизбежный вопрос:

– Мисс Вурц, как вы думаете, может, стоит кого-нибудь послать в часовню посмотреть, все ли в порядке с Гордоном (или кого туда нынче забрал Серый Призрак)?

– О боже мой! – всякий раз восклицала мисс Вурц. – Как же я могла забыть!

И тут же кого-нибудь посылали за Гордоном или Роландом, чтобы спасти их от неизбежной Божьей кары за то, что они стояли в церкви спиной к алтарю. Очень это было неприятно – стоять к алтарю спиной, ты словно напрашивался на наказание.

Зато таким способом третьеклашки хорошо подготовились к жизни в четвертом – где как раз и преподавала миссис Макквот. Единственные, кому доставалось от нее в четвертом классе, были новенькие ученики и ученицы, которым не выпало счастье лицезреть рыдания мисс Вурц. Кому-кому, а Серому Призраку не требовалась в классе помощь – ее дети слушались беспрекословно; другое, конечно, дело – класс мисс Вурц, где без явления потусторонних сил царил хаос.

Третьеклассники регулярно посещали часовню спиной вперед, потому что, несмотря на страх перед Серым Призраком, не имели сил отказать себе в удовольствии лицезреть очередную истерику мисс Вурц. Дети обожали, как она рыдает, и терпеть ее за это не могли, потому что даже в своем нежном возрасте понимали – именно из-за ее слабости им приходится переносить наказания от миссис Макквот. А что до Джека, так рыдания мисс Вурц даже снились ему; на мисс Вурц, как обычно, был «пышный» лифчик миссис Оустлер (несмотря на то, что мама вернула интимный предмет хозяйке).

Слава богу, Серый Призрак Джеку никогда не снился. Юный ум мальчика пришел поэтому к заключению, что миссис Макквот и правда мертва – несмотря на ее весьма регулярные появления в третьем классе, столь же регулярные, сколь и истерики мисс Вурц. Особенно сильное впечатление произвел на учительницу Джимми Бэкон – он сказал Морин Яп, что под маскарадным костюмом на Хеллоуин (он вырядился призраком) у него ничего нет, и в доказательство задрал простыню. Мисс Вурц снова заявила, что дети не шадят ее чувств и что она ужасно расстроена, расстроена навсегда! С неизбежностью в классе снова появился Серый Призрак и потащил Джимми в часовню, где несчастный, одетый призраком мальчик от ужаса обкакался, причем виной тому, по его словам, был не только страх перед Серым Призраком, но и полная уверенность, что от отвращения Иисус покинул витраж за алтарем.

– Что и говорить, Джимми, костюм ты выбрал неудачно, – только и сказала на это мисс Вурц.

Люсинда, не стесняясь, продолжала провоцировать Джека, а тот – прижимать ее за волосы к парте; но подобные шалости были не способны довести мисс Вурц до слез. Как бы жестоко они ни дрались, мисс Вурц решительно отказывалась плакать. Но если они думали, что тем самым спасены от Серого Призрака, то жестоко ошибались.

Люсинда отправилась в часовню за то, что покрасила ручкой Роланду Симпсону контрольную работу по математике, пока тот отбывал срок на каменном полу спиной к Господу. Одноклассники удивились, зачем ей это, – скорее всего, все ответы Роланда и так были неправильные.

Джек тоже разок посетил часовню, зато повод был что надо. Он таки довел мисс Вурц до слез – но не тем, что дергал Люсинду за хвост, а тем, что поцеловал ее. Разумеется, Джек представлял себе, что целует мисс Вурц, – но поскольку это было невозможно, взамен он поцеловал в затылок Люсинду.

Кто, как вы думаете, подбил Джека на такую мерзость? Конечно, Эмма Оустлер. Она была очень зла на Джека, что тот «донес» на нее Алисе, – хотя, правду сказать, ей не сильно за это влетело, так как миссис Оустлер подняла Алису на смех, когда та заявила ей, что Эмма «надругалась» над Джеком. Если верить миссис Оустлер, женщина – и девочка – в принципе не способна «надругаться» над мужчиной или мальчиком; Джеку, сказала она, вне всякого

сомнения, нравились игры, в которые с ним играла Эмма. И все-таки мама ее наказала – в течение месяца она была обязана сразу же после школы идти домой.

– Больше нам с тобой не поворковать на заднем сиденье, конфетка моя, не поставить твоего малыша по стойке смирно.

– Но это же всего только на месяц, – напомнил Эмме Джек.

– Кстати, я надеюсь, что у тебя ни на кого из третьего класса не встает, – со значением сказала Эмма. – Ну, кроме Вурц, естественно.

Тут Джек совершил ошибку – пожаловался Эмме на Люсинду Флеминг, ему надоело получать от нее по лицу хвостом, и вообще это несправедливо – начинает всегда она, а попадает только ему. А Эмме в данный момент очень хотелось, чтобы Джеку за что-нибудь попало.

– А-а, ну, дело ясное, Джек. Люсинда хочет, чтобы ты ее поцеловал.

– Правда? – ошарашенно спросил Джек.

– Она еще этого не осознает, но она однозначно хочет, Джек.

– Она больше меня, – сказал Джек.

– Это ничего, просто поцелуй ее – и она станет навечно твоей рабой.

– Зачем мне рабы, я не хочу!

– Ты еще этого не осознаешь, но я клянусь тебе, на самом деле ты хочешь, – сказала ему Эмма. – Ты только вообрази, что целуешь Вурц.

Судьба пробовала предостеречь Джека – но ее намек в виде обнаруженного в коробке для мела дохлого хомяка Гордона Френча мальчик пропустил мимо ушей. Он долго, очень долго не мог набраться храбрости и поцеловать Люсинду Флеминг – но одновременно не мог выкинуть эту идею из головы. Это и правда было непросто – вот она, сидит перед ним, размахивает вправо-влево хвостом, вот она, ее обнаженная шея, прямо перед глазами. И вот в один прекрасный день, когда мисс Вурц отвернулась к доске написать домашнее задание, Джек встал на цыпочки, перегнулся через парту, приподнял хвост Люсинды Флеминг и поцеловал ее в затылок.

Малыш никак не отреагировал – еще один намек судьбы, на сей раз не проигнорированный Джеком. И что это вообще за ерунду им рассказывали про Люсиндино «тихое бешенство»! Хорошенькое «тихое»! Пока Джек дергал Люсинду за хвост и притягивал ее к парте, она не издавала ни звука, но едва он ее поцеловал, поднялся такой шум, словно Люсинду укусил мстительный призрак дохлого хомяка Гордона Френча. Чего только Джеку не снилось, но мисс Вурц, в чем бы ни была одета, ни разу не реагировала на его поцелуи с такой безумной энергией.

Люсинда Флеминг покраснела как рак и заорала как резаная. Она упала в проход и принялась колотить ногами, руками и хвостом, словно ее заживо пожирала кровожадные крысы. Справиться с таким было не под силу мисс Вурц. Она, наверное, решила, что это разминка перед попыткой самоубийства.

– О бедная моя Люсинда, что тебя так расстроило? – вскричала в ужасе учительница; возможно, в реальности она произнесла какие-то иные слова, но можно поручиться, что они были такие же идиотские, – мисс Вурц, как никто другой, отличалась способностью произносить совершенно неуместные вещи.

Наверное, детям было просто любопытно, какую глупость она сморозит в следующий раз, поэтому-то они и шалили.

У мисс Вурц был талант выбирать из классической литературы лучшие фразы – они прекрасно ложились в ткань ее постановок, чаще всего она же сама их и зачитывала (роль «рассказчика» всегда оставалась за ней). Умение не изменило ей и в постановке «Разума и чувств», где Джек играл Элинора, – рассказчик голосом мисс Вурц охарактеризовал Джекова персонажа так: «Ее сердце было безупречно, нрав – добр, а чувства – сильны; и однако, она умела владеть

собой – ее матери сей навык еще только предстояло приобрести, сестра же решительно отказывалась от самой мысли учиться этому искусству».

Увы, в следующем классе мисс Вурц решила дать Джеку роль невоздержанной Марианны, которую мальчик терпеть не мог. Сам-то он хотел играть назойливую мамашу миссис Дешвуд, однако мисс Вурц сказала, что Джек «мал еще» и не может играть мать троих детей. Возмутительное лицемерие – за год до того возраст Джека не мешал ему играть ни слепого Рочестера, ни давно-уже-не-деву Тэсс, ни Хестер с красной буквой «П» на груди, ни Анну, которая не нашла настоящего мужчину и легла под поезд.

Итак, мисс Вурц рассыпалась в прах, едва лишь происходило что-либо неожиданное, но даже в такие моменты ее голос звучал внушительно и серьезно, пусть произнесенные слова ясно свидетельствовали, что учительница ни черта не понимает, что стряслось. Это ее свойство не уставало повергать детей в замешательство.

И поэтому, когда Люсинда Флеминг ни с того ни с сего вытянулась между партами, как в столбняке, и принялась биться головой об пол, мисс Вурц обратилась к классу с таким вот вопросом:

– Кто из вас, о безмозглые чада, стал причиной мук и страданий несчастной Люсинды?

– Чего-чего? – сделал круглые глаза, спросила Морин Яп.

– Люсинда описалась! – вставила Каролина Френч.

В самом деле, вокруг Люсинды растекалась порядочная лужа, ее юбка потемнела. Двойняшки Френч стали стучать ногами по полу, пытаясь попасть в такт с бьющейся в конвульсиях Люсиндой, – получалось не слишком хорошо, этой ритм-секции явно требовались репетиции. Близнецы Бут вместо своих обычных сосательных звуков стали синхронно изображать, как их душат, – или, скорее, как они душат свое одеяло. Означенная какофония была куда адекватнее происходящему (Люсинда продолжала истекать мочой и колотить головой по полу), чем самые изысканные слова мисс Вурц.

– Дети, у Люсинды приступ, – сообщила детям, которые и без нее это прекрасно поняли, учительница. – Что бы нам такое сделать, чтобы ей стало лучше?

Джимми Бэкон, по обыкновению, застонал. Джек тоже хотел помочь, но как?

– Я просто ее поцеловал, – объяснил он.

– Что ты сделал? – спросила мисс Вурц.

– В шею, – добавил Джек.

Тут он заметил, как у Люсинды закатываются глаза и она начинает в унисон с сестрами Бут издавать звуки, словно ее душат; казалось, она отправляется в мир иной. Даже Роланд Симпсон – будущий ученик школы для трудных подростков, а впоследствии и заключенный – испугался и временно решил вести себя как полагается. Что же до Джимми Бэкона, то здесь нам остается только поблагодарить Бога, что в тот день он пришел в школу в обычной одежде, а не в простыне.

Каролина Френч сделала такое лицо, словно у нее в голове завелась сразу целая сотня хомяков. Тупицы Грант Портер и Джеймс Тернер, а с ними и Гордон Френч – что там, все мальчики в классе, включая Роланда Симпсона и Джимми Бэкона, – не скрывали своего возмущения поступком Джека. Еще бы – он поцеловал умственно отсталую Люсинду Флеминг (вот уж в самом деле несмываемый позор)! А Морин Яп зарыдала – наверное, испугалась, что ее-то никто никогда целовать не станет; впрочем, на фоне мисс Вурц рыдания Морин выглядели детским лепетом.

Что же это за звуки издает Люсинда, она что, проглотила язык?

– Вот у нее и кровь пошла! – закричала Каролина Френч.

В самом деле, изо рта у Люсинды текла красная струйка. Но язык тут был ни при чем – девочка прокусила себе нижнюю губу.

– Она сейчас сама себя съест! – завопила от ужаса Морин Яп.

– Ох, Джек, ты даже не представляешь, как я расстроена, – всхлипывала мисс Вурц.

Ее послушать, так Джек не поцеловал Люсинду, а сделал ей ребенка. Ясно, на этот раз ему не избежать часовни. Значит, вот что бывает от поцелуев – моча, кровь, столбняк и все прочее; подумать только, а ведь я ее всего лишь в шею поцеловал!

Тут Джимми Бэкон потерял сознание, – как обычно, ниоткуда появился Серый Призрак. Так неожиданно, что Джимми даже обкакаться не успел. Еще секунду назад в классе были только дети и мисс Вурц – и вот уже миссис Макквот стоит на коленях рядом с Люсиндой, раскрывает ей челюсти (спасая тем самым нижнюю губу) книжкой и запихивает ее поглубже.

– Вот так, Люсинда... лучше жуй это, – сказал Серый Призрак. – Губу ты уже поря- дочно... попортила, скажем так.

Джек хорошо запомнил, что это была за книжка. Память у Джека всегда работала странно, не умела отличать важное от неважного; впрочем, в нашем случае книга Эдны Мей Берном «Курс игры на фортепиано, часть вторая», которую Джек частенько видел на парте у Люсинды, едва ли попадала в последнюю категорию. Мальчик думал, что по этой самой книге, вот по этому самому экземпляру, преподавал папа, он был в этом совершенно уверен. Конечно, он задавал по ней уроки тем самым девочкам, с которыми развлекался в школе Святой Хильды! Интересно, они обе читали ее или только одна из них?

Тут упала в обморок и Морин Яп – лицезреть происходящее, начиная с поцелуя и заканчивая книгой у Люсинды во рту, оказалось выше ее сил. Наверное, она решила, что миссис Макквот – ангел смерти, когда та склонилась над ее одноклассницей; на самом же деле такое поведение совершенно естественно для бывшей полевой медсестры – если она и правда была на войне, то видала куда больше крови.

Мисс Вурц, конечно же, продолжала рыдать, чем спровоцировала неизбежное.

– Кто из вас... – как всегда, тяжело выдохнула миссис Макквот, – довел мисс Вурц... до слез?

– Это я, – немедленно ответил Джек.

Одноклассники и одноклассницы ахнули – так не полагается! Серый Призрак, однако, не удивился, услышав голос мальчика.

– Я прошу прощения, – добавил Джек, но миссис Макквот уже глядела в другую сторону – Люсинда пришла в себя и поднялась на ноги.

Ее шатало, из прокушенной губы сочилась кровь, блузка и юбка насквозь пропитались кровью и мочой, – впрочем, Люсинда ничего этого не заметила. Она лишь безмятежно улыба- лась – как всегда.

– Люсинда... тебе надо... наложить швы, – сказал Серый Призрак. – Каролина... отведи ее... к медсестре.

Мисс Вурц снова решила, что коллега обращается к ней, но та имела в виду двойняшку Френч, которая сразу это поняла.

– Нет, я не про тебя... милая, – сказал мисс Вурц Серый Призрак. – Это же твой класс... стало быть, тебе... нужно остаться здесь.

Затем она скомандовала сестрам Бут отвести к медсестре заодно и Морин Яп – та тоже пришла в себя, но голова у нее все еще кружилась. Очнулся и Джимми Бэкон, и тоже не до конца – стоял на четвереньках на полу, словно собирался искать дохлого хомяка Гордона; его к медсестре выпало сопровождать Гранту Портеру и Джеймсу Тернеру. Джек подумал, эти двое такие тупые, они небось и не знают, где ее кабинет.

Миссис Макквот тем временем взяла Джека за ухо; он удивился, как нежно она это сде- лала. Ее пальцы, большой и указательный, были жутко холодные, но, выходя из класса, Джек не чувствовал боли, а в коридоре миссис Макквот и вовсе отпустила его, только положила руку (очень холодную) на шею и завела с Джеком весьма любезный, учитывая сложившиеся обстоятельства, разговор.

– Так что же... вызвало у мисс Вурц... истерику на этот раз? – прошептала миссис Макквот.

Джек очень боялся говорить про поцелуй, но лгать Серому Призраку было никак невозможно.

– Я поцеловал Люсинду Флеминг, – признался он.

Миссис Макквот кивнула, – кажется, она ожидала такой ответ.

– Куда?

– В шею, в затылок.

– Ох... вот оно что... слава богу... я думала, все куда хуже, – вздохнул Серый Призрак.

В часовне никого не было. Джек с ужасом представил себе, как сейчас его развернут спиной к алтарю посреди прохода, но миссис Макквот провела его в самый первый ряд, усадила на скамью и села рядом с ним.

– А почему вы не приказываете мне повернуться спиной?

– Нет, это не для тебя, Джек.

– Почему?

– Мне кажется, тебе стоит стоять к алтарю лицом, – сказал Серый Призрак. – Вот что, Джек, запомни – никогда, слышишь, никогда не поворачивайся к Богу спиной. Потому что я уверена... Он смотрит на тебя... всегда, каждую секунду.

– Правда?

– Однозначно.

– Вот оно что.

– Джек... тебе же всего восемь... а ты уже целуешь девочек!..

Подумать только, восемь лет... а ты уже!

– Я же только в шею.

– Твой поступок сам по себе... совершенно невинный... но ты видел... к чему он привел.

В самом деле, несчастная описалась, билась головой об пол, прокусила губу, теперь ей нужно наложить швы!

– Что мне делать, миссис Макквот?

– Молись, – сказала она. – А молясь... нужно стоять к алтарю лицом... так полагается.

– О чем мне молиться?

– Молись... о силе воли... о способности контролировать свою *похоть*.

– Что-что?

– Молись... о способности... держать себя в руках, Джек.

– А зачем мне держать себя в руках? Чтобы не хотелось целовать девочек?

– Чтобы не хотелось... делать вещи похуже, Джек.

Такие, какие делал твой папа, который сидит у тебя внутри, вполне могла продолжить миссис Макквот. Произнося последнюю фразу, она не смела глянуть Джеку в глаза – она смотрела ему между ног! Она явно вела речь про малыша, про вещи, которые тот может делать. Джек не очень понимал, что это за штуки такие, которые хуже, чем целовать девочек, но изо всех сил молился о том, чтобы их не делать. Он молился, молился и молился.

– Прошу прощения... что отвлекаю тебя, Джек... но у меня есть вопрос.

– Да, пожалуйста.

– Ты когда-нибудь... делал что-нибудь похуже... чем поцеловать девочку?

– А что может быть хуже?

– Ну... что-нибудь... серьезнее, чем поцелуй.

Джек взмолился, чтобы Серый Призрак простил его за то, что он сейчас скажет.

– Я спал с лифчиком миссис Оустлер.

– Ты про Эмму Оустлер? Она дала тебе свой лифчик?

– Нет, она дала мне лифчик своей мамы.

- Эмма дала тебе лифчик своей мамы?
- Да, именно так. А моя мама у меня его отобрала.
- О боже мой! – воскликнула миссис Макквот.
- Это был «пышный» лифчик, – уточнил Джек.
- Джек... молись дальше.

Она ушла, как полагается призраку, – встала на колени посреди прохода и перекрестилась. Она была так добра к нему, Джек решил, что сегодня она живее, чем он думал; но ее слова пробирали до костей не хуже, чем глас покойника из могилы.

Бог, значит, следит за Джеком Бернсом. И если Джек повернется к Нему спиной, Бог увидит. Ясно, почему Бог так пристально за ним следит, – Он знает, что Джек свернет с пути истинного, Серый Призрак был в этом совершенно уверен. Кто в этом виноват, он ли, папа ли, который сидит внутри, или независимый и своенравный малыш, – не важно, главное, Джеку, вне всякого сомнения, уготована судьба совершать сексуальные грехи, как и предсказывала Эмма Оустлер.

Он молился, молился изо всех сил; колени саднили, спина болела. Но вскоре он учуял запах фруктовой жевательной резинки.

- Что это ты тут делаешь, конфетка моя? – прошептала Эмма.

Джек не посмел обернуться.

- Молюсь, что же еще.

– Я слышала, ты таки поцеловал ее. Ей на губу наложили четыре шва! Малыш, надо нам с тобой хорошенько поработать над техникой! Девочку нельзя так целовать, она тебе не бифштекс!

– Она сама себе губу прокусила, я тут ни при чем, – ответил Джек, но Эмма и не думала верить.

- Потерял контроль над собой в момент страсти?

- Я молюсь, вообще-то, – сказал Джек, не оборачиваясь.

- Молитвы тебе не помогут, конфетка моя. Нужны тренировки, а не молитвы.

Вот так Эмма Оустлер и отвлекла Джека от молитвы. Если бы она не нашла его в часовне, Джек обязательно бы выполнил наказ Серого Призрака до конца. И если бы он сумел вымолить себе силы держать себя в руках, то есть контролировать малыша, – кто знает, от чего Джек Бернс оказался бы избавлен в будущем сам и от чего избавил бы других?

Глава 12. Еще одна иерихонская роза, но необычная

Джек в течение многих лет регулярно получал на Рождество открытки от Люсинды Флеминг (не чтение, а скука адская). Он не понимал, почему она ему пишет, и не отвечал. И уж конечно, больше не целовал ее.

Эмма Оустлер предположила, что поцелуй Джека – первый и лучший в жизни Люсинды, а скорее всего, и последний. Но Джек отверг эту теорию – количество ее детей, перечисление возрастов и дней рождения которых занимало значительную часть открытки, было слишком велико. Джек пребывал в восхищении от детородных способностей Люсинды и делал естественный вывод: муж Люсинды целует ее регулярно и, кажется, оба этим довольны. Кроме того, видимо, мужчина, который значительную часть жизни занят тем, что целует Люсинду Флеминг, скорее всего, не вызывает у нее ту реакцию, что вызвал Джек, – она не прокусывает себе насквозь нижнюю губу и не писается от ужаса.

Вспоминая школьные дни, Джек сознавал, что не скучает ни по Люсинде, ни по «бешенству», которое, как думал он некогда, одноклассница хранила специально для него. Зато он скучал по Серому Призраку. Миссис Макквот сделала все, что могла, дабы помочь Джеку не повторить путь отца. Не ее вина, что Джек мало и плохо молился, что не нашел в себе сил контролировать свою «похоть». Джек все-таки стал спиной к Богу – но это целиком его дело, ни папа, ни Серый Призрак тут ни при чем.

В четвертом классе ему стали задавать домашние задания, и пребольшие. Эмма честно помогала ему их делать, заодно трудясь не покладая рук над его сексуальным просвещением.

В четвертом классе Джека учила, как было сказано, миссис Макквот, два дня в неделю она оставалась в школе после уроков помогать Джеку с математикой. Ему было нетрудно сосредоточиваться на математике – в присутствии Серого Призрака его ничто не отвлекало, она никогда ему не снилась, ни в своем белье, ни в чужом. Джеку надо было бы сказать ей спасибо – не только за слова в часовне, но и за то, как она старалась дать ему противоядие от мисс Вурц – силу противостоять ее власти над Джеком, когда он ступал на сцену.

Джеку выпало играть Адама в слащавой версии «Адама Бида» (мисс Вурц в соавторстве с Джордж Элиот). «Целуются, охваченные глубокой радостью», – говорилось в ремарках. Никакой радости от поцелуя с Люсиндой Флеминг Джек не испытал, но на сцене ничто не могло ему помешать. Задача, однако, оказалась не из простых – в роли Дины выступала Хизер Бут. Мало того что сама Хизер на протяжении всего спектакля издавала свои любимые «одеяльные» звуки – ее сестра, стоявшая за задником, вторила ей.

Пэтси Бут мисс Вурц доверила роль Хетти, женщины, которая предаст Адама. Нет, вы только подумайте, какой ужас! Джек – Адам в итоге женится на точной копии женщины, которая предаст его! Бедная Джордж Элиот не иначе перевернулась в гробу.

Еще Вурц испытывала чрезвычайно сильные чувства к одному месту в пятьдесят четвертой главе. Как обычно, она превратила повествование в диалог и вложила его в уста Джека. Тот мужественно справился с трудностями – реплики были ужасно тяжелые, а взгляд влюбленных глаз Хизер Бут ничуть не помогал ему.

– Разве бывает в жизни двух людей лучший миг, чем тот, когда они понимают, что соединены навеки – что им предстоит всю жизнь помогать друг другу, давать друг другу силы, опираться друг на друга во время любого ненастья, облегчать друг другу боль и разделить друг с другом все до единого воспоминания в час, когда смерть разлучит их навсегда? – таким вот слогом вопрошал Джек – Адам Хизер – Дину, а та все посасывала да посасывала невидимое одеяло, словно бы поцелуй возлюбленного вызвал у нее рвотный рефлекс.

– Джек, – сказала миссис Макквот, посмотрев пьесу, – тебе не следует воспринимать слова мисс Вурц как истину в последней инстанции. Щепотка соли не помешает.

– Чего?

– Это такое выражение – добавить щепотку соли, то есть не относиться к чему-либо слишком серьезно.

– Вот оно что.

– Лично я, к примеру, вовсе не думаю, что в жизни двух людей лучший миг – тот, когда они понимают, что соединены навеки. По мне, большего ужаса и представить себе нельзя.

Джек немедленно сделал вывод, что либо миссис Макквот несчастлива в браке, либо ее муж умер и оставил ее несчастной вдовой, по привычке именующей себя «миссис», и при этом перед тем, как смерть разлучила их навеки, не успел поделиться с ней всеми своими воспоминаниями.

И естественно, Эмма Оустлер доводила Джека до исступления своей ревностью – да как он смеет целоваться с Хизер Бут на виду у всей школы, к тому же «охваченный глубокой радостью»!

– А ты языком воспользовался? – спросила Эмма. – Из зала мне показалось, что у вас настоящий французский поцелуй.

– Как я должен был им воспользоваться?

– Так, это еще один пункт в наше домашнее задание. Черт, по этой программе мы отстаем, и еще как! Кажется, ты чересчур много времени тратишь на математику.

– По какой программе мы отстаем?

– Дубина, из зала мне казалось, ты ее душишь!

Разгадка-то простая – свои сосущие звуки сестры Бут начали издавать еще в приготовительном классе, Эмма могла бы и припомнить, ведь породили их, скорее всего, ее собственные «рассказы в тихий час»!

– Ты погоди, Джек, вот дойдете до «Миддлмарча», там ты вздохнешь с облегчением, – говорил Серый Призрак. – И роман этот лучше, чем «Адам Бид», да и мисс Вурц еще не нашла способа превратить его в моралите.

Вот так, благодаря миссис Макквот, Джек уже в четвертом классе научился видеть дальше собственного носа. Он потом долго жалел, что Серый Призрак не учил его вплоть до окончания школы, но ему и так повезло. Целый год с миссис Макквот не прошел даром.

Научиться видеть дальше собственного носа непросто, особенно с Каролиной Вурц. Она была из тех читателей, которые занимаются вивисекцией – извлекают из книг истины, моральные уроки, впечатляющие цитаты, не обращая внимания на то, какой непоправимый ущерб наносят своему (и чужому) восприятию текста. Если бы Серый Призрак, как заправский фармацевт, не прописал Джеку щепотку соли, кто знает, он, может быть, до старости думал бы, что в самом деле знает, о чем и как написаны «Джейн Эйр», «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», «Алая буква», «Анна Каренина», «Разум и чувства», «Адам Бид», «Миддлмарч». Ведь к четвертому классу он еще не прочел этих книг – он лишь играл в кастрированных мисс Вурц инсценировках.

Джек хорошо знал добрую природу женщин – ее славу поддерживала доска объявлений в школе Святой Хильды. Там регулярно появлялись, например, такие цитаты из Эмерсона: «В значительной степени мы обязаны своей цивилизованностью женщине». Джек не открыл еще пьесы мисс Вурц по «Миддлмарчу» (не говоря о романе), а уже прочел немало цитат из Джордж Элиот на той самой доске. Разумеется, сначала он думал, что писательница – мужчина, причем мужененавистник, если судить по самой популярной цитате: «Ум мужчины – в той мере, в какой он вообще существует, – всегда превосходит все уже тем, что он мужской, – в том же смысле, в каком самая маленькая из карликовых берез ценнее самой высокой пальмы, – и даже мужское невежество более высокого качества, чем все прочие». Но что же это, черт побери, значит, не уставал раздумывать Джек.

Джеку досталась роль Доротеи. Он излучал со сцены «совершенно детские представления о браке» (еще бы, он только в четвертый класс перешел!), «несмотря на все свое желание познать истину жизни».

– Гордость помогает человеку, – лепетал Джек – Доротея, – гордость вовсе не плоха, если заставляет нас скрывать наши раны. Конечно, когда она заставляет нас ранить других, это плохо.

Разумеется, это снова слова автора, вложенные в уста Джека – Доротеи волею мисс Вурц.

Она полагала, что сценические таланты Джека восхитительны, что предела его «актерским возможностям» нет. Миссис Макквот нашла на это контраргумент как раз на страницах «Миддлмарча».

– Мир битком набит натянутыми аналогиями и красивыми, но гнилыми внутри яйцами, известными человеку под именем «возможностей», – шепнул как-то на ухо Джеку Серый Призрак.

– Это Джордж Элиот? «Миддлмарч»? – удивленно переспросил он.

– А то, – ответила миссис Макквот. – Эта книга – не простецкая проповедь, Джек, она куда глубже и сложнее.

Мисс Вурц не стеснялась предсказывать Джеку блестящее будущее великого актера – нужно только старательно заучивать ее сценические уроки. Миссис Макквот и на это нашла что возразить.

– Из всех многообразных форм того, что люди называют «ошибкой», легче всего стать жертвой пророчества, – снова процитировал Серый Призрак негурцифицированный текст «Миддлмарча».

– Чего?

– Я имею в виду, Джек, что тебе нужно, нет, ты обязан играть в своей жизни более активную роль. Не мисс Вурц, а ты должен определять свое будущее.

– Вот оно что.

– Ты разве не понимаешь, в чем проблема Вурц, конфетка моя? – спрашивала его Эмма.

– А у нее есть проблема?

– Джек, ну это же очевидно – она незавершенный человек, – сказала Эмма. – Я, наверное, ошиблась, сказав, что у нее есть дружок. Наверное, дорогую одежду ей покупают родственники. Ты же не думаешь, что в ее жизни есть секс? Что он вообще хоть когда-нибудь в ее жизни был?

Надеюсь, подумал Джек, что он был у нее только в моем сне. Он не мог не признать (правда, Эмме об этом не говорил), что его весьма смущал этот контраст – как много он узнавал от мисс Вурц и сколь очевидны были ее недостатки и слабости.

Вслед за Каролиной Вурц Джек искал мудрых изречений и советов, – правда, учительница искала их в книгах, а Джек на доске объявлений школы Святой Хильды. Разными были и результаты – мисс Вурц находила много, Джек почти ничего. В те времена девочкам, из тех, что постарше, особенно нравился Халиль Джибран; Джек снял с доски одну цитату из него и принес Серому Призраку – ему потребовался перевод.

Пусть в вашей близости будут интервалы,
Пусть между вами танцуют ветры небес.

– Что это значит?

– Это чушь собачья, бред сивой кобылы, – не стесняясь, ответил Серый Призрак.

– Что?

– Это полная ерунда, Джек, эти слова не значат ни-че-го.

– Вот оно что.

Миссис Макквот скомкала бумажку с текстом Халиля.

– Я хотел вернуть ее на доску, – извиняющимся тоном сказал Джек.

– Джек, давай поставим эксперимент. Если мистеру Джиграну в самом деле место на доске, то, я уверена, он сумеет вернуться туда без нашей помощи.

Джек тоже был уверен – он вообще верил миссис Макквот. И не боялся задавать ей такие вопросы, какие не мог набраться смелости задать никому другому. Например, он очень многого не смел спросить у мамы, – к его ужасу, список таких вопросов рос изо дня в день. Она все больше и больше отдалялась от него, и Джек понял, что это знак, но только знак чего? Он устал получать все время один и тот же ответ («вырастешь – узнаешь», «мал еще»), ему, честно говоря, стало уже плевать, отчего мама ведет себя с ним так свысока.

А Лотти – она же Лотти. Когда-то он очень тепло к ней относился – особенно тепло, когда был от нее далеко, в Европе, путешествуя из порта в порт, – но вот он вырос, и Лотти больше не прижимала его к груди, не слушала биение его сердца. Джек уже находился в том возрасте, когда в такую игру приятнее играть с девочками вроде Эммы, что он и делал. Эмма говорила так:

– Самая интересная часть жизни у Лотти позади.

Миссис Уикстид, и без того старая, все больше старела; теперь она грела пальцы, не обхватывая ими чашку с горячим чаем, а опуская их туда (а когда вынимала, то иногда случайно брызгала чаем на Джека). В годы, когда ее покойный муж страдал от артрита, она научилась мастерски завязывать галстук.

– А теперь, Джек, эта болезнь поразила и меня, – говорила мальчику старуха-благодетельница. – Вот скажи мне, разве это справедливо?

Тема справедливости занимала и самого Джека.

– Ведь это же несправедливо, если я превращусь в папу, – сказал как-то мальчик миссис Макквот. С ней он всегда был откровенен, а с Эммой стал себя сдерживать, особенно в разговорах на эту тему. – Скажите, ведь это же несправедливо?

Он уже точно знал, видел сам, что она и вправду была полевой медсестрой на войне (а сколько правды было в истории про легкое, потерянное после газовой атаки, Джека уже не интересовало).

– Миссис Макквот, скажите, пожалуйста, вот вы как думаете – я стану как папа?

– Джек, пойдем пройдемся.

Он сразу понял, куда его ведут, – в часовню.

– Я наказан?

– Да нет же, что тебе в голову взбрело! Просто там мы сможем спокойно пораскинуть мозгами, нам никто не будет мешать.

Они сели на скамью в первом ряду, как полагается, лицом к алтарю. В центральном проходе стоял на коленях спиной вперед мальчик из третьего класса. Наверное, Серый Призрак оставил его в этой позе довольно давно – миссис Макквот удивилась, увидев наказанного, но тут же забыла о его существовании.

– Джек, если и вправду выйдет так, что ты станешь таким же, как папа, запомни – не вини его в этом.

– Но почему?

– Видишь ли, человек делается жертвой обстоятельств только и исключительно по собственной, понимаешь, по собственной воле. Ну еще иногда по воле Божьей, – сказал Серый Призрак.

Судя по лицу наказанного третьекласски, тот решил, что миссис Макквот говорит о нем.

Слава богу, Джек никогда не задавал следующего вопроса Эмме Оустлер. Его услышали лишь уши миссис Макквот и стены часовни.

– Скажите, а если у человека на уме один только секс, каждую минуту, – это воля Божья или что?

– О боже мой! – воскликнула миссис Макквот и перевела взгляд с алтаря на Джека. – Ты серьезно?

– Каждую минуту, – повторил он. – Мне еще снятся сны – исключительно сны о сексе, больше ни о чем.

– Джек, ты говорил об этом с мамой?

– Я знаю, что она ответит. «Мал еще говорить об этом».

– Но ты уже не мал думать и видеть об этом сны!

– Может, когда я пойду в школу для мальчиков, мне станет легче, – сказал Джек.

Он знал, что у мамы есть план – после школы Святой Хильды отдать его в школу для мальчиков. Через дорогу от Святой Хильды располагался колледж Верхней Канады, чьи воспитанники все время крутились вокруг девочек из Святой Хильды (тех, что постарше). Разумеется, миссис Уикстид хорошо знакома с кем-то из колледжа, разумеется, учителя из Святой Хильды напишут ему лучшие рекомендации (по крайней мере, в плане успеваемости). Он даже прошел собеседование в колледж. Привыкнув к серому и малиновому в Святой Хильде, Джек решил, что в колледже слишком много синего – мальчики носили галстуки в сине-белую полоску. А те, кто играл за первые команды колледжа, носили уже целиком синие галстуки. Алиса решила, что у спортсменов в колледже слишком много поклонников; их превращают в кумиров, говорила она Джеку, и это очень плохо. По сей причине на собеседовании она сказала, что ее сын не очень спортивный.

– Откуда ты знаешь? – спросил Джек, ведь он ни разу не пробовал заниматься спортом.

– Джек, верь мне, ты не спортивный.

Но он верил маме все меньше и меньше.

– И в какую же школу ты идешь? – спросил Серый Призрак.

– В колледж Верхней Канады – так мама решила.

– Я поговорю с твоей мамой, Джек. Мальчики из колледжа заживо спустят с тебя шкуру. Джек верил миссис Макквот, так что сильно перепугался и поделился страхами с Эммой.

– Как это они спустят с меня шкуру? Зачем, почему?

– Ну просто ты не спортивный, Джек.

– И что?

– Ничего, они заживо спустят с тебя шкуру, и дело с концом. Ты будешь чемпионом в другом виде – в спорте по имени «жизнь», конфетка моя.

– Спорте по имени...

– Так, заткнись и поцелуй меня, – приказала Эмма.

Они, как обычно, сидели на заднем сиденье лимузина Пиви. С недавних пор Джеков малыш стал небезразличен к Эмме – от нее требовалась лишь малая толика усилий. Правда, если у малыша было плохое настроение, то, что бы Эмма ни делала, вставать он отказывался. Эмма ходила в десятый класс, ей было шестнадцать, а на вид – то ли тридцать, то ли сорок, и еще ей поставили на зубы пластинки, что ее чрезвычайно бесило. Из-за них Джек боялся целовать ее.

– Нет, не так! – учила мальчика Эмма. – Я что, птица в клетке? Ты что, пытаешься накормить меня червячками?

– Это мой язык!

– Я знаю, что ты там мне суешь в рот. Я говорю о другом, о важном – о том, как я это воспринимаю.

– Тебе кажется, будто это червяк?

– Нет, мне кажется, что как ты меня целуешь, так я задыхаюсь.

Она притянула его за голову, затем посмотрела ему в лицо с необыкновенной теплотой и одновременно жгучим нетерпением. С каждым годом Эмма делалась все крупнее и сильнее.

Про себя же Джеку казалось, что он и вовсе не растет. Но у него теперь стоял, и еще Эмма всегда каким-то образом знала, стоит у него или нет.

– Этот твой дружок – ух, он будет знаменит!

– В каком смысле?

– В таком, что очень скоро он будет нарасхват.

– Сэр, ваша подружка вешает вам на уши лапшу, – сказал Пиви.

– Сам ты сэр! А ну закрой рот и веди машину, – приказала Эмма.

Как и Джек, Пиви не в силах был возражать.

Джек часто задумывался, что же такое произошло между мамой и миссис Оустлер, когда Алиса возвращала ей лифчик, если его снова оставили наедине с Эммой. И не просто оставили – они очень много времени проводили друг с другом, более того, частенько оставались наедине дома у Эммы. Даже если ее мама тоже была дома, она не беспокоила их – никаких бессмысленных криков про чай и тому подобное.

Оустлеры жили в трехэтажном особняке на Форест-Хилл, он достался миссис Оустлер от бывшего мужа; Эмма и мама разбогатели на разводе. В торонтских таблоидах женщин, которые заработали на разводе много денег, поливали ядом, но миссис Оустлер говорила, что этот способ разбогатеть ничуть не хуже любого другого.

Уже по лифчику можно было предсказать, какова миссис Оустлер на вид – маленькая, невысокого роста, а по Эмминым усикам – что растительность у нее на теле весьма пышная. Усиков не имелось только потому, что мама Эммы регулярно эпилировала верхнюю губу (а то, говорила Эмма, у нее были бы самые настоящие усы!). Иной наблюдатель посоветовал бы ей эпилировать заодно и руки, однако единственной видимой глазу мерой по контролю за волосяным покровом являлась у миссис Оустлер стрижка – очень короткая, как у мальчиков. Женщина она была привлекательная и даже красивая, но Джеку все равно казалось, что она похожа на мужчину.

– Верно, но на очень привлекательного мужчину, – поправляла сына Алиса.

Она полагала, что мама Эммы «просто красавица», и говорила, что ей жаль Эмму, мол, та пошла «в отца».

Джек ни разу не видел Эмминого папу. Каждый раз после зимних каникул Эмма приходила в школу загорелая – отец возил ее то в Мексику, то еще куда-то на юг. В другое время года они не встречались. Еще Эмма проводила один летний месяц в сельском доме на берегу озера Гурон, но там за ней следила или няня, или хозяин дома, папа там появлялся только по выходным. Эмма никогда ничего про него не рассказывала.

Миссис Оустлер считала, что Эмма «мала еще» эпилировать себе усики на губе; мама и дочь постоянно ссорились по этому поводу.

– Да их же почти не видно, – говорила мама Эмме, – к тому же в твоём возрасте это не имеет ни малейшего значения.

Они ссорились и по другим поводам, что естественно для одинокой матери, растящей единственного – и «трудного» – ребенка, то есть шестнадцатилетнюю дочь, которая давно сильнее и больше ее и не собирается прекращать расти.

Миссис Оустлер считала также, что Эмма «мала еще» для татуировок, – невыносимое лицемерие в глазах Эммы, ведь мама совсем недавно сделала себе татуировку у Дочурки Алисы. Джек даже не подозревал, – впрочем, что бы Эмма ему ни говорила, для него это почти всегда оказывалось новостью.

– А какую? Где? – страшно заинтересовался Джек.

Как удивительно! Оказывается, Эммина мама сделала себе татуировку, чтобы скрыть шрам.

– У нее было кесарево, – сказала Эмма.

Ага, вот опять, подумал Джек.

– Вот она и решила закрыть шрам.

Подумать только, когда-то Джек думал, что «кесарево» – это название отделения для трудных родов в больнице города Галифакса!

– Ей сделали надрез «бикини», – сказала Эмма.

– Чего?

– Ну, горизонтальный, а не вертикальный.

– Я все равно не понимаю.

Пришлось им отправиться в спальню к миссис Оустлер (ее не было дома). Там Эмма показала Джеку мамины трусики – черные, маленькие, точная пара к тому самому лифчику. Надрез у миссис Оустлер назывался «бикини» потому, что проходил ниже трусиков.

– Хорошо, а какая татуировка-то?

– Какая-то дурацкая роза.

Вот уж неправда, подумал Джек. Он готов был спорить, что знает, какую именно розу вывела мама на миссис Оустлер; если это так, то трусики не закрывают ее целиком.

– Иерихонская?

На этот раз, едва ли не впервые, опешила Эмма:

– Какая-какая?

Не так-то просто девятилетнему мальчику объяснить, что такое иерихонская роза. Джек показал Эмме кулак:

– Ну, вот такого примерно размера.

– Да, ты прав. Продолжай.

– Значит, это цветок, но в нем скрыты лепестки другого цветка.

– Какого другого цветка?

Джек слышал много разных слов, только не понимал смысла. Были какие-то «половые губы», еще было какое-то «влагалище», наверное, это все названия цветов. Значит, цветок, скрытый в иерихонской розе, – вроде эти самые «половые губы» и есть, они там и спрятаны, и это что-то такое, что бывает у женщины, то есть в розе спрятано влагалище. Джек даже представить себе не мог, какую белиберду он нес, объясняя все это Эмме, но та прекрасно поняла, о чем он ведет речь.

– Ты шутишь, Джек.

– Ну, чтобы этот цветок увидеть, надо знать, что он там, а то не найдешь, – сказал мальчик.

– Конфетка моя, только не рассказывай мне, будто знаешь, как выглядит влагалище.

– Ну, там же не настоящее влагалище, – поправился Джек.

Но уж иерихонских роз он за свою недолгую жизнь навиделся. И лепестки того цветка («розовые губки», как называл их Бабник Мадсен) он изучил довольно подробно, так что умел сразу их находить – те самые лепестки-да-не-совсем, которые и делали обычную на первый взгляд розу иерихонской.

– Наверное, ты просто не очень внимательно смотрела, – сказал Джек Эмме, которая до сих пор не могла поверить и стояла с открытым ртом. – Я имею в виду, ты не очень внимательно разглядела татуировку.

Эмма взяла Джека за руку и отвела к себе в спальню, не выпуская из другой мамины трусики, словно в знак того, что нижнее белье миссис Оустлер – ключевой элемент в его жизни.

Как выглядела спальня Эммы? Соберите воедино все предрассудки о том, что может быть в комнате у девочки, которая переживает самый острый момент перехода от детства через половое созревание к разнузданной похоти, – и вы получите точную картину. Повсюду валялись забытые плюшевые мишки и другие мягкие игрушки, на стене висел плакат с концертом «The Beatles» и еще один с Робертом Редфордом (наверное, реклама фильма «Иеремия Джон-

сон», так как у Редфорда была борода). А поверх мишек – разнообразные трусики и лифчики Эммы (у одного из мишек лифчик был затянут на шее удавкой). Взгляд знатока сразу определил бы, что Эмме страсть как хочется пройти вышеозначенный процесс побыстрее, уж точно быстрее сверстниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.